

ИНСТИТУТ АЛТАИСТИКИ им. С.С.СУРАЗАКОВА

СЕКТОР АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ АЛТАЯ

Выпуск 1

**ГОРНО-АЛТАЙСК
2003**

ББК 63.4

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ АЛТАЯ.

Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск, 2003. – Выпуск 1. – 152 с.

Редколлегия: к.и.н., доцент **В.И.Соёнов** (ответственный редактор),
к.и.н. **Л.М.Чевалков**,
О.В.Майчиков

Рецензент: к.и.н. **А.В.Эбель**

Кунгурова Н.Ю.
(г.Барнаул)

ПОСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЕ-I – ПАМЯТНИК ИРБИНСКОГО ТИПА

Поселение Енисейское находится на западной окраине с. Енисейское Бийского района Алтайского края на второй (боровой) террасе правого берега р. Бия, высотой 8 м над урезом воды. В течение 80 лет по 2001 г. на склоне берега специалистами из Бийского краеведческого музея и, позже, Алтайского госуниверситета и НПЦ «Наследие» собрано более 1200 изделий из камня. Материалы в основном представлены отщепами и изделиями, оформленными бифасиальной техникой. Их сходство с верхнепалеолитической индустрией памятников р. Бии давало основание причислить материалы к группе памятников палеолита нижнебийского типа [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с.106; 1993, с.25]. Часть коллекции вместе с керамикой ирбинского типа была отнесена к 3 тыс. до н.э., не позднее его середины [Абдулганеев, 1987, с.75].

Террасы в районе Енисейского, в том числе и вторая боровая, были охарактеризованы В.А.Панычевым. Терраса (II) имеет молодой позднеледниковый (каргинский) – раннеголоценовый возраст [Панычев, 1979, с.54]. Голоценовые отложения подробно не были охарактеризованы. Они, несомненно, представляют большой интерес для палеогеографической реконструкции времени функционирования поселения. Поселение разрушено карьером по добыче речного песка, а со стороны реки Бии терраса долгое время осыпалась. В настоящее время этот процесс продолжается. По кромке берега наблюдаются участки обнажённого культурного слоя с вещевым комплексом, точками отщепового расщепления. Стратиграфия слоёв хорошо выражена в разрезе карьера. В ходе наших работ стратиграфический разрез берега и ситуация залегания культурного слоя были охарактеризованы д.г.н. А.М. Малолетко. Характеристика дана пяти слоям (нумерация ведётся снизу вверх: 1-5).

1. Русловые отложения р. Бии: светло-серый песок средне, крупно зернистый, горизонтальная слоистость. Здесь выражены прослой галечника. Верхняя граница неровная, фиксируется линзовидными скоплениями мелкого галечника угловатой окатанности. Видимая мощность слоя 2,5 м.

2. Песок желтовато-бурый с редкими мелкими галечками, образующими единичные включения. Порода прочная за счёт цементации глинистым и железистым материалом. К нижней части слоя приурочено поселение 4-5 тыс. до н.э., обнаруженное нами западнее от карьера на этой же террасе. В верхней части слоя размещается культурный слой с керамикой ирбинского типа. Мощность слоя непостоянна – от 0,5 до 0,3 м.

3. Светло-серый песок (в высушенном состоянии белёсый, плотный): горизонт оподзоливания (вымывания). В нём очень редко встречаются единичные гальки кристаллических пород. Мощность слоя непостоянна – от 0,10 до 0,30 м.

4. Гумусовый горизонт слабо развитой аллювиальной почвы. Местами гумус отсутствует. В нём встречены артефакты I тыс. н.э. Его мощность 0,10 – 0,15 м.

5. Серый песок золотого происхождения различной мощности – от 0,10 до 0,60 м и более. Мощность слоя зависит от высоты дюны.

Условия залегания находок из одновременного поселения Енисейское-7, обнаруженного нами в 3 км западнее на этой же террасе, совпадают.

Во время полевого сезона 2001-2002 гг. нами были проведены аварийные работы и стратиграфические исследования в районе поселения, в ходе которых был вскрыт участок, расположенный между краем берега и котлованом карьера. Исследования проводились на средства федеральной программы «Культура России 2001-2005 гг.» и затем при поддержке фонда РГНФ (№ 02-01-00102а). Эта площадка вмещала остатки жилища лёгкого типа. Поскольку заполнение жилища находилось в слое рыхлой супеси, пятна опор и прочих конструкций читались неполно, а находки в жилище распределялись внутри толщи заполнения – 0,10 м. Заполнение жилища выделялось коричневым цветом и представляло собой относительно однородный пласт. В жилище находился круглый очаг открытого типа с оранжевым заполнением прокала диаметром 0,8 м, мощностью 0,2 м. К его северной стороне прилегало скопление из речных галек и битого красного камня. Здесь встречались отщепы, керамика, чуть в стороне от них – три развала сосудов двух типов (рис.1),

пест, отбойник. На расстоянии 2 м к северу и югу от очага фиксировались ямы и скопления ямок от опор конструкции жилища. Вдоль его периметра прослеживался фрагмент тёмной узкой полосы, шириной до 0,4 м. На северном от очага участке жилища располагалось скопление отщепов, вещей, среди которых обнаружено несколько крупных наконечников стрел-копий, ретушеры-отбойники и долото узкой вытянутой формы (рис.2), развалы стенок сосуда ирбинского типа. В 1,5 м к востоку от жилища обозначился край линзы желтовато-бурого цвета, с плотным цементированным заполнением (слой 2). В ней археологических находок не обнаружено. Вдоль берега глиняной линзы располагались круглые пятна столбов диаметром до 30 см, которые, вероятно, служили опорами каких-то конструкций древнего посёлка. За пределами жилища на том же уровне встречены точки расщепления камня. Это, как правило, крупные галечные желваки, с которых производилось скалывание отщепов, скопления которых находились тут же.

Приступим к характеристике вещественного комплекса поселения.

Каменные орудия изготавливались из пород камня, которые встречаются в галечнике на берегах Бии. По предварительным определениям к.г.-м.н. Б.Н.Лузгина они представляют собой осадочные породы. Это, прежде всего, разновидности алеволита: слоистые, ороговикованные, тонкозернистый песчаник серо-зелёного цвета; туф риолитового состава бурого цвета. Техника расщепления продиктована структурными особенностями такого сырья. В основе принципов изготовления орудий и оформления их поверхности, прежде всего, лежит бифасиальная оббивка. Подшлифовка выполняла лишь подсобную роль и фиксируется на нескольких предметах – отщепе и топорике. Основную часть коллекции составляют отщепы, сколы, нуклеидные сколы, единичные нуклеусы для получения отщепов. В слое обнаружен нуклеус коротких пропорций с двумя площадками для скола. Нуклеусы конусовидных или призматических форм отсутствуют. В прошлых сборах были представлены единичные экземпляры крупных пластин правильной пропорции. Одна из них – с обработанным поперечным краем. Для коллекции характерны: топорики и долота и ретушеры - отбойники узкой удлинённой формы (рис.2 – 8, 9, 12). В коллекции сборов наблюдаются также изделия с массивным сечением, как, например, скребла с высокой спинкой. Среди находок было также крупное скребло удлинённых пропорций, оформленное параллельными центрированными сколами. Малые наконечники стрел из сборов и жилища по форме не различаются. Они устойчивы: двусторонне обработанные – укороченные листовидные и подтреугольные. Крупные наконечники в жилище встречены впервые. Они изготовлены из сланцевой породы и обработаны по краям. Форма та же, что и у малых, края неровны (рис.2 – 3-7, 10, 11). В сборах имеются крупные концевые и срединные вкладыши. Срединный вкладыш прямоугольной формы ретуширован с двух сторон. Скребки выполнены на отщепах, и их формы в основном подчинены формам отщепов. Выделяются короткие экземпляры с ретушированным краем (рис.2 – 1, 2).

Сосуды из жилища представляют 2 группы:

1 группа (ирбинский тип): сосуды митровидной формы с приострѐнным дном (рис.1 – 1, 2). Один из сосудов – крупных вытянутых пропорций, другой – укороченный. Сосуды орнаментированы по всей поверхности. Для орнаментальной композиции горизонтально-зональное деление на орнаментальные пояса. Орнамент выполнен наклонными вдавлениями короткого гребенчатого штампа, нанесѐнными в отступающей технике, с акцентами уголка, либо зубчатой линии штампа, расположен горизонтальными рядами. В качестве разделителя зон участвуют ряды из последовательных продольных оттисков гребѐнки. Венчик одного сосуда орнаментирован двойными вдавлениями, венчик другого – геометрическим узором двойного зигзага. Края венчиков орнаментированы наклонной гребѐнкой.

2 группа – мелкий сосуд баночной формы с, возможно, уплощѐнным дном, изготовленный из рыхлого теста. Орнаментирован полностью по всей поверхности наклонными оттисками верѐвочного штампа, прочерченными штрихами и горизонтальными рядами ямок. Штрихи и оттиски располагаются относительно друг друга в беспорядке, участками образуя геометрические и пересекающиеся композиции (рис.1 – 3). Край венчика орнаментирован наклонными оттисками.

Полученные на Енисейском материалы представляют собой единый комплекс керамики и каменной индустрии, находящийся в области заполнения жилища. Подобная коллекция из жилищного комплекса была получена из поселения Малый Иткуль-1, керамика ирбинского типа известна на поселениях озера и реки Иткуль [Абдулганеев, Кунгурова,

2001], которые также, как и поселение Енисейское заключены в область лесного бийского массива.

Летом 2002 г. на мысу той же боровой террасы обнаружено ещё одно поселение – Енисейское-7, идентичное первому. В стратиграфическом шурфе находились крупные отщепы, обломки галек, вероятно, применявшихся в быту, фрагмент керамики (рис.3). Такие же термически расколотые гальки были встречены в жилище и слое поселения Енисейское-1. Керамика находит абсолютное сходство со второй группой посуды. Она имеет рыхлую структуру, орнаментирована рядами ямок и отпечатками верёвочного орнамента. Материал залегал в слое жёлтой плотной супеси на глубине 0,35 м от дневной поверхности. Стратиграфию верхних отложений террасы характеризуют: песчаный нанос мощностью до 0,12 м, гумусированная супесь – 0,18 м, ниже – слой жёлтой супеси. Культурный слой залегал в 0,10 м ниже подошвы слоя гумусированной супеси и выделялся только концентрацией галек и прочих культурных остатков.

Ирбинский тип керамики принадлежит крупной области распространения отступающей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, которая охватывает лесные зоны Зауралья, присутствуют в Прииртышье, Притоболье, Барабе. По радиоуглеродным датировкам, появление и распространение традиции происходит с V – IV тыс.л. до н.э. (Зах, 2001). Форма и вытянутые пропорции сосуда из Енисейского поселения близки формам в сочетании с орнаментальной традицией керамики байрыкского этапа, типу орнаментации шапкульских сосудов. М.Ф.Косарев отмечает, что каменная индустрия на памятниках с гребенчато-ямочной керамикой не распространена, а то и вовсе отсутствует. Лишь на ранних поселениях Среднего Прииртышья, Восточного Казахстана, она представлена в значительной степени [Косарев, 1981, с.58]. В.И.Молодин обратил внимание на то, что в Венгеро-3 «индустрия в основном представлена каменными орудиями, неолитический облик которых не вызывает ни каких сомнений» [Молодин, 2001, с.39, 117]. Абсолютные даты, полученные для погребений Сопка-2/2 даты 6,2 – 6,5 тыс.л. до н.э., которые скорректированы до временных рамок конца V – начала IV тыс.л. до н.э. Эта датировка согласуется с временем начала распространения в Западной Сибири общности с ямочно-гребенчатými орнаментальными традициями. Данные традиции существуют вплоть до III тыс. до н.э. [Молодин, 2001, с.39, 117].

В характеристике материалов ирбинского типа памятников в Приобье В.И.Молодин отметил присутствие сосудов как остродонных, круглодонных, так и с плоским дном [Молодин, 1977, с.38]. По ирбинским памятникам, к сожалению, не имеется полных сведений, не исследовались и поселения, а проблематика культуры остаётся открытой. С территории долины р. Бии, включая оз. Иткуль, из многослойных поселений Ляпустин Мыс и Комарово-1 имеются материалы с большемысской и ирбинской керамикой. Керамика, орнаментированная в отступающе-гребенчатых традициях обнаружена на поселении Усть-Куюм в долине р. Катунь. Поселения, где присутствовали бы только ирбинские материалы, редки. Места нахождения керамики обоих типов в правобережье р. Бии очень часто совпадают. Совпадение мест проживания диктуется, прежде всего, сходством хозяйства и традиционных занятий, а также абсолютной идентификацией природных условий. Поселение с керамикой ирбинского типа и каменными изделиями обнаружено и исследовалось на оз. Иткуль – Малый Иткуль-1 [Абдулганеев, Кунгурова, 2001]. Резюмируя сказанное, подчеркну, что Енисейское-1 – это ещё один из немногих ирбинских комплексов, которые известны в правобережье р.Бии. Он демонстрирует своеобразный комплекс каменной индустрии, морфотипы которой и приёмы расщепления, техника вторичной обработки сформировались в итоге приспособления к местным породам камня. Керамика, в особенности её форма, не характерна для известных стереотипов ирбинской посуды. Видимо, это одна из локальных форм гребенчато-ямочной традиции. Комплексное исследование материальной культуры памятников с отступающе-гребенчато-ямочными орнаментальными традициями важно для выяснения вопросов культурной трансформации групп населения Алтая в III – IV тыс. до н.э.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-1 – новый памятник эпохи раннего металла //Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд. АГУ, 1987. – С.67-80.

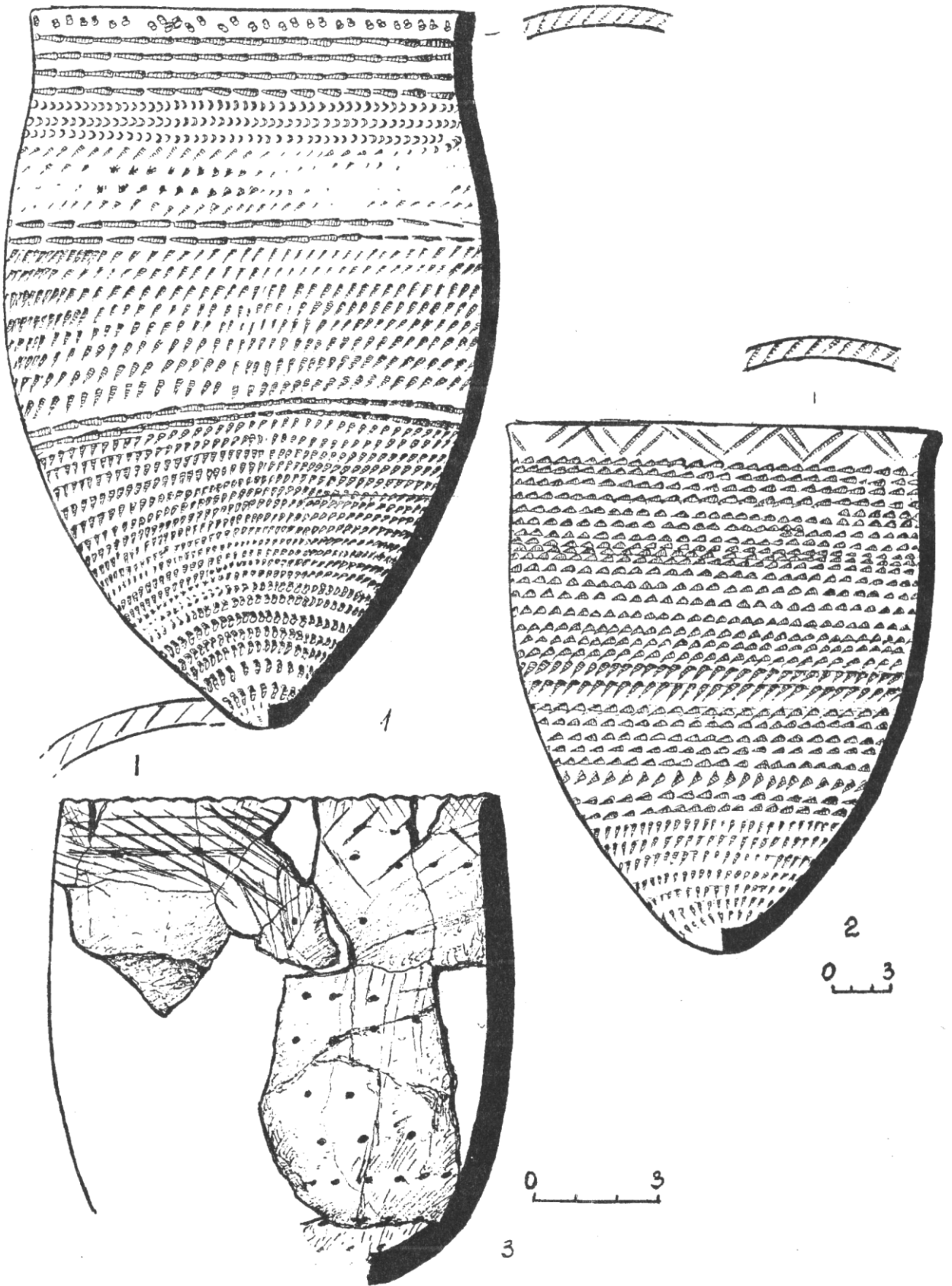

Рис.1

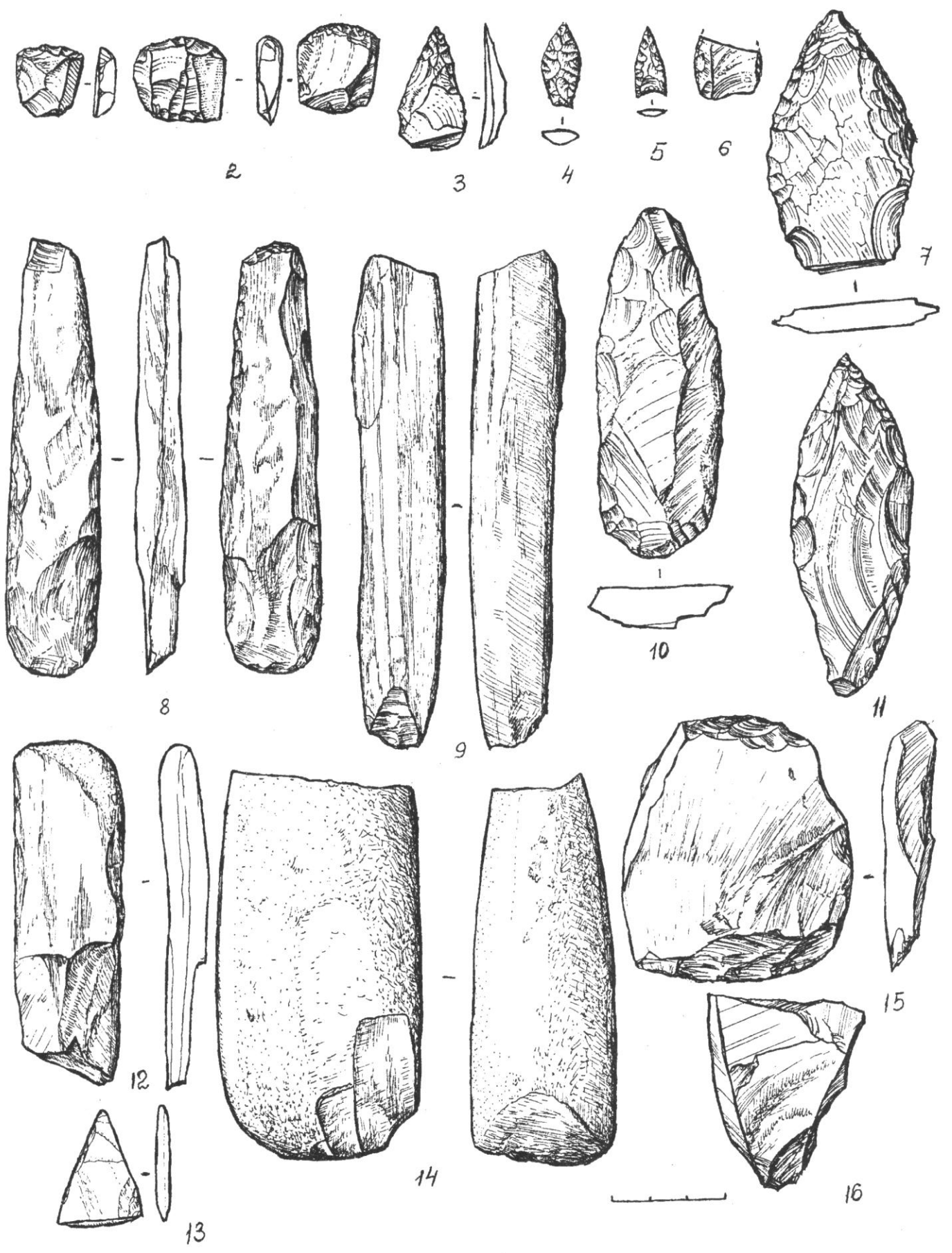

Рис.2

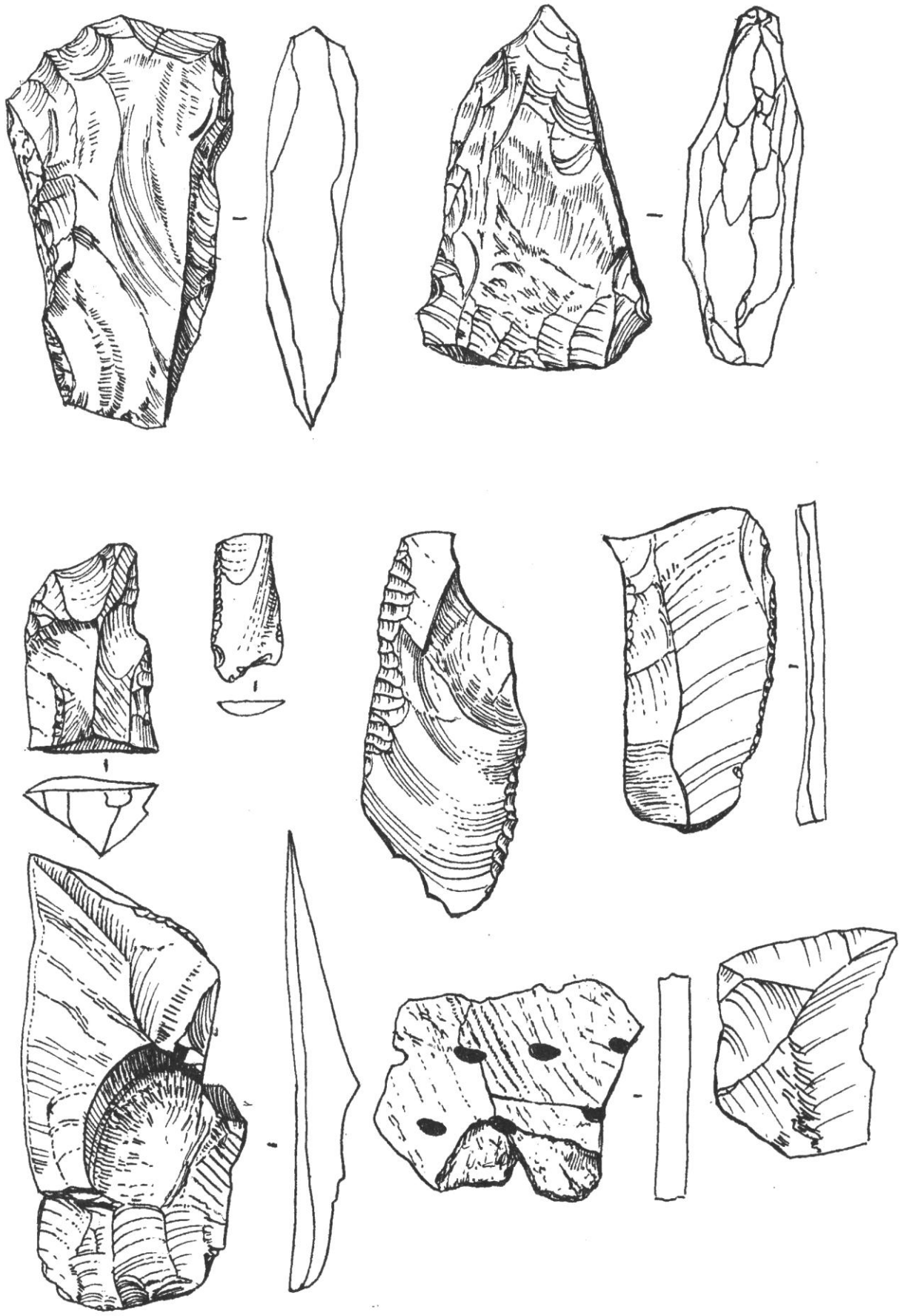

Рис.3

2. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Ранние культурные слои Малого Иткуля-1 и Городища-3 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд. АГУ, 2001. – С.18-27.
3. Зах В.А. Отступающе-гребенчато-ямочная орнаментальная традиция в неолите Западной Сибири // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: ИПОС СОРАН, 2001. – С.37-45.
4. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск: Изд.АГУ, 1992. – 114 с.
5. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
6. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь – Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 177 с.
7. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Том 1. – Новосибирск: СО РАН ИАиЭ, 2001. – 128 с.
8. Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений предгорной равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 104 с.

Список иллюстраций к статье Кунгуровой Н.Ю.

Рис.1 Керамика с поселения Енисейское-1.

Рис.2 Каменные изделия с поселения Енисейское-1.

Рис.3 Материалы с поселения Енисейское-7.

Чевалков Л.М.

(г.Горно-Алтайск)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ДОЛИНЕ РЕКИ КАРАКОЛ

Согласно договора между Институтом гуманитарных исследований Республики Алтай и Государственным учреждением “Природный парк “Уч-Энмек” в полевой сезон 2002 года с целью выявления и картографирования археологических объектов на территории парка, в верхнем течении реки Каракол Онгудайского района силами сотрудников сектора археологии Института была проведена археологическая разведка, маршруты которой пролегли по долинам правого (р. Аккем) и левого (р. Арыгем) притоков р. Каракол (рис.1). Данные водные потоки берут свое начало с северо-восточных склонов Теректинского хребта, абсолютные высоты которого в этом районе колеблются от 2500 до 2800 м над уровнем моря. Местность, где производились работы, представляет собой горную тайгу с преобладанием хвойных пород деревьев, типичную для среднегорного Алтая. Кроме того, в долинах рек встречаются довольно большие остепненные и ровные участки.

В результате изысканий обнаружен ряд археологических памятников. В долине реки Аккем, в местности Каракудюр (рис.2), которая находится в 20 км от села Кулада вверх по Караколу, экспедицией выявлено могильное поле, состоящее из восьми цепочек курганов, вытянутых поперек остепненного участка долины по линии северо-восток – юго-запад. Количество курганов в цепочках колеблется от 18 до 2, а общее их число составляет 51 объект. Насыпи курганов являют собой наброски округлой и овальной (результат склонового сползания почв?) форм из рваного скального камня и валунов из русла реки. Многие имеют неглубокие западины в центре, как результат проседания грунта. Высота их над современной поверхностью незначительна (30-40 см), хорошо задернованы, некоторые заросли низкой кустарничковой акацией. С западной стороны некоторые курганы имеют поминальные кольца из 6-8 камней, а с восточной – балбалы от одного до 3-5. По вышеуказанным признакам обнаруженные археологические объекты можно отнести к курганным могильникам пазырыкской культуры раннего железного века.

Также, в этой местности, около летней животноводческой стоянки (рис.2), в грунте, лишенном дернового слоя, собрана небольшая коллекция (13 экз.) обработанных камней

Рис.1

КАРАКУДЮР 2002 г.
ОБЩИЙ ПЛАН УРОЧИЩА

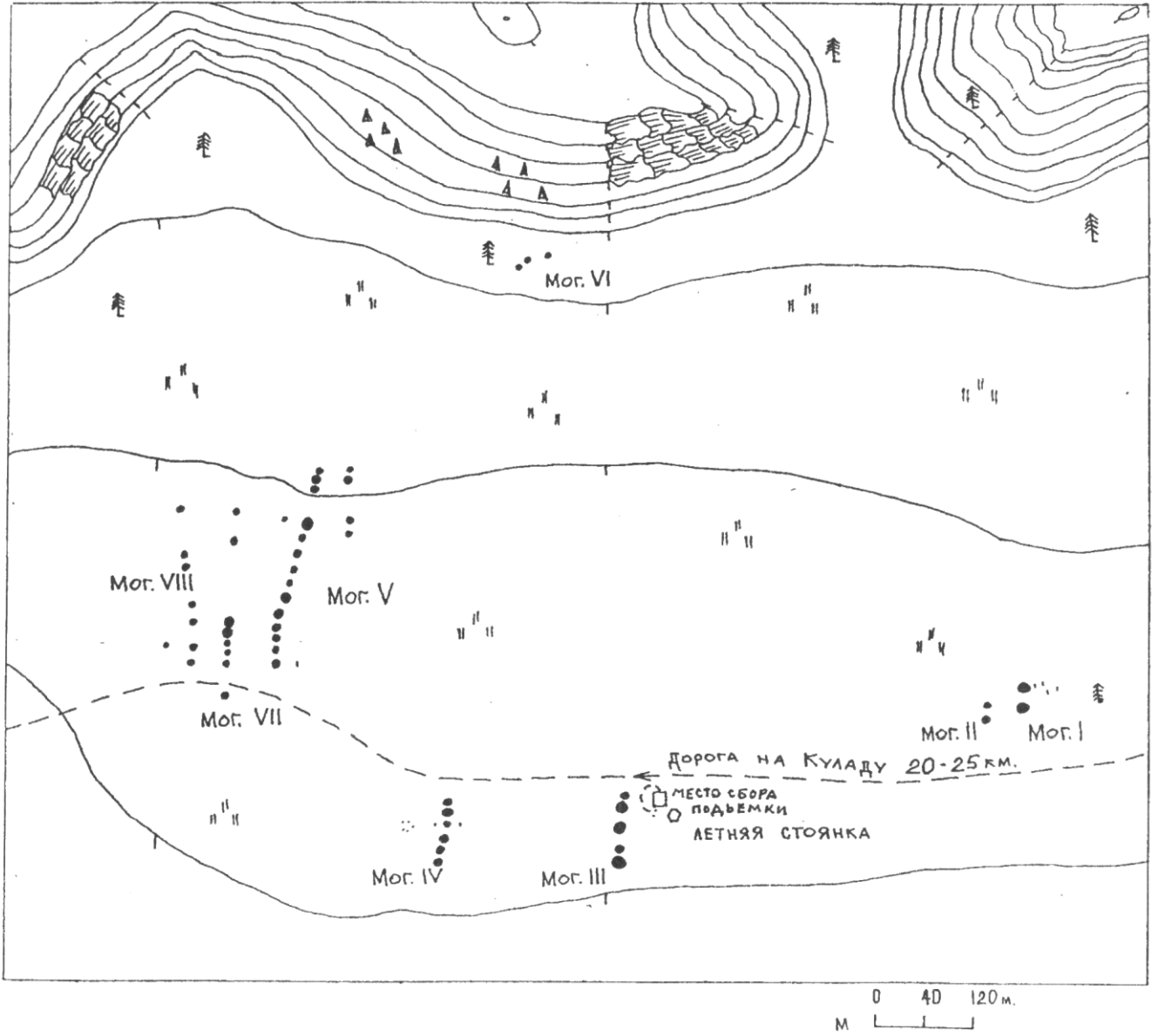
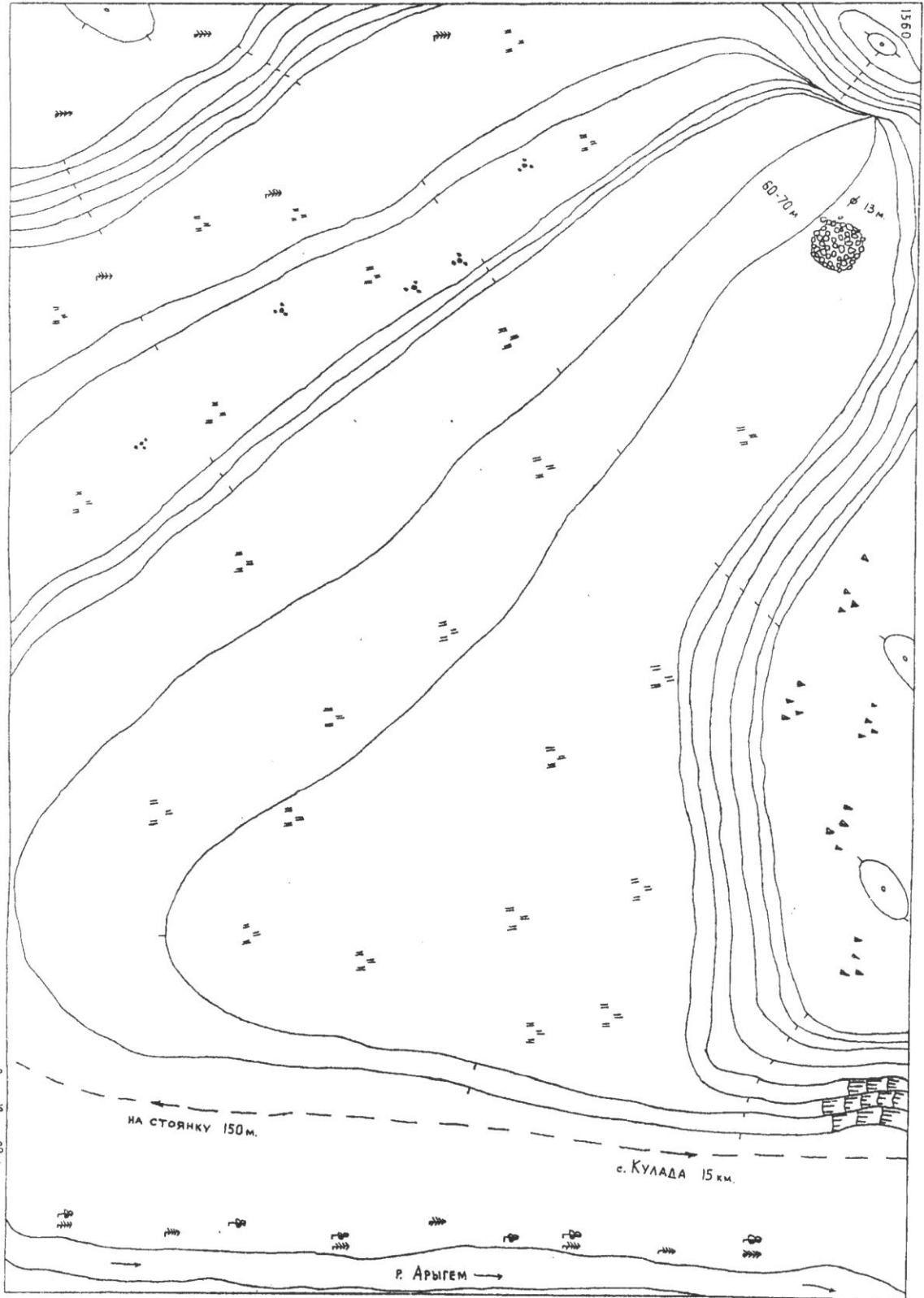

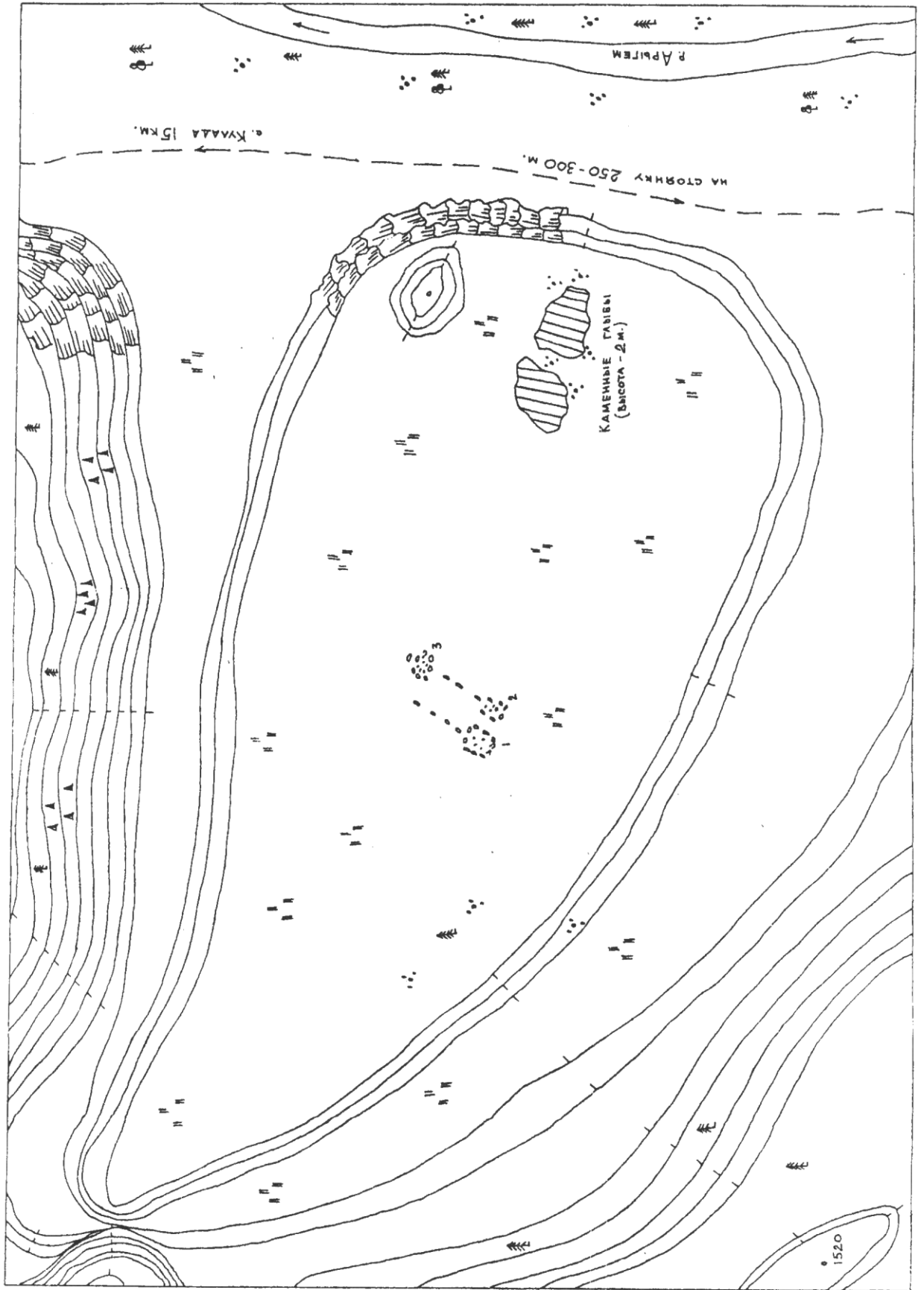
Рис.2

АРГЕМ I 2002г.

Рис. 3

Арыгем II 2002г.

0 10 20 м

Рис.4

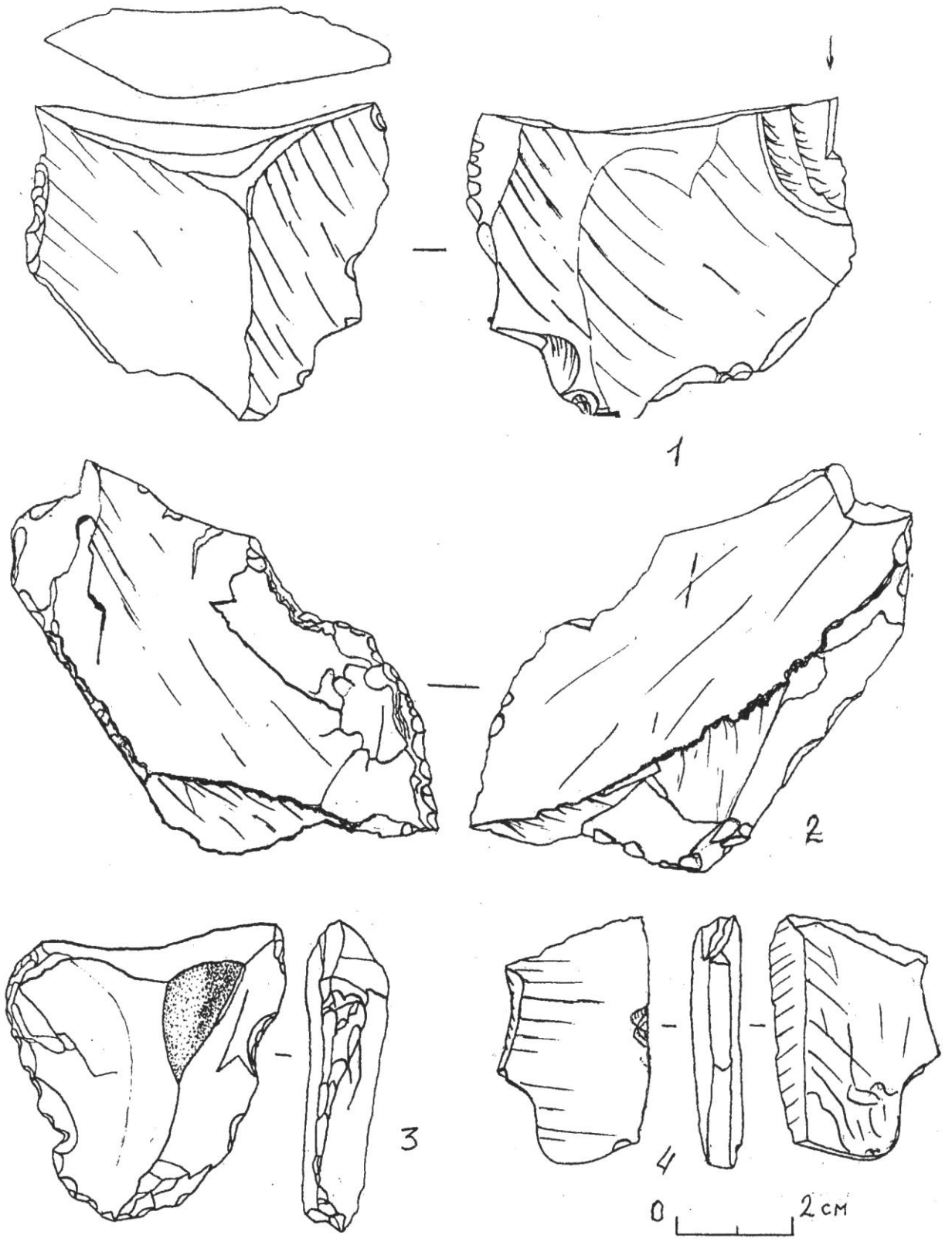

Рис.5

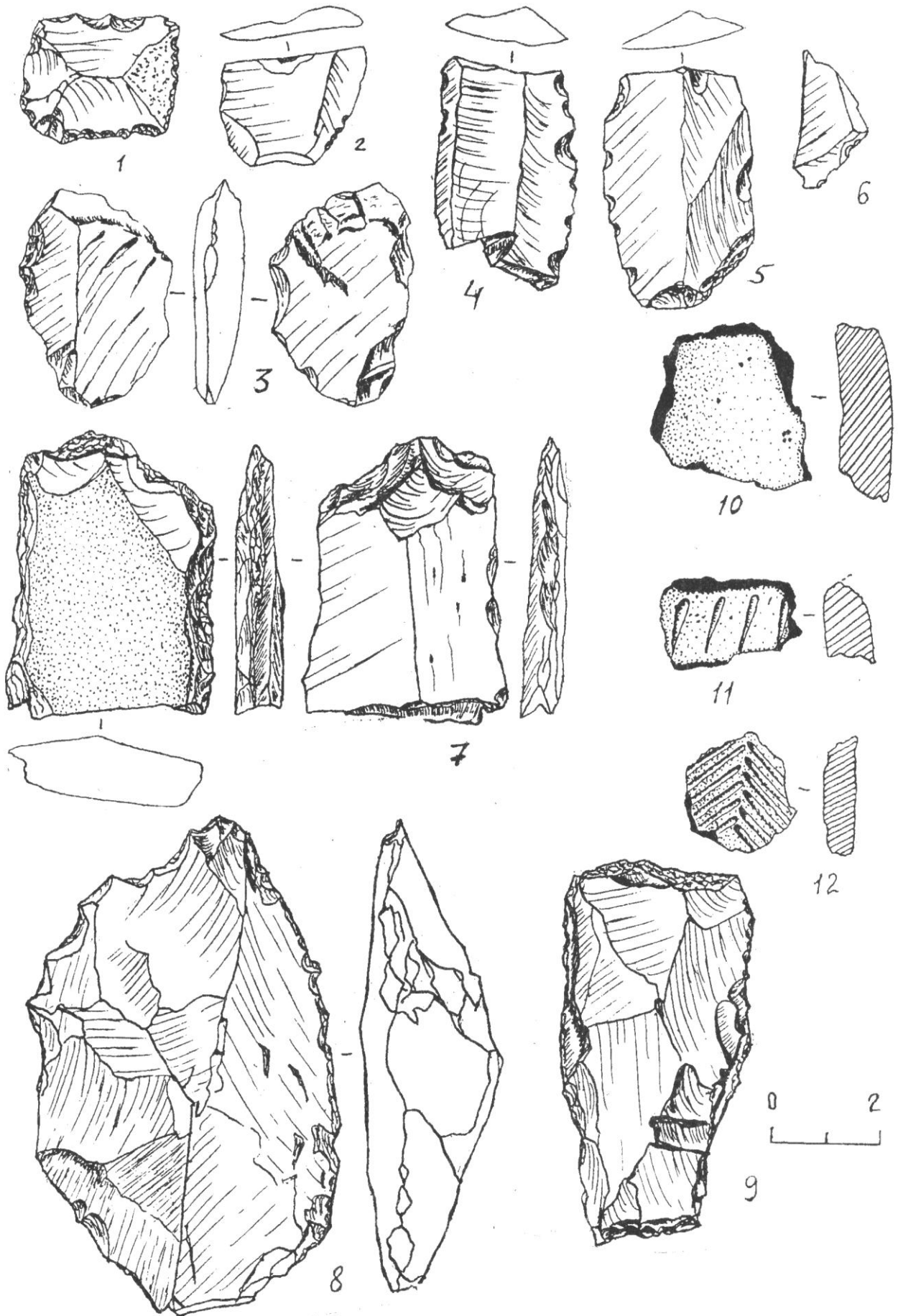

Рис.6

кремнистой породы и три небольших фрагмента керамики, два из которых орнаментированы (рис.6 – 10, 12). О технологии расщепления камня свидетельствуют продукты производства, большая часть которых представлена довольно крупными, массивными отщепами, имеются четыре фрагмента пластинчатых сколов. Большая часть (одиннадцать из тринадцати) сколов с помощью вторичной обработки преобразована в орудия. Выделены: угловой резец (рис.5 – 1), скребки – 2 экз. (рис.5 – 3; 6 – 1), один из которых оформлен ретушью по всему периметру, зубчатое орудие (рис.6 – 3), скребла – 2 экз. (рис.6 – 7, 8), выемчатое изделие (рис.5, 2), выемка ретуширована, пластины ретушированные эпизодической ретушью – 2 экз. (рис.6 – 4, 5), клювовидное изделие (рис.6 – 6), и долотовидное орудие (рис.6 – 9). Учитывая наличие фрагментов керамики с характерным елочным орнаментом весь подъемный материал можно условно отнести к афанасьевской культуре энеолита, хотя каменный инвентарь по ряду признаков может быть и более древним.

В долине реки Арыгем, в 15 км от села Кулада, в двух местах обнаружены археологические объекты. Местонахождения условно названы Арыгем 1 и Арыгем 2.

Арыгем 1 (рис.3). Местность представляет собой глубокий лог, осложненный конусом выноса и оврагом. В верхней его части обнаружен одинокий курган с каменной наброской из крупного скального камня, диаметром 13 м и высотой ок 80-100 см. Насыпь густо заросла кустами акации и крыжовника. Временная и культурная принадлежность затруднена, хотя подобного рода сооружения в схожих условиях довольно часто встречаются на Алтае и могут носить ритуальный характер (связаны с культом гор у древних жителей).

Арыгем 2 (рис.4). Геоморфологическая ситуация схожа с предыдущей. Здесь, в средней части лога обнаружены три археологических объекта. Представляют собой подквадратные сооружения, стороны которых выложены крупными камнями неправильных форм и небольшими плитами, размерами 2-3 м. В середине – слабая каменная наброска, хорошо задернованы. В северо-восточном направлении можно проследить ряды балабалов. По внешним признакам данные сооружения классифицируются как поминальные оградки тюркского времени, которые также достаточно часто встречаются на Алтае.

Завершая краткий обзор полевых изысканий, следует сказать, что верхнее течение реки Каракол и его притоки в древности были достаточно хорошо заселены человеком, начиная по крайней мере с эпохи энеолита.

Список иллюстраций к статье Чевалкова Л.М.

Рис.1 Бассейн реки Каракол. Районы разведок.

Рис.2 Общий план могильного поля урочища Каракудюр на р.Аккем.

Рис.3 План местности Арыгем I.

Рис.4 План местности Арыгем II.

Рис.5 Подъемный материал из урочища Каракудюр: 1-4 – предметы каменной индустрии.

Рис.6 Подъемный материал из урочища Каракудюр: 1-9 – предметы каменной индустрии; 10-12 – фрагменты керамики.

Дашковский П.К.
(г.Барнаул)

ЛОШАДЬ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НОМАДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ VI–II ВВ. ДО Н.Э.*

Для любого древнего общества характерна взаимосвязь социально-экономического и религиозно-мифологического процессов развития. Это обусловлено тем, что религиозные и магические обряды на ранней ступени своего развития ориентированы не только на

*Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ (проект №01-01-00062) и РФФИ (проекты №02-06-342, №03-06-06037)

«иной» мир, но и на посустороннюю реальность. Более того, эти мотивированные мышлением действия в их первоначальном выражении носили принципиальный характер, если не в рамках средства – цели, то в соответствии с правилами, установленными опытом (Вебер М., 1994, с. 78). Поэтому не случайно на территории Горного Алтая в скифскую эпоху возникает традиция сопроводительного захоронения лошади в погребальном комплексе сооружений для умершего человека. Формы реализации данного ритуала в раннескифское время значительно отличались от подобных действий в пазырыкский период. Общим проявлением было то, что лошадь имела огромное значение в экономической, социальной и культурной сферах жизни людей всей скифской эпохи (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998а, с. 581–591).

Значительная роль коня в религии и мифологии различных обществ хорошо известна по разнообразным источникам (Беленицкий А.М., 1978; Вайткунскене Л., 1990; Кузьмина Е.Е., 1977а, 1977б, 2001; Кубарев В.Д., 1981; Кирюшин Ю.Ф., 1992; Эйитиро И., 1998, с. 81–115; Потапов Л.П., 1978; Фиалко, 1996, с. 17; Балонов Ф.Р., 1996; Дубровский Д.В., Юрченко А.Г., 2000, с. 187; Жарникова С., 1990; и др.), на основании изучения которых можно заключить, что конь является по преимуществу погребальным и психопомпным животным (Элиаде М., 1987, с. 173). При этом важно отметить, что во многих мифологических системах древности не существовало принципиального полового деления для такого вида животного. Об этом, в частности, свидетельствует общеиндоевропейское название «коня», «лошади», «ек(һ)uos» без формального различия мужского и женского родов, что засвидетельствовано практически во всех древних индоевропейских диалектах (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 544).

Уже в религиозно-мифологическом произведении древних ариев – Ригведе – лошадь представлена как одно из основных священных существ, с которым связаны божественные близнецы-«Ашвины», занимавшиеся уходом за животными и их лечением (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 548–549). Сам древнеиндоевропейский «культ коня», проявляющийся в ритуале жертвоприношения этого животного, нашёл воплощение в разных обрядах, которым посвящены отдельные гимны Ригведы (I, 162–163; IV, 38–40; VII, 44; X, 178; и др.). В гимнах, связанных с жертвоприношением лошади, названы древнейшие боги ведического пантеона, начиная с Митры, Варуны и Индры (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 549).

А.К. Акишев (1978, с. 43), сопоставив мифологические сюжеты древнеиндийской мифологии с результатами раскопок Исыкского кургана, пришёл к следующему выводу. Поскольку в мифологии ариев конь (ашва) был единым образом мира, то тогда кони-близнецы с Исыкского кургана могут отражать «очень архаичные пласты мифологических представлений о едином зооморфном образе Вселенной, объединяющем полярные и синонемические начала». С антропоморфизацией богов роль коня меняется: он становится инкарнацией различных богов индоиранского пантеона. В коней воплощаются древнеиндийские боги Индра, Сурья, Ашвины, Ушас; авестийские – Митра, Веретрагна, Фарн (Хварн), Сиявуш, Вайю, Тиштрия. Кони Дадхикра и Таркшья являлись объектами поклонения у древних индийцев, им приносились жертвы (Кузьмина Е.Е., 1976, с. 53–55; Акишев А.К., 1984, с. 31–35). А.К. Акишев (1984, с. 43) отметил, что конь относился, прежде всего, к «богам соляного цикла, семантически связанным с космогонией». У индоевропейских, в том числе и у индоиранских народов, были распространены также представления о коне, как о спутнике бога Смерти, о душе, которая отправляется в потусторонний мир на колеснице и т.д. (Литвинский Б.А., 1972, с. 142; Иванов В.В., 1994, с. 666; Кузьмина Е.Е., 1977а; и др.). Эти идеи нашли отражение в Ригведе, в одной из гимнов которой коня просят перелететь и благополучно перенести умершего к предкам (Ригведа, X, 56; Дюмезиль Ж., 1986, с. 43–44; Клейн Л.С., 1987).

Примечательные сведения о семантическом значении лошади содержатся в древнекитайских источниках: «Книге Перемен» и «Книге Песен». В частности, в «Книге Перемен» (разд. «Шо гуа чжуань») записано, что «небо является конём, земля является быком», «триграмма цян означает небо и символизирует собой небосвод. Она является отцом ... является хорошим конём, жеребцом. Триграмма кунь является матерью ... является коровой с телёнком» (цит. по: Эйитиро И., 1998, с. 114). По мнению И. Эйитиро, сравнение указанных цитат, например, с якутскими верованиями, позволяет сделать вывод о том, что связь коней с небом является одним из элементов дуальной системы, где другим компо-

нентом оказывается связь коров с землей. Такая семантическая интерпретация животных органически соединялась с исходной концепцией инь-ян в «Книге Перемен». Не меньшего внимания заслуживает другое предположение учёного. Он считает, что кони и разнообразные элементы, связанные с этими животными, наиболее ярко оформляются в «... кочевой, патриархальной, рационалистической культурной традиции с культом верховного Неба, возникшей в северном или северо-западном степном поясе» в раннем железном веке (Эйитиро И., 1998, с. 114–115). Безусловно, что в данном случае речь идёт о номадах Центральной Азии, в число которых входили и «пазырыкцы» Горного Алтая.

Представления о мифологической роли коня, естественно, должны были фиксироваться в погребальных традициях древних индоевропейцев и передаваться из поколения в поколение. Так, в Синташтинском могильнике с покойником погребали лошадей и колесницы, которые, возможно, способствовали переходу умершего из одного мира в другой, хотя не исключена реализация каких-нибудь других идей, поскольку колесницы обнаружены только в могилах воинов (Генинг В.Ф., 1977, с. 68). В более позднее время, у осетин, которые являются, по мнению большинства исследователей, близкими наследниками скифской и, соответственно, всей индоевропейской культуры, коня при похоронах хозяина уже не клали в могилу, но у животного срезали хвост для погребения и делали надрез на ухе, а бахфалдисаг (специальный распорядитель) произносил речь, в которой животное посвящалось умершему (причем формула ее совпадает с положениями упомянутого гимна из Ригvedы) (Клейн Л.С., 1987, с. 69; Калоев Б.А., 1999, с. 187–195; и др.). Обряд посвящения коня или приношения его в жертву умершему был распространён у многих народов Поволжья, Сибири и Средней Азии, особенно у казахов (Гаглоева З.Д., 1974, с. 61). Обязательным он являлся также у абхазов, сванов, хевсур, мохевцев, а до принятия ислама – и у чеченцев, ингушей и адыгских племён (кабардинцев, адыгейцев, черкесов), хотя у них и отсутствовали некоторые элементы этого обряда (речь посвятителю, обрезание косы у вдовы, отрезание кончика уха у коня и др.) (Калоев Б.А., 1970, с. 35).

Лингвистика даёт дополнительные данные, подтверждающие то, что конь у индоевропейских народов являлся одновременно солярным и хтоническим животным, символизировавший собой время, воду (спасительное начало), небо, солнце, жизнь и смерть. В связи с этим можно сравнить следующие слова из языков индоевропейской языковой семьи: немецкое *Hengst* «мерин», но хетское *henkan* «смерть»; английское *mare* «кобыла», но в индоевропейском праязыке *mer* – это «смерть»; древнеанглийское *mere*, *myre* «кобыла», но латинское *moera* – «время»; ирландское *sergach* – «жеребёнок», но древнеиндийское *surya* – «Солнце» (ср. древнеиндийское *surā* – «бог», хетское *suris* – «жертвоприношение»). В древности лошадь часто служила предметом жертвоприношения: типологически можно сравнить древнеанглийское *hors* «лошадь», но древнеанглийское *husl* – «жертвоприношение», *hruse* – «земля») и т.д. (Маковский М.М., 1996, с. 105).

В сочинениях античных авторов также содержатся определённые сведения о роли лошади в мифологии древних обществ, в частности у скифов и саков. Так, Геродот сообщал, что на всех празднествах в честь семи богов скифы совершают жертвоприношения животных, в особенности коней. Их ежегодно приносят в жертву Аресу, символом которого является акинак (Геродот, IV, 59–62). Особую роль играют жертвоприношения лошади на царских похоронах, когда вместе с царём погребают коней, а на поминках, совершаемых через год после смерти царя, умерщвляют ещё пятьдесят коней. Историк (I, 216) приводил данные и о культе коня у массагетов: «Единственный бог, которого они почитают – это Солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете. Аналогичная информация содержится у Страбона (IX, 513): массагеты богом «почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней». Тацит (I, 216) делал упоминания о жертвенном заклании лошадей у парфян. Филострат указывал на то, что парфянский царь Вардан принёс в жертву солнцу белого коня лучшей нисейской породы (Жизнь Аполлония, I, 31).

О почитании коня скифами и саками свидетельствует также широкое распространение имён, образованных от названия коня (*asp*). Такого же характера имена употреблялись в Бактрии и в ахеменидском Иране, что по мнению Е.Е. Кузьминой (1977а, с. 97), указывает на сходство представлений, связанных с конём во всём иранском мире.

Необходимо обратить внимание на то, что индоарии и скифы практиковали ашвамедху, т.е. обряд жертвоприношения коня царем (Кузьмина Е.Е., 1977б, с. 37–38; Клейн Л.С., 1987, с. 67). При этом интересно отметить, что пространство космогонического ритуала ашвамедхи прослеживается в организации обряда похорон индоиранских царей, в котором инсценировались смерть и возрождение царя (Акишев К.А., Акишев А.К., 1981, с. 148–149). Это выражалось, например, у скифов Причерноморья, в ритуальном обвозе тела по территории страны. Во время такой процессии кочевники совершали аффективные действия (наносили себе увечья, плакали и т.д.) (Геродот, IV, 71), которые инсценировали хаос, дисгармонию мира, наступившее после смерти человека, выражавшего его единство. Аналогичная религиозно-мифологическая практика зафиксирована и у саков Казахстана (Акишев К.А., Акишев А.К., 1981, с. 149; и др.).

К сказанному относительно ритуала ашвамедхи следует добавить то, что согласно древнеиндийской традиции, после принесения в жертву коня главная царица соединяется символически в ритуальном браке с убитым животным. Такие действия происходят в сопровождении ритуальных комментариев жрецов. Сама царица ложится с убитым конём и её накрывают покрывалом (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 482). По мнению Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова, аналогичный обряд именно в погребальной аспекте реконструируется и в иранской религиозно-мифологической традиции. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, данные Геродота и других античных авторов об удушении одной из наложниц вождя и принесении в жертву коней у скифов. С другой стороны, данное предположение подкрепляется обнаруженным во втором Туэктинском кургане на Алтае погребения женщины с сопроводительным захоронением лошадей (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 482). В данном случае важно добавить, что в настоящее время в Горном Алтае обнаружено достаточно представительное, с точки зрения религиозно-мифологического сознания кочевников скифской эпохи, количество как одиночных женских, так и парных – вместе с мужчинами, погребений, в которых обнаружены костяки коней. При этом такие захоронения принадлежали как представителями элитных слоёв общества включая «вождей», так и людям более низкого, но не бедного, социального статуса и имущественного положения. Приведённые данные свидетельствуют о распространении идейного содержания ашвамедхи или связанных с ней ритуалов среди значительной части пазырыкского общества, хотя конкретное их проявление могло варьироваться в зависимости от социального положения людей.

Кроме того, судя по имеющимся данным по социальным отношениям у «пазырыкцев», такие погребения, во всяком случае подавляющая их часть, принадлежала, вероятнее всего, не наложницам, а жёнам кочевников. Все выявленные особенности вполне согласуются с общепринятыми представлениями о социокультурном развитии кочевых обществ древности и средневековья.

Следует также добавить, что сходные, с отмеченными у кочевников Евразии скифского времени традиции, зафиксированы и в более позднее время у других народов, часть из которых отмечена в арабских источниках (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 483).

В целом же можно сделать вывод о том, что основная идея ашвамедхи о коне, как о силе, способной придать умершему духовную энергию, плодovitость и богатство скотом, судя по материалам скифской эпохи Горного Алтая, нашла свое отражение в религиозной системе «пазырыкского» общества. Как реминисценцию этого же обряда стоит рассматривать у многих народов принесение раз в году богу неба коня определенной масти (Шерстова Л.И., 1984; Кузьмина Е.Е., 1977а, б).

Совместное погребение человека с конем известно по различным памятникам культуры из ряда регионов земли. Этот обычай практиковался, помимо выше названных народов, древними германцами, французами в средние века (Голан А., 1994, с. 49), тюрками Центральной Азии (Войтов В.Е., 1996), монголами (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 45), а также народами этнографической современности: чувашами, якутами (Алексеев Н.А., 1980), теленгитами, тувинцами (Дьяконова В.П. 1975; 1980, с. 102; Потапов Л.П., 1978, с. 35–36) и т.д.

Особого внимания заслуживают мифологические сюжеты, иллюстрирующие семантическую связь лошади и колесницы (повозки, о которой содержится информация уже в Ригведе: «Да подъедет поближе, когда её прекрасно восславят, трёхколёсная, везущая мёд колесница Ашвинов, запряжённая быстрыми конями» (Ригведа, I, 157, 3; и др.). Аналогичная семантическая связь очень хорошо прослеживается по данным лингвистики у разных индоевропейских народов, в том числе у представителей митаннийско-арийской, древне-

индийской и древнеиранской групп. При этом, культовая и военно-хозяйственная значимость «колесницы-повозки» проявляется как в многочисленных показаниях ранних текстов, так и в данных материальной культуры (Атхарваведа, VI, 125, 1–3; Ригведа, VI, 47, 26–28; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 727; Михайлов Ю.И., 2001, с. 184; и др.). Хорошо известна ритуальная роль такого транспортного средства в погребальном обряде народов Ближнего Востока и Европы в древности (Балонов Ф.Р., 2000, с. 194–198; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 726–732). Несмотря на то, что в курганах скифской эпохи колесницы (повозки) встречаются не часто (Балонов Ф.Р., 1996; Вальчак С.Б., 1997, с. 40–56; и др.), тем не менее их религиозно-мифологическая значимость в погребальном обряде кочевников несомненна. По мнению Ф.Р. Балонова (1996, с. 24), культ коня и колесницы у народов евразийских степей и предгорий на протяжении веков, от эпохи ранней бронзы до римского времени, являлся неотъемлемой составляющей и способом реализации моделирования мироустройства.

Не останавливаясь на детальном разборе всех представлений, связанных с конём у этих обществ, лишь отметим, что одна из основных идей, которая должна реализоваться в данном обряде – это благоприятный переход умершего в потусторонний мир с помощью лошади.

После краткой характеристики некоторых основных моментов роли коня в культуре и, в частности, в погребальном обряде различных племен, попытаемся на основе имеющегося комплекса материалов реконструировать мировоззренческие представления «пазырыкцев», связанные с этим элементом ритуала захоронения. Для этого, необходимо обратить внимание на сочетание таких двух показателей погребального обряда, как внутримогильная конструкция, определяемая археологами, как «сруб», и захоронение коня, ориентированного головой на восток, у северной стенки деревянного сооружения. Принято считать, что внутримогильные конструкции у «пазырыкцев», являлись имитацией реально существовавших жилищ, в виде срубленных домов (Кубарев В.Д., 1987, с. 20; Шульга П.И., 1989; и др.).

Возможность отражения погребальным сооружением реального типа жилищ достаточно хорошо фиксируется по этнографическим данным, например у казахов (Руденко, С.И. 1930, с. 1–13, 32–36, 50–54). К аналогичным выводам пришли К.А. Акишев и А.К. Акишев (1981, с. 150) при анализе конструктивных особенностей бесшатырских срубов и исыкской клетки. При этом исследователи сравнили систему размещения инвентаря и тела человека из Исыкского кургана с интерьером юрты и сруба (дукене) у казахов Алтая, что позволило зафиксировать черты сходства и различия по отмеченным показателям.

Надо отметить, что изучение разнообразных источников позволило внести определенные уточнения в структурно-аналитическую и семантическую интерпретацию внутримогильного сооружения (так называемого сруба), соотносимого с реальным, наиболее распространенным типом жилищ у древнего населения скифской эпохи Горного Алтая.

Письменные материалы и археологические данные показывают, что кочевники раннего железного века и средневековья, хотя и были знакомы со срубом, однако он, судя по всему, не был наиболее типичным жилищем, что объясняется хозяйственно-бытовым укладом и подвижным образом жизни населения (Вайнштейн С.И., 1976; 1991; Нечаева Л.Г., 1975; и др.). Отсюда следует, что в могиле скотоводов, вероятно, воздвигалось подобие такого сооружения, которое было характерно для большинства членов общества в течение продолжительного времени. Скорее всего, им должно было стать транспортное средство (повозка, кибитка и т.п.) (Руденко С.И., 1960, с. 182–183; Семенов С.А., 1956; и др.) или переносное жилища (типа юрты и чума). Интересно отметить, что в Ригведе (X, 119, 13) содержится информация о специальных «крытых спальнях повозках», предназначенных для жилья: «Я еду в доме (на колёсах), хорошо оснащённом» (ср.: Елизаренкова Т.Я., 1972, с. 394). Наличие таких повозок у широкого круга народов индоиранского ареала достаточно хорошо фиксируются по разнообразным источникам (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 729–730; и др.).

По сообщению Геродота, скифы постоянно вели кочевой образ жизни, они не имели «ни городов, ни укреплений» и свои жилища, где находились женщины и дети, возили с собой («их жилища – в кибитках») (Геродот, IV, 46). Аналогичные сведения содержатся у Страбона (VII, 3, 17). Гиппократ рассказывал, что кибитки скифов были четырех- и шести-

колесные и устроены подобно домам с двумя или тремя отделениями, что подтвердили находки в Керчи глиняных игрушек в виде повозок (Нечаева Л.Г., 1975, с. 11; Вайнштейн С.И., 1976, с. 43–44). Сходные жилища имели аланы и другие народы (не только ираноязычные). Скифы Причерноморья, начиная с IV в. до н.э., стали придавать погребальным камерам вид именно своей кочевнической кибитки (Бессонова С.С., 1983).

Интересно отметить, что внутримогильные конструкции с такой же семантической нагрузкой были распространены уже в эпоху бронзы, что хорошо фиксируется, например, при исследовании курганов скотоводов Предкавказья (Гей А.Н., 1999, с. 78–111). В данном случае А.Н. Гей (1999, с. 92) отмечал, что у представителей предкатакомбного и раннекатакомбного времени наряду с символическим осмыслением входной шахты катакомбы как места размещения повозки, зафиксирована и другая символическая схема – отождествление самой камеры катакомбной могилы с крытой тяжёлой повозкой «для сна и отдыха». Такой вывод автор сделал после установления идентичного расположения тел умерших людей и инвентаря в могилах с реальными повозками и без них. Кроме того, учёный отмечает, что символическому осмыслению катакомбного погребального сооружения как жилой повозки не противоречат немногочисленные находки реальных повозок в шахтах или камерах самих катакомб. Это связано с тем, что, во-первых, одно и то же ритуальное предписание могло выполняться в процессе погребального обряда разными средствами. Во-вторых, разные коллективы могли культивировать в неизменном виде или, напротив, творчески перерабатывать разные способы реализации обрядовой мифологемы (Гей А.Н., 1999, с. 99).

Изложенные выше обстоятельства, и целый ряд других материалов, позволяют предположить, что у многих погребальных сооружений рядовых «пазырыкцев» внутримогильная конструкция действительно отражала на семантическом уровне тип жилища, но в данном случае не стационарный, наземный сруб, а, вероятно, определенный вид повозки («мифологическое транспортное средство»). К тому же, имеющееся в могиле деревянное сооружение по размерам и по внешнему виду больше напоминает как раз основу (короб) или каркас транспортного средства. В тоже время, у «пазырыкцев», безусловно, существовали срубные конструкции, использовавшихся как жилые «стационарные дома». Об этом, например, свидетельствуют находки таких сооружений в погребениях лиц с высоким социальным статусом.

Таким образом, наличие захоронения коня в сочетании с характерной внутримогильной конструкцией свидетельствует о реализации «пазырыкцами» идеи погребальной повозки (жилища) для перемещения в далекий загробный мир умерших, что характерно для индоевропейской мифологии (Литвинский Б.А., 1972; Кузьмина Е.Е., 1974; Генинг В.Ф., 1977; и др.). При этом необходимо учитывать и полисемантизм мировоззрения кочевников, обуславливающий наделение одних и тех же предметов, явлений и т.п. разной семантической нагрузкой. Поэтому дальнейшая реконструкция мифологических воззрений кочевников, связанных с лошадью и погребальной конструкцией, возможно позволит выявить новые «семантические поля», связанные с данными элементами погребального обряда. Помещение лошади у северной стороны внутримогильной конструкции с ориентацией головой на восток (в этом же направлении ориентирован и умерший человек), указывает, вероятно, на то, что человек после смерти отправлялся в верхний мир, атрибутом которого является восточная сторона горизонта. Осуществление такого обряда начиналось с того, что родственники клали покойного на повозку и возили его к соплеменникам (Руденко С.И., 1952, с. 236), а затем совершали захоронение, предоставляя возможность перехода в иной мир, во время которого лошадь являлась проводником умершего.

Отдельно следует остановиться на проблеме истоков ритуальной роли коня в религиозно-мифологической системе «пазырыкцев».

Появление домашних лошадей в Центральной Азии в конце III – в начале II тыс. до н.э. по времени совпадает с миграцией в западную часть региона тохаров, у которых уже широко использовался это вид животного (Нестеров С.П., 1990, с. 106; Антонова Е.В., 1984, с. 59; Литвинский Б.А., 1984, с. 10–11). Этот процесс также сопровождался проникновением в районы Центральной и Восточной Азии многих индоевропейских ритуально-мифологических представлений о лошади и связанных с ними обрядами. Данное заимствование в какой-то мере объясняет определённое сходство комплекса таких верований у индоевропейцев и народов, говоривших на алтайских языках (Гамкрелидзе Т.В., Иванов

В.В., 1984, с. 561). В тоже время, некоторые исследователи отмечают, что в Центральной Азии, возможно, шёл и самостоятельный процесс одомашивания местного вида дикой лошади, но он не был завершён в следствии указанных выше событий конца III тыс. до н.э. (Нестеров С.П., 1990, с. 107). В качестве подтверждения данного предположения учёные указывают на собственное название домашних лошадей в алтайской семье языков (монг. *morin*, тюрк. *At*) (Щербак, 1962, с. 82), отличное от индоевропейского *ekwo-s* (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 556).

По мнению С.П. Нестерова (1990, с. 110-111 и др.) не стоит рассматривать ритуальное отношение к лошади как отголосок (реминисценцию) тотемистических представлений, поскольку самыми распространёнными древними тотемами как у индоевропейских, так и у тюркских народов были олень и бык. М.И. Артамонов указывает на то, что образ оленя являлся одним из постоянных сюжетов скифо-сибирского искусства. Это, вероятно, свидетельствует о том, что в древние времена он был не только главной охотничьей добычей, но и наиболее распространённым тотемом предков индоиранцев. Данное обстоятельство отразилось, например, в самом имени саков («сак» – «олень») (Артамонов М.И., 1971, с. 3). Лингвисты отмечают, что обозначение оленя иранским «*saka*» – «ветвь», «сук» следует рассматривать как табуирование его настоящего индоевропейского названия (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 518–519). С.П. Нестеров (Нестеров С.П., 1990, с. 110–111) считает, что заимствование домашней лошади племенами Центральной Азии у индоевропейцев не привело к одновременному и полному восприятию индоиранского ритуально-мифологического комплекса о коне. Ритуальное отношение к лошади, по мнению исследователя, в этом регионе начало складываться позднее, скорее всего, во второй половине II тыс. до н.э., а его развитие связано с этапами освоения транспортных функций коня, запряжка в колесницы и верховая езда. Аналогичная зависимость места животного в системе религиозных представлений и обрядов от его хозяйственной значимости, и особенно, как транспортного средства, прослеживается и по отношению к верблюду в государстве Крорайны (середина III – середина IV вв. н.э.) (Воробьева-Десятовская М.И., 1984, с. 63, с. 90–91), быка – у западных тувинцев, лошади – у тюркских племён Центральной Азии (Нестеров С.П., 1990, с. 116).

Таким образом, имеющаяся совокупность источников, позволяет сделать вывод о том, что у кочевников Горного Алтая пазырыкского времени истоки захоронения человека с конём (или несколькими животными) в одной погребальной камере, а также формирование соответствующих мифологических и мировоззренческих представлений, обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, в культуре кочевников этого региона Азии лошадь играла ведущую роль в социально-экономической жизни общества (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998а). Во-вторых, в пазырыкской религиозно-мифологической системе присутствует комплекс индоиранских представлений и верований, значительная часть из которого является реминисценциями более ранних общеиндоевропейских воззрений.

Литература

1. Акишев А.К. Семантика и функция искусства “звериного стиля” кочевников Средней Азии и Казахстана. – Л., 1975. – С.57-60.
2. Акишев А.К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА – 1978 – Вып.154. – С.39-48.
3. Акишев А.К. Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). Автореферат дисс... к. и. н. – М., 1980. – 19с.
4. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов в Сибири. – Новосибирск, 1980. – 318с.
5. Антонова Е.В. Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. – М., 1984. – С.55-60.
6. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982. – 252с.
7. Артамонов М.И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. МИА. – М., 1971. – №177.
8. Балонов Ф.Р. Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий: Автореферат дис... канд. ист. наук. – СПб, 1996. – 30 с.

9. Балонов Ф.Р. Колесничные ристания как форма погребального жертвоприношения // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и в искусстве от древности до наших дней. – М., 2001. – С.195-199.
10. Беленицкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА – Вып.154. – М., 1978. – С.31-39.
11. Бессонова С.С. Религиозные представления степной Скифии. Автореферат дисс... к. и. н. – Киев, 1979. – 21с.
12. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – Киев, 1983. – 140с.
13. Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996. – С.39-42.
14. Вайнштейн С.И. Проблемы истории степных кочевников Евразии // СЭ – 1976 – №4 – С.49-62.
15. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М., 1991. – 296с.
16. Вайткунскене Л. К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V-XIII вв.) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990 – С.210-216.
17. Вальчак С.Б. Предскифские колесницы и «новочеркаские клады» // Памятники предскифского времени на юге Восточной Европы.– М., 1997. – С. 40–56.
18. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., 1970. – 484с.
19. Вебер М. Социология религий (типы религиозных обществ) // Избранное. Образ общества. – М., 1994 – С.78-308.
20. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. – М., 1996 – 152с.
21. Воробьёва-Десятковская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. – М., 1984 – С.61-96.
22. Гагроева З.Д. Культ мертвых у осетин // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. – Тбилиси, 1974. – Вып. XVIII.
23. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси, 1984 – Ч. 1-2. – 1329 с.
24. Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999. – С. 78–113.
25. Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племён // СА – 1977. – №4 – С.53-73.
26. Геродот. История в 9 книгах. – Л., 1972. – 480с.
27. Голан А. Миф и символ. – Л., 1994. – 375с.
28. Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыцкого кургана // Четвёртые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. – Омск, 1997. – С.44-47.
29. Дашковский П.К. К вопросу о семантике некоторых элементов погребального обряда пазырыкцев // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ, 1998б. – С.51-52.
30. Дашковский П.К. Некоторые проблемы и направления изучения скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999 – Вып.4. – С.66-74.
31. Дашковский П.К. Некоторые аспекты развития мировоззрения древних кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1999. – С.193-196.
32. Дашковский П.К. К вопросу о символизме в мировоззрении архаичных народов // Диалог культур и цивилизаций. – Тобольск, 2000. – С. 15–16.
33. Дашковский П.К. Основные аспекты изучения религиозно-мифологических представлений пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001а. – №6. – С. 73–80.

34. Дашковский П.К. К вопросу о некоторых компонентах в религиозной системе пазырыкцев Горного Алтая // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург, 2001б. – С. 129–130.
35. Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени. Автореферат дис... к. и. н. – Барнаул, 2002. – 24с.
36. Дубровский Д.В., Юрченко А.Г. Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святые места: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000. – С. 187–190.
37. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975.
38. Дьяконова В.П. Похоронная обрядность. Алтайцы // Семейная обрядность Сибири. – М., 1986. – С.100-113.
39. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М., 1986. – 234с.
40. Жарникова С. Возможные истоки образа коня-гуся и коня-олени в индоиранской (арийской) мифологии // Информационный бюллетень. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 16. – М., 1990. – С. 84–103.
41. Иванов В.В. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990. – С.5-11.
42. Иванов В.В. Конь // Мифы народов мира. – М., 1994 – Т.1 – С.666.
43. Калоев Б.А. Обряд посвящения коня у осетин // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – М., 1970. – Т. 8.
44. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. – М., 1999. – 393 с.
45. Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М., 1986 – 196с.
46. Кирюшин Ю.Ф. Культ коня у народов Казахстана и Западной Сибири в древности // Валихановские чтения. – Кокшетау, 1992. – С.156-158
47. Клейн Л.С. Индия и Скифия: Общие истоки идеологии // Скифо-сибирский мир: искусство и идеологии. – Кемерово, 1984. – С.31-34
48. Кубарев В.Д. “Конь счастья” в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. – Новосибирск, 1980. – С.58-70.
49. Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981 – С.84-94.
50. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – 302с.
51. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991. – 270с
52. Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая. Автореферат дис... к. и. н. – Новосибирск, 1997. – 29с.
53. Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С.52-65.
54. Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев, 1977а. – С.96-119.
55. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племён Средней Азии в древности и средневековье (история и культура). – М., 1977б. – С.28-53.
56. Кузьмина Е.Е. Мифологические представления о коне в культуре индоевропейцев // Миф. – София, 2001. – С.117-134.
57. Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в п. п. I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии. – М., 1976 – С.7-18.
58. Литвинский Б.А. Древние кочевники “крыши мира”. – М., 1972. – 270с.
59. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996. – 416с.
60. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово, 2001. – 363 с.
61. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племён Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – 143с.

62. Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э.-п. п. II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С.7-42.
63. Полосьмак Н.В. “Стеригущие золото грифы” – Новосибирск, 1994. – 123с.
64. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений. Автореферат дис... д. и. н. – Новосибирск, 1997. – 54с.
65. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С.3-36.
66. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М., 1977. – 216с.
67. Раевский Д.С. Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой могилы) // ВДИ – 1978. – №3. – С.115-133.
68. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. – М., 1985. – 256с.
69. Ригведа. Мандалы I-IV. – М., 1989. – 768с.
70. Ригведа. Мандалы IX-X. – М., 1999. – 559 с.
71. Ригведа. Мандалы V-VIII. – М., 1999. – 743 с.
72. Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов // Казаки. – Л., 1930.
73. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. – М-Л., 1952. – 266с.
74. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М-Л., 1953. – 402 с.
75. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М-Л., 1960. – 359с.
76. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология (символ и архетип). – Новосибирск, 1991. – 140с.
77. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992. – 176с.
78. Семёнов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА – 956 – Т.26. – С.204-230.
79. Страбон. География в 17 книгах. – М., 1964. – 944с.
80. Суразаков А.С. Космологические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Кемерово, 1984 – С.66-69.
81. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998а. – С.581-591.
82. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Место коня в погребальной традиции пазырыкцев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI международного семинара, посвящённого 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. – Омск-СПб., 1998б. – Ч.2. – С.103-105.
83. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конём в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. – Горно-Алтайск, 1998в. – С.16-19.
84. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки естественно-научных знаний в древности. – М., 1982. – С.8-40.
85. Топоров В.Н. Животные // Мифы народов мира. – М., 1994. – Т.1 – С.272-273.
86. Фиалко Е.Е. Конь-оберег в погребальном обряде скифов // Животные и растения в мифоритуальных системах. – СПб, 1996. – С.17-19.
87. Шерстов Л.И. Индоиранская основа мировоззрения ранних кочевников Саяно-Алтая (по этнографическим материалам) // Скифо-сибирский мир.– Кемерово, 1984. – С.80-82.
88. Шилов Ю.А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. – Киев, 1995. – 744с.
89. Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир: социальные структуры и общественные отношения. – Кемерово, 1989 – С.41-44.
90. Эйитиро И. Мать Момотаро. – СПб., 1998 – С. 81–116.
91. Элиаде М. Космос и история. – М., 1987. – 312с.

Могильников В.А., Суразаков А.С.
(г.Москва, г.Горно-Алтайск)

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ ЯБОГАН III

В полевой сезон 1991 г. археологической экспедицией Горно-Алтайского института истории, языка и литературы (ныне Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований) совместно с экспедицией Института археологии АН СССР (ныне РАН) были проведены раскопки курганов могильника Ябоган III. Исследования осуществлялись на средства тогда еще Областного управления мелиорации и имели целью своевременное изучение памятников, расположенных в зоне мелиоративных работ. Начаты они были экспедицией ГАНИИИЯЛ в предшествующем 1990 г., когда раскапывались курганы могильников Ябоган I и II (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с.70-81, 241-255).

Могильник Ябоган III расположен на западе Горного Алтая в урочище Сары-Кобы, простирающемся в 4 км к востоку от с.Усть-Кан, недалеко от места слияния рек Ябоган и Кырлык (рис.1). Состоял он из шести каменных курганов, выстроенных компактной цепочкой по линии С-Ю (рис.2). В течении полевого сезона 1991 г. могильник исследован полностью. Переходим к описанию раскопанных памятников. Здесь сразу следует оговориться, что нумерация сооружений не отражает последовательность расположения их в цепочке, поскольку присваивалась она объектам по мере завершения их раскопок.

Курган №1 находился в южном конце цепочки и отстоял от последующего, т.е. более северного на 10 м (рис.2). Диаметр его 11 м, высота от уровня древнего горизонта 0,3 м. После снятия дерна выявлена округлая в плане насыпь, состоящая из беспорядочно набросанных рваных скальных камней серого цвета, взятых из близлежащих скальных выходов (рис.3). В то же время в ее структуру равномерно включены камни белого цвета, специально доставленные сюда с расположенной западнее горы Белый Камень, в которой находится известная Усть-Канская пещера. Поверх камней северо-восточной половины кургана найдена бабка животного с нанесенными на нее нарезками. Здесь же, а также в центре и поверх юго-западной половины лежали обломки костей животных.

После разборки насыпи внутри нее выявлено неярко выраженное овальное в плане кольцо, сложенное из более крупных камней преимущественно в один слой, внутренним диаметром 6,2 м, высотой 0,3 м (рис.4). Проходило оно по краю выкида из ямы, составлявшего первоначальную насыпь из грунта, которая и была оконтурена указанным кольцом. У южной его стенки с внешней стороны на уровне древнего горизонта зафиксированы остатки кострища (золистый слой с включением угольков) площадью 1х0,7 м, а с внешней стороны западной стенки лежали обломки костей животных. Фрагменты костей животных встречены также на уровне древнего горизонта у южного и восточного бортов ямы. Находились они и в верхней части ее засыпки. У северного борта ямы обнаружены обломки керамики.

Могильная яма (2,78х1,9 м, глуб. от древнего горизонта 3,2 м) (рис.4) подпрямоугольной формы располагалась в центре кольца и была ориентирована по линии З-В (рис.5). В ней находилось три захоронения, два из которых впущены в более позднее время и одно – основное.

Впускное погребение № 1 обнаружено в верхней части засыпки ямы. Человеческий костяк лежал на камнях забутовки вытянуто на спине, черепом на восток (рис.6). Руки вытянуты вдоль туловища. У правого его плеча найден зуб травоядного, на грудной клетке – фрагмент керамики темно-коричневого цвета, похожий на те, что обнаружены у борта ямы, на 15 см выше пяточных костей лежала нижняя челюсть животного.

Впускное погребение № 2 располагалось ниже первого на глубине от 1,1 до 2 м от уровня древнего горизонта и содержало два человеческих костяка, размещенные как бы в полусидячей позе (рис.7). Северный был несколько навален в восточную сторону, руки вытянуты вдоль туловища, левая нога отсутствовала, вероятно, еще при жизни, правая согнута в колене, т.е. первоначально она могла быть поднята вверх. Перепад высот между верхней отметкой черепа (глуб. 1,1 м) и пяточных костей (глуб. 1,7 м) составляла 0,6 м.

Южнее и глубже первого находился костяк второго усопшего. Череп его отмечен на глубине 1,7 м, т.е. на уровне пяточных костей предыдущего, а таз – на глубине 2 м (пере-

пад высот 0,7 м). Он также несколько завален в восточную сторону, а ноги согнуты в коленях.

Основное погребение обнаружено на дне могильной ямы на глубине 3,2 м от уровня древнего горизонта. Захоронение парное (рис.8), совершенное некогда в бревенчатой камере, от которой по периметру ямы прослежен древесный тлен. Оба костяка нарушены, причем разбросанными оказались кости туловища, тогда как кости ног лежали в неповрежденном состоянии. Судя по их положению, усопшие размещались вытянуто на спине, черепами на восток.

У колена правой ноги южного костяка найден сильно коррозированный железный кинжал с кольцевым навершием, прорезной рукоятью и прямым перекрестием из двух узких пластин, приваренных к рукоятке с обеих сторон (рис.27;2), на клинке сохранились следы деревянных ножен. В восточной половине камеры лежали в беспорядке мелкие обрывки золотой фольги, у северной стенки – фрагменты двух кувшинов красноватого обжига (рис.27;1). На дне ямы встречены несколько угольков, причем множество их попадалось ранее в ее засыпке.

Вдоль северной стенки ямы лежал неповрежденный костяк лошади с подогнутыми под живот ногами, черепом на восток. Конь был уложен на уровне перекрытия сруба, т.е. в 0,3 м выше дна, для чего межстенное пространство камеры и ямы забутовано камнями вперемешку с грунтом.

Курган №2 располагался в центре цепочки и представлял собой самое крупное погребальное сооружение. Диаметр его составлял 12 м, высота 0,48 м. Округлая в плане насыпь состояла из беспорядочно набросанных серых скальных камней с равномерным включением в ее структуру белого камня. В 2 м к востоку и на таком же расстоянии к западу от центра среди камней наброски найдены фрагменты костей животных.

Под насыпью залегал равномерно распределенный более светлый выкид из ямы, из которого над ней был первоначально воздвигнут грунтовый холм. По периметру его окружало кольцо, сложенное из более крупных камней преимущественно в один, реже – два слоя (рис.9). Внутренний его диаметр 8,1 м, высота – 0,4 м.

В центре кольца располагалась прямоугольная могильная яма 3 x 1,8 м, глубиной от древнего горизонта 3 м, ориентированная длинной осью по линии 3-В (рис.10). В ней находилось четыре захоронения – одно основное и три более поздних впускных.

Впускное погребение №1 содержало четыре человеческих костяка (двое взрослых и два подростка) и находилось в верхней части засыпки ямы на глубине 0,2 м от уровня древнего горизонта (рис.11). Взрослые лежали в центре захоронения, тогда как подростки – у них по бокам. Из-за плохой сохранности позу последних установить не удалось и она прослежена лишь у взрослых усопших. Так, восточный костяк лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, черепом на ЮЮЗ. У его правой пяточной кости и в районе груди обнаружены две костяные трубочки-рукояти нагаек (рис.29;1-2), у правого колена и также в районе груди найдены фрагменты роговых накладок на лук (рис.29;5-6), на тазовых костях – обломки железной пряжки, у левого бедра – железный нож (рис.29;3-4). Вещи, как и многие кости самого костяка, смещены с первоначальных мест грызунами.

В 0,3 м к западу от предыдущего также вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками лежал костяк второго взрослого. Однако ориентировка его черепом на ССВ оказалась прямо противоположной относительно первого. Иными словами, они были уложены «валетом». По обеим сторонам плеч второго усопшего обнаружены фрагменты темно-коричневой керамики (рис.28;1), а у правого локтя – обломок челюсти лошади.

Впускное погребение №2 располагалось на 0,2 м глубже первого и содержало беспорядочно перемешанные кости двух усопших (рис.12). Череп одного из них обнаружен у середины южной стенки ямы, тогда как второго – ближе к СВ ее углу. Среди костей найдены небольшие фрагменты керамики темно-коричневого цвета (рис.28;2-3).

Впускное погребение №3 располагалось на 0,2 м глубже предыдущего, т.е. на 0,6 м ниже уровня древнего горизонта и содержало разбросанный костяк взрослого человека (рис.13). Судя по сохранившимся в первоначальном положении костям правой ноги, обнаруженным у западной стенки ямы, усопший лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, черепом на восток. Среди костей найдены фрагмент керамики и конские зубы.

Основное погребение располагалось на дне ямы, вдоль стенок которой сохранился тлен от трехвенцового бревенчатого сруба внутренними размерами 2,4x1,5 м, высотой 0,4

м (рис.14). В камере найдены разбросанные кости двух взрослых усопших. Судя по сохранившимся первоначальному положению костям ног, они лежали вытянуто на спине, черепами на восток. У середины восточной стенки сруба обнаружен крестец барана и остатки железного ножа (рис.29;7), в ЮВ углу у черепа южного костяка – мелкие фрагменты золотой фольги.

Курган №3 отстоял в 3,5 м к северу от предыдущего и представлял собой округлую в плане насыпь диаметром 8,5 м, высотой 0,6 м, сооруженную из беспорядочно набросанных серых скальных камней с равномерным включением в ее структуру белого камня. Под насыпью залегал светлый выкид, из которого над ямой был воздвигнут первоначальный грунтовый холм. По его периметру проходило кольцо из крупных уложенных в 1 – 2 слоя камней внутренним диаметром 5,7 м, высотой 0,26 м. У западной его стенки с внешней стороны на уровне древнего горизонта лежали кости животного (рис.15). В кургане обнаружено четыре захоронения – три впускных и одно основное.

Впускное погребение № 1 располагалось под ЮЗ полый насыпи на уровне древнего горизонта с внешней стороны стенки кольца. От него сохранились лишь фрагменты черепной крышки человека, в 0,3 – 0,6 м от которых найдены обломки костей животных и конские зубы.

Впускное погребение № 2 располагалось под ЮВ полый насыпи внутри кольца на уровне древнего горизонта. Фрагменты человеческих костей плохой сохранности лежали в беспорядке, так что ни позу, ни ориентировку усопшего по ним установить не удалось.

Впускное погребение № 3 было совершено в центральную часть насыпи и располагалось на нижнем слое ее камней над основной могильной ямой. Человеческий костяк лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и ориентирован на восток (рис.17). Часть ребер и кости правой руки смещены грызунами к северу.

Основное погребение располагалось на дне подчетыреугольной в плане ямы 2,48x1,2 м, глубиной от уровня древнего горизонта 2,5 м. и ориентированной длинной осью по линии З – В (рис.16). Совершено оно было в трехвенцовом бревенчатом срубе внутренними размерами 2,28x0,6 м, высотой 0,3 м. Захоронение нарушено. Судя по сохранившимся первоначальному положению костям таза и ног, усопший лежал вытянуто на спине, черепом на восток (рис.18).

У таза найдены мелкие фрагменты золотой фольги (рис.28;4), у северной стенки сруба, ближе к СЗ его углу – обломки глиняного кувшина, у правого колена костяка и его пятчатых костей – отдельные фрагменты керамики, у правого же колена – бараньи позвонки. По всему дну камеры равномерно были рассеяны угли.

Курган №4 отстоял в 10 м к северу от самого южного кургана № 1 и представлял собой овально-подчетыреугольную в плане насыпь из беспорядочно набросанных серых скальных камней с равномерным включением в ее структуру белого камня. Диаметр кургана 8 м, высота 0,3 м. Поверх него в центральной части найдено несколько мелких фрагментов керамики, два конских зуба и обломок бараньей челюсти, у СЗ полы лежал зуб травоядного. Под насыпью выявлен равномерно распределенный светлый выкид, из которого над ямой был возведен первоначальный грунтовый холм, обведенный каменным кольцом.

В центре кольца располагалась подчетыреугольная в плане яма 3,1x2,2 м, глубиной от древнего горизонта 2,7 м, ориентированная длинной осью по линии З – В (рис.19). У южного ее борта на древнем горизонте выявлены остатки кострища 1 x 0,45 с включением золы и углей. В яме содержалось два захоронения – впускное и основное.

Впускное погребение располагалось в верхней части засыпки на глубине 0,45 м от уровня древнего горизонта и было оформлено по периметру овальной каменной выкладкой (рис.20). Человеческий костяк лежал вытянуто на спине и ориентирован черепом на восток. У левого крыла таза и за пределами южной стенки обкладки найдено несколько фрагментов керамики.

Основное погребение располагалось на дне ямы в трехвенцовом срубе из отесанных с внутренней и внешней сторон бревен (рис.21). Внутренние размеры камеры 2,7x1,3 м, высота 0,4 м. В южной ее половине обнаружено два нарушенных человеческих костяка. Судя по сохранившимся первоначальному положению тазовым костям и костям ног, усопшие лежали вытянуто на спине, черепами на восток.

В изголовье южного костяка найдены мелкие фрагменты золотой фольги от украшений головного убора, причем часть из них, судя по рельефу, обтягивала некогда деревянную фигурку животного (рис.28;5). Здесь же лежали обломки бронзовой проволочной серьги. В изголовье северного костяка обнаружены остатки какого-то деревянного изделия, а в ногах – выброшенный сюда грабителями железный нож.

У середины северной стенки камеры лежали крестец и несколько бараньих позвонков. Такой же набор от погребальной пищи находился в СВ углу сруба. По всему дну камеры были рассыпаны угли. Встречались они и ранее в засыпке ямы.

Пространство между северными стенками ямы и сруба было забутовано камнями, пересыпанными грунтом. На этой забутовке на уровне перекрытия камеры покоился потревоженный костяк лошади с подогнутыми под живот ногами, черепом на восток. На темени имелось отверстие от удара чеканом, задняя часть туловища сползла в сруб. В структуре межстенной засыпки под лошадью также имелись угли, что указывает на их связь с основным погребением.

Курган №5 отстоял на 1,5 м к северу от кургана №3 и замыкал с этой стороны всю цепочку. Округлая в плане насыпь диаметром 9,8 м, высотой 0,7 м состояла из беспорядочно набросанных серых скальных камней с равномерным включением в ее структуру белого камня. В западной ее поле среди камней найдены кость животного и три конских зуба.

Под насыпью обнаружен равномерно распределенный светлый выкид, из которого над ямой был возведен первоначальный грунтовый холм, обведенный по периметру кольцом из более крупных камней, уложенных в 1-2 слоя. Внутренний его диаметр 6,4 м, высота 0,4 м.

У южной стенки кольца с внутренней стороны найден фрагмент черепа человека и обломок кости животного, у западной стенки с внешней стороны обнаружен череп лошади, в 1 м к СВ от которого лежал фрагмент керамики, у СЗ стенки с внутренней стороны – второй конский череп. В центре кольца находилась подпрямоугольная яма 3х2 м, глубиной от уровня древнего горизонта 2,7 м и ориентированная длинной осью по линии З – В (рис.22). В ней содержалось два захоронения – впускное и основное.

Впускное погребение располагалось в верхней части засыпки на глубине 0,2 м от уровня древнего горизонта (рис.23). Человеческий костяк лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, черепом на восток. Последний смещен с первоначального места грызунами и лежал в области правого локтя. Справа у таза и у правого колена обнаружены костяные нашивки с отверстиями по бокам (рис.30;5).

Основное погребение располагалось на дне ямы и было совершено в бревенчатом срубе, от которого на грунтовых стенках сохранились отпечатки дерева. Три взрослых человеческих костяка лежали вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, черепами на восток (рис.24). У левого плеча южного костяка найдены два костяных наконечника стрел с прочерченными тамгами, направленные остриями вверх (рис.30;1), справа у черепа находился развал керамического кувшина. Два кувшина и глиняный кубок обнаружены выше черепа северного костяка (рис.30;2-4). Вдоль северной стенки ямы на подсыпке, заполнявшей некогда межстенное пространство ямы и сруба, лежали два конских скелета черепами на восток.

Курган №6 был пристроен в более позднее время к основной цепочке курганов с восточной стороны и соприкасался насыпью с курганами №2 и 3. Округлая в плане насыпь его диаметром 6,5 м, высотой 0,5 м состояла из беспорядочно набросанных серых скальных камней (рис.25).

Под центром находилась подпрямоугольная в плане яма 2,08х0,7 м, глубиной от древнего горизонта 1,1 м и ориентированная длинной осью по линии З – В. На ее дне лежал человеческий костяк вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, черепом на запад (рис.26). Инвентаря не обнаружено.

Итак, могильник Ябоган III представляет собой разновременный памятник, сформированный отличавшимися друг от друга в культурном отношении общинами, проживавшими в этих местах в разные исторические периоды. Первооснову его составляют курганы №1-5, сооруженные одной семейно-родственной группой позднескифского времени. По основным своим характерным чертам (компоновка курганов в меридиональную цепочку, бревенчатые срубы, сопроводительные конские захоронения, ориентировка и людей, и коней в одну – восточную сторону, формы инвентаря, золотая фольга от украшений) объ-

екты эти относятся к пазырыкской культуре (Суразаков А.С., 1989, с.118-124), хотя и имеют в ее рамках своеобразные черты, допустим, вытянутые костяки.

Более узкую дату названным курганам можно установить исходя из следующих соображений. В сравнении с расположенным рядом однокультурным могильником Ябоган II, датированным V-III вв. до н.э. (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с.255, рис.15), здесь нет бронзовых орудий и оружия, а то, что найдено изготовлено из железа. Железные кинжалы с кольцевым навершием, прорезной рукоятью и прямым перекрестием, т.е. подобные обнаруженному в кургане №1 (рис.27;2), распространились в Горном Алтае и на соседних территориях в III в. до н.э. (Суразаков А.С., 1989, с.49). Все это позволяет отнести курганы №1-5 мог. Ябоган III к III-II вв. до н.э.

Труднее обстоит дело с хронологией впускных захоронений из-за отсутствия в них датирующего инвентаря. Тем не менее отдельные соображения по этому поводу можно высказать и здесь. Начнем с того, что разделим их на разноуровневые группы. К первой и наиболее ранней отнесем нижний ряд захоронений, т.е. погребение №2 из кургана №1 и погребение № из кургана №2. Оба они совершены в засыпке основных ям, причем глубже тех, что были впущены сюда же в более позднее время. Положение костяка из погребения №3 (курган №2) на правом боку, с подогнутыми ногами, черепом на восток говорит о том, что после основной позднескифской общины в этом месте в конце I тыс. до н.э. какое-то проживала другая община также пазырыкского культурного круга, но отличавшаяся от предшествующей некоторыми этнографическими особенностями (там вытянутые костяки, здесь скорченные). Усопшие из погребения № 2 кургана № 1 могли принять «полусидячую» позу из-за осадки засыпки ямы.

Ко второй группе впускных захоронений (погр. №1 из кург. №1; погр. №2 из кург. №2; погр. №3 из кург. №3; впуск. погр. из кург. №4; впуск. погр. из кург. №5) относятся те, что совершены в верхней части засыпки ям всех пяти основных курганов, т.е. по своему уровню они расположены выше предыдущей группы. Поза человеческих костяков одинакова. Все они лежали вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, черепами на восток. Иными словами, совершены эти захоронения одной общиной, проживавшей в этих местах достаточно долгое время где-то в первых веках нашей эры, поскольку далее одно из их погребений было нарушено следующей группой насельников этой долины.

Пребывали те здесь недолго и успели совершить лишь одно, хотя и коллективное захоронение в верхней части ямы центрального кургана № 2, причем, в отличие от предшественников, уложив усопших не вдоль основной ямы, а по ее диагонали. В общем, в данном случае среди памятников первой половины I тыс. до н.э. проявляется в виде преобладающей тенденции и такой хронологический подразделитель, как ориентация усопших с более ранней восточной и более поздней западной с отклонениями ориентировкой костяков (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.58-59). Наличие во впускном захоронении №1 кургана №2 роговых накладок на лук гуннского типа определяет общее время его сооружения, а характерное расположение взрослых усопших «валетом» с противоположной ориентацией сближает его с погребальным обрядом могильника Айрыдаш I III-V вв.н.э. (Суразаков А.С., 1990, с.199-200). В целом же оно входит в состав памятников кудыргинской культуры первой половины I тыс. н.э. (Суразаков А.С., 1992, с.92-97) (буланкобинской по Ю.Т. Мамадакову).

О хронологии и культурной принадлежности кургана №6, а также впускных захоронений в насыпь пазырыкского кургана №3 сказать что-либо определенное в настоящее время трудно.

Ну а теперь несколько слов на предмет интерпретации добытых в мог. Ябоган III материалов. Община пазырыкцев состояла, судя по всему, из нескольких родственных между собой семей и вела скотоводческое хозяйство. Разводили коней, овец и других домашних животных, большое место в рационе занимало мясо (остатки тризны), излюбленной пищей была баранина, крестцовая часть которой выступала в роли погребальной пищи, в кувшинах, возможно, содержались молочные продукты. Кроме этой керамики, общинные мастера изготавливали и другую, в частности, небольшие кубки, причем имитируя на них швы на кожаных сосудах. Последние, надо полагать, широко использовались в быту. Община имела металлические изделия (железные ножи и кинжалы, золотая фольга), мастера ее имели навыки резьбы по дереву (украшения) и кости (наконечники стрел).

В семейно-брачных отношениях предпочтение отдавалось «единокультурникам». Из всей цепочки курганов выделяется своими размерами центральный (№2), вполне вероятно, воздвигнутый для усопшего общинного лидера, т.е. его прижизненный авторитет отразился и в погребальном ритуале. Последний для пазырыкской общины можно реконструировать следующим образом.

Место для могильника было выбрано в 1 км от реки и, надо полагать, от стоянки, которая располагалась где-то вблизи берега. Для погребения усопших вырывались глубокие, полчетырехугольные в плане ямы, ориентированные длинной осью в широтном направлении. В южной их половине устанавливались бревенчатые погребальные камеры. Усопшие укладывались в них в одежде, вытянуто на спине и ориентировались головами на восток. Четыре из пяти курганов содержали коллективные захоронения, что, вероятно, предполагает обряд последовательных подхоронений. Если так, то каждый курган должен был содержать представителей отдельной семьи, что отличает Ябоган III от других пазырыкских могильников, где семейными, скорее всего, были микроцепочки в целом (Суразаков А.С., 1994, с.72). Отличает ябоганцев от основного пазырыкского массива и вытянутая поза усопших (в массе же у них мы имеем позу на правом боку с подогнутыми ногами).

В северной половине срубов устанавливалась погребальная пища, состоявшая из курдючной части баранины и жидких продуктов, налитых в кувшины. Между северными стенками камер и ям делалась подсыпка, на которую помещались кони головами, также как и люди, в восточную сторону. В процессе оформления захоронений совершались какие-то действия с огнем. У дна погребений и в составе засыпки под конями одного из них обнаружены угли, а у южного борта ямы кургана № 4 на уровне древнего горизонта выявлено кострище. У бортов ямы кургана № 1 лежали обломки костей животных и фрагменты керамики.

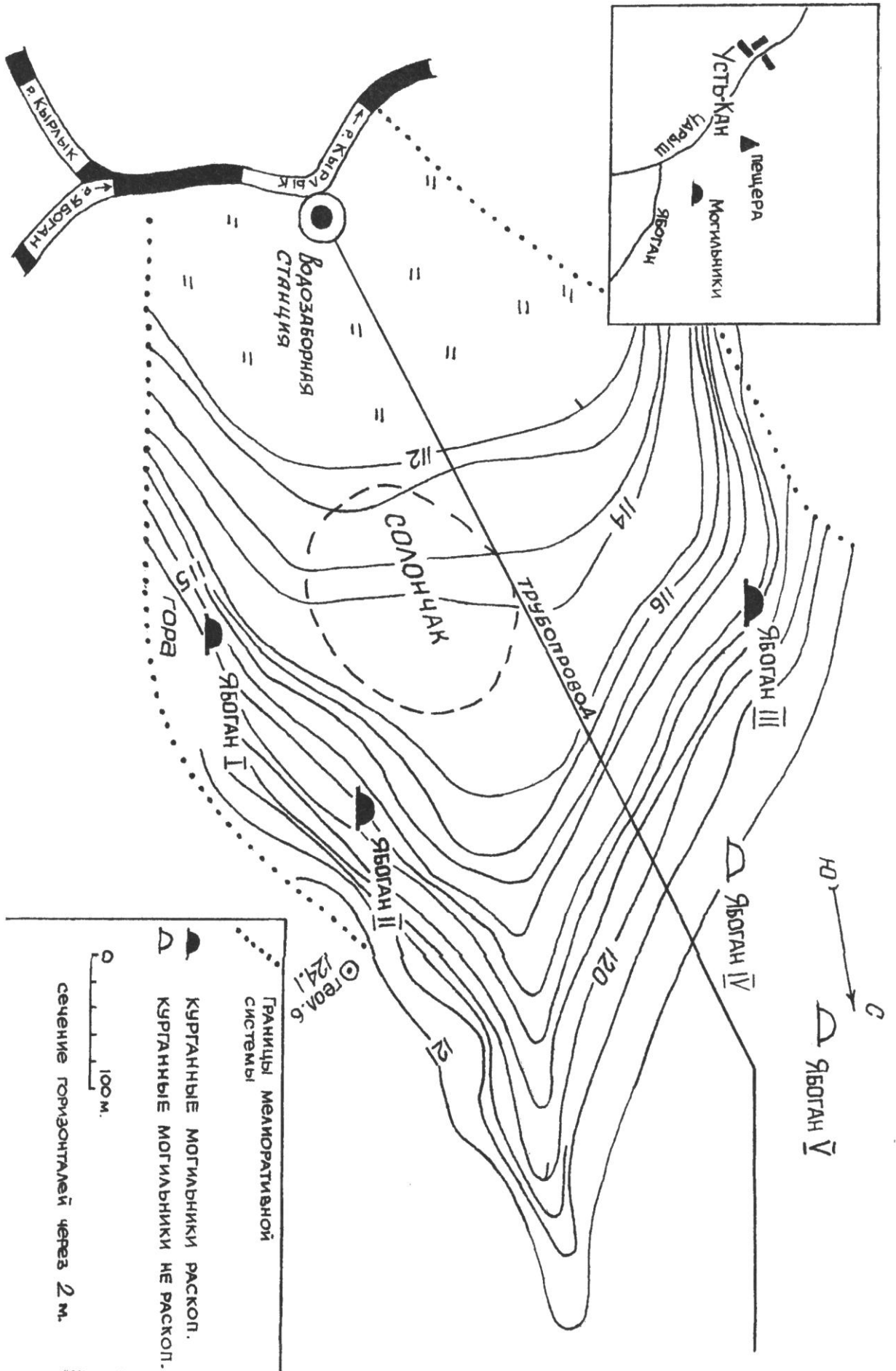
Затем ямы засыпали, сооружая над ними грунтовые холмики из выкида и обкладывали их по периметру камнями. На этом этапе вновь совершались ритуальные действия, так, с внешней южной стороны кольца кургана № 1 обнаружены остатки кострища, а с западной стороны – кости животных.

Поверх холмиков возводились округлые в плане каменные насыпи, материал для которых брался из близлежащих скальных выходов. Другой вопрос, что в структуру насыпей всех курганов включены камни белого цвета, доставлявшиеся сюда, как уже говорилось, за 2 км с расположенной западнее горы Белый Камень.

Ближе к рубежу нашей эры в этих местах ненадолго поселилась община, сохранявшая в своем погребальном ритуале традиции предшествующего времени, причем связанные с основным массивом пазырыкцев (поза костяка из впускного погребения №3 кургана №2 – на правом боку, с подогнутыми ногами, черепом на В). Представители ее не стали сооружать новые памятники, а использовали уже имевшиеся, впуская своих усопших в ямы курганов №1-2, причем нарушив при этом более нижние, т.е. основные захоронения. В данном случае интересен характер этих нарушений, проливающий свет на отдельные стороны их мировоззренческих представлений.

Дело в том, что, дойдя до основных погребений, новые насельники долины отнюдь не стремились разграбить или разрушить их в полном смысле этого слова. Они нарушили лишь верхнюю часть костяков, тогда как нижняя осталась нетронутой. Не потревожили они и конское захоронение кургана №1, а также оставили в срубах сопроводительный инвентарь, в том числе и золотую фольгу. Иными словами, все действия их можно квалифицировать как «обряд замещения» прошлых усопших на своих, когда у предшественников нарушалосьместилище души, локализовавшееся по представлениям вновь прибывших в верхней части туловища (Суразаков А.С., 1999, с.171-173).

Около рубежа эр – в первых веках нашей эры в урочище Сары-Кобы поселилась следующая община, заполнившая все пять основных курганов своими впускными захоронениями. Совершены они однотипно, т.е. в пределах основных ям в верхней части их засыпки, где человеческие костяки лежат вытянуто на спине, черепами на восток. Вполне возможно, что усопшие были помещены в досчатые погребальные камеры, от которых затем ничего не сохранилось. Любопытно, что костяк из впускного захоронения кургана №4 окаймлен специально сооруженной овальной каменной выкладкой, подобно тем, которыми оконтуривались на поверхности погребения гуннского времени вообще.

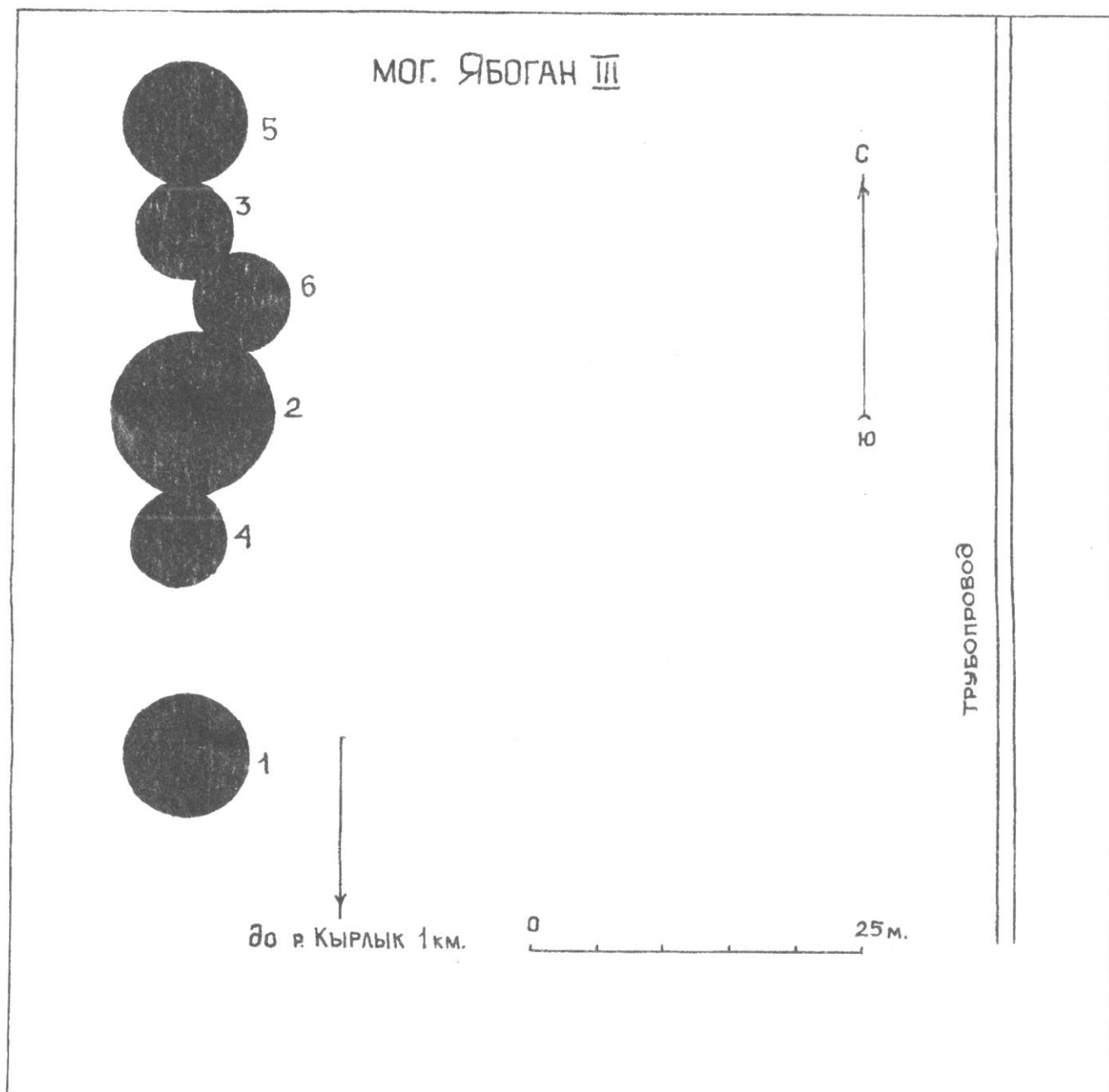

Рис.2

Мог. ЯБОГАН III КУРГАН N 1

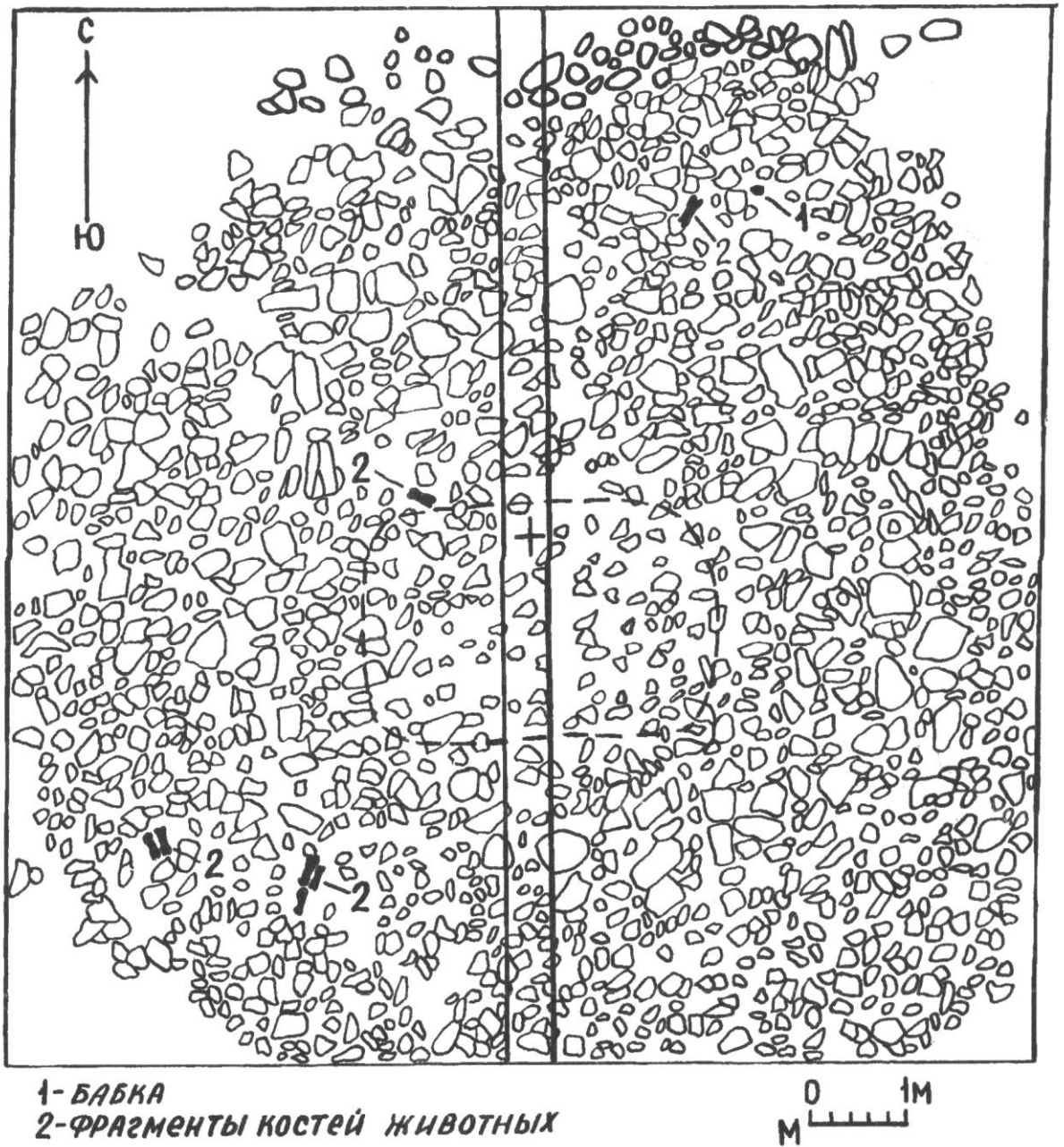
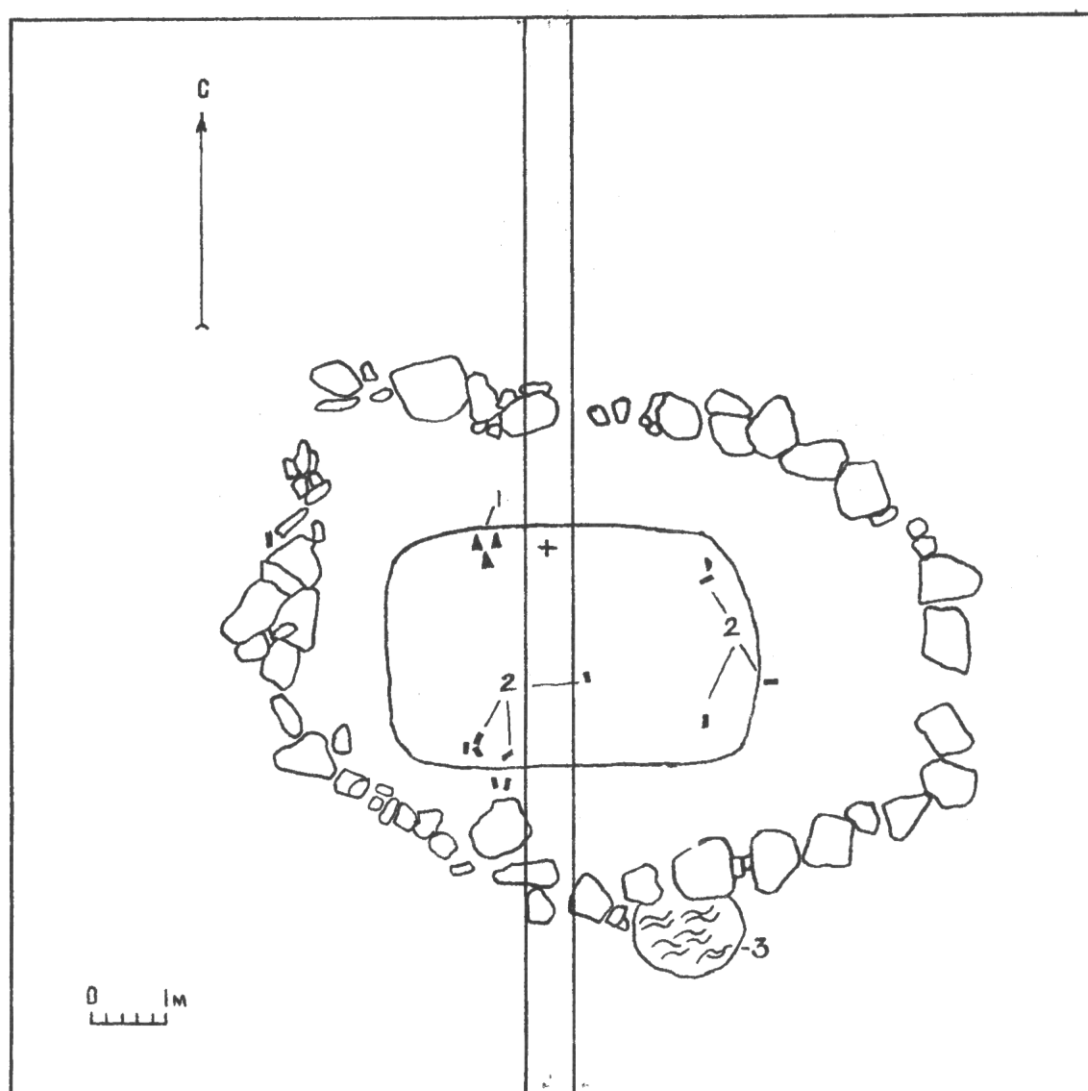

Рис.3

Мог. Явоган III курган № 1

1. КЕРАМИКА
2. КОСТИ ЖИВОТНЫХ
3. КОСТРИЩЕ

Рис.4

МОГ. ЯБОГАН II РАЗРЕЗ КУРГАНА №1

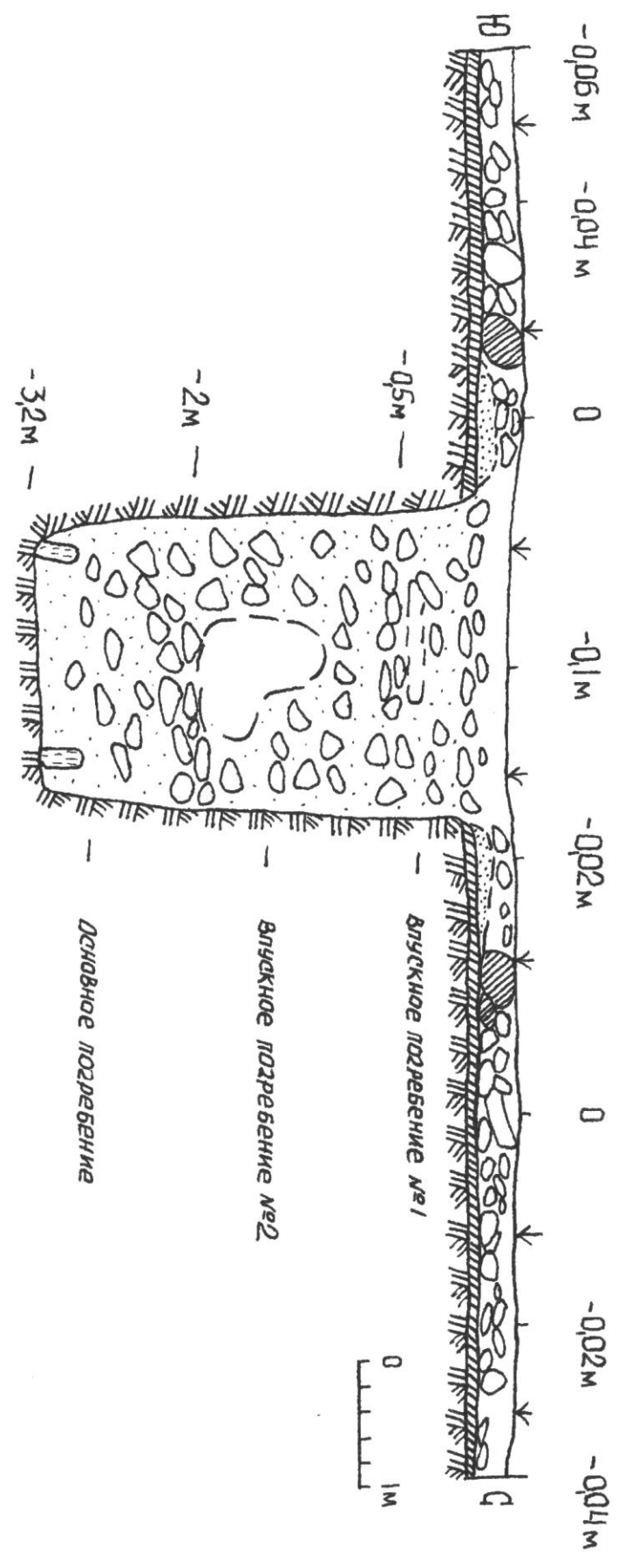

Рис.5

МОГ. ЯБОГАН III курган 1 впускное погр. 1 ярус

1. ЗУБ ТРАВЯДНОГО ЖИВОТНОГО
2. ФРАГМЕНТЫ КЕРАМИКИ
3. ЧЕЛЮСТЬ СОБАКИ

Рис.6

Мог. Ябоган III курган №1
Впускное погребение 2 ярус

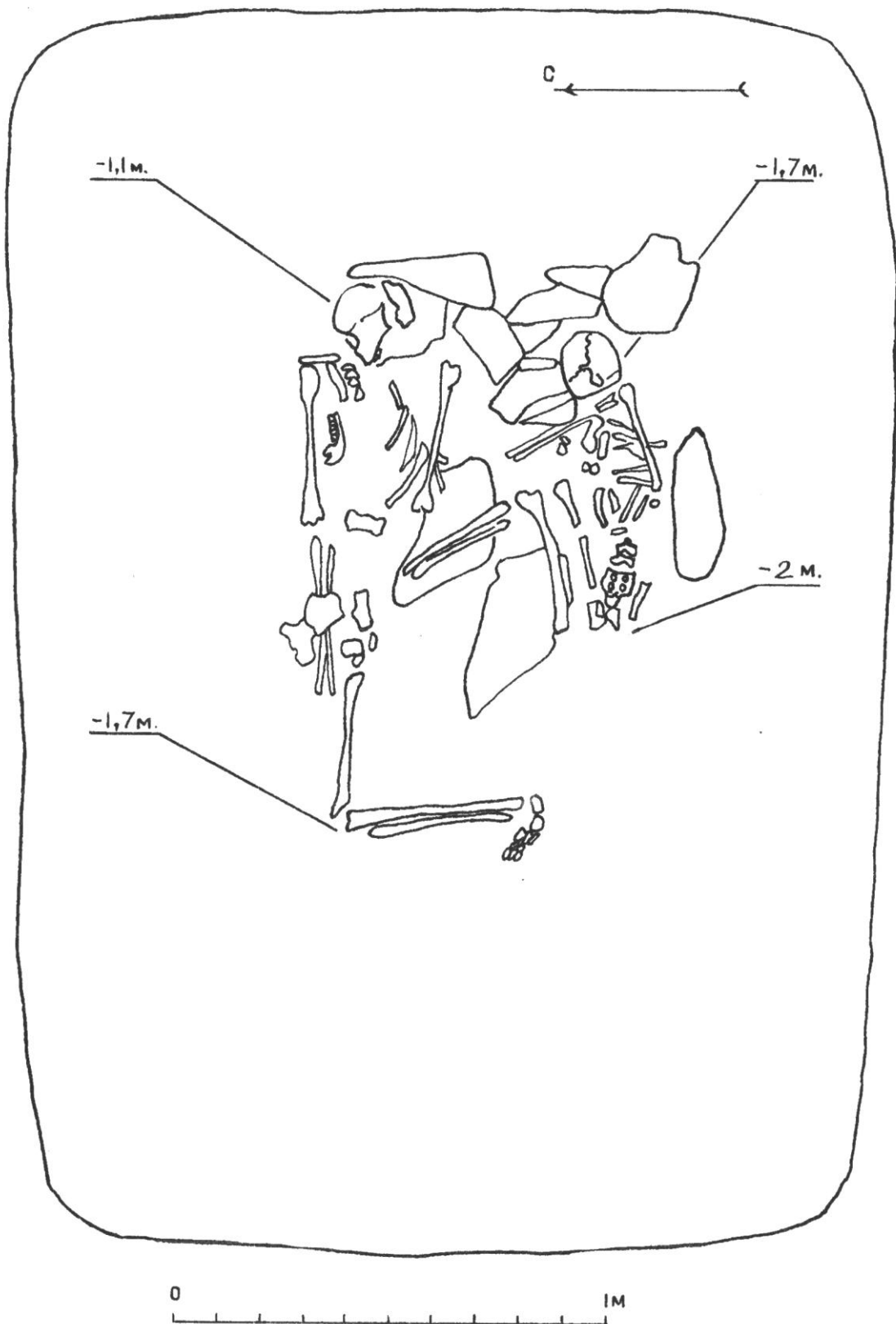
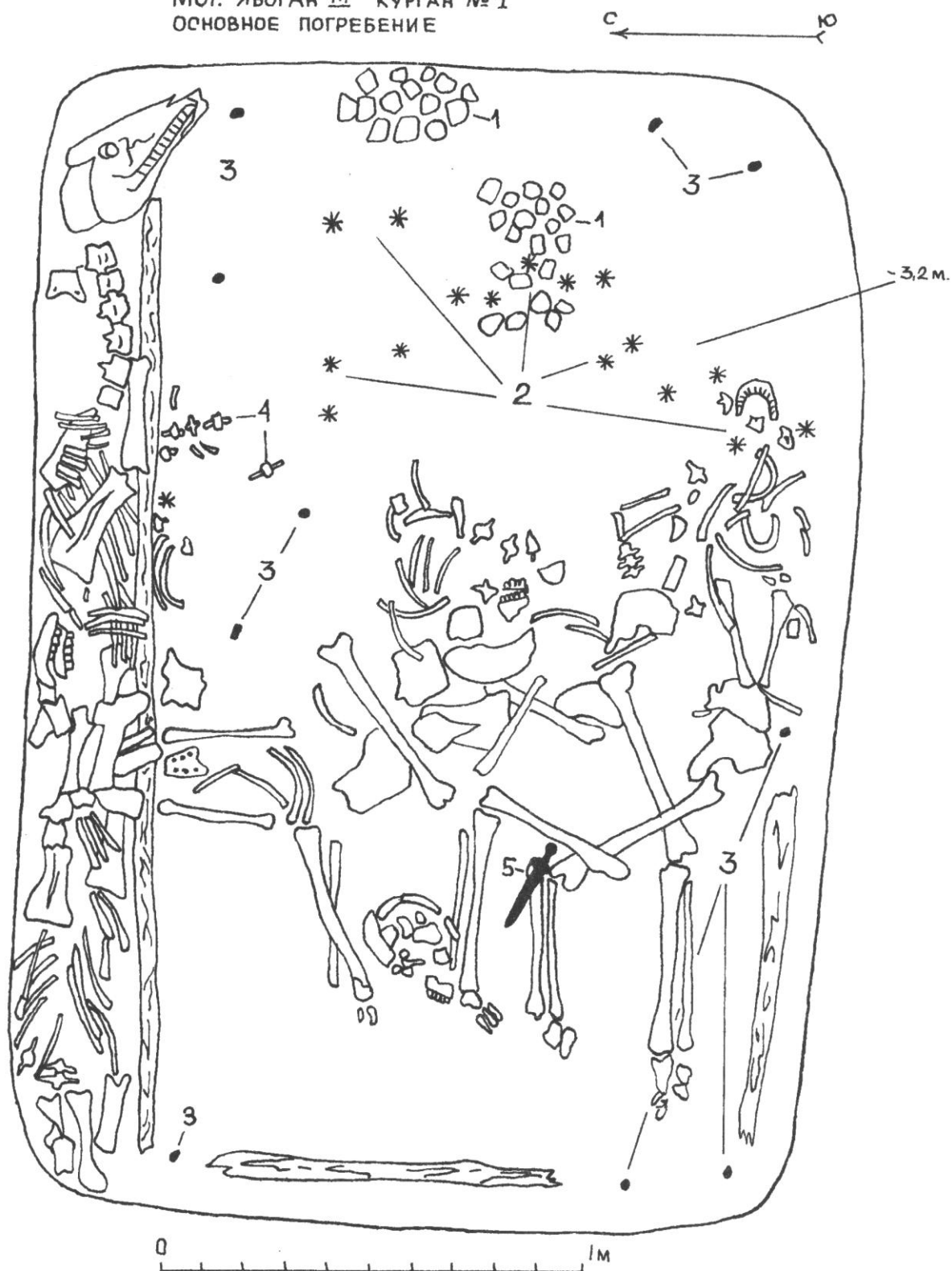

Рис.7

Мог. Ябоган III курган № 1
ОСНОВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

1. РАЗВАЛ СОСУДА
2. ЗОЛОТАЯ ФОЛЬГА
3. УГЛИ

4. БАРАНЬИ ПОЗВОНКИ
5. ЖЕЛЕЗНЫЙ КИННАЛ

Рис. 8

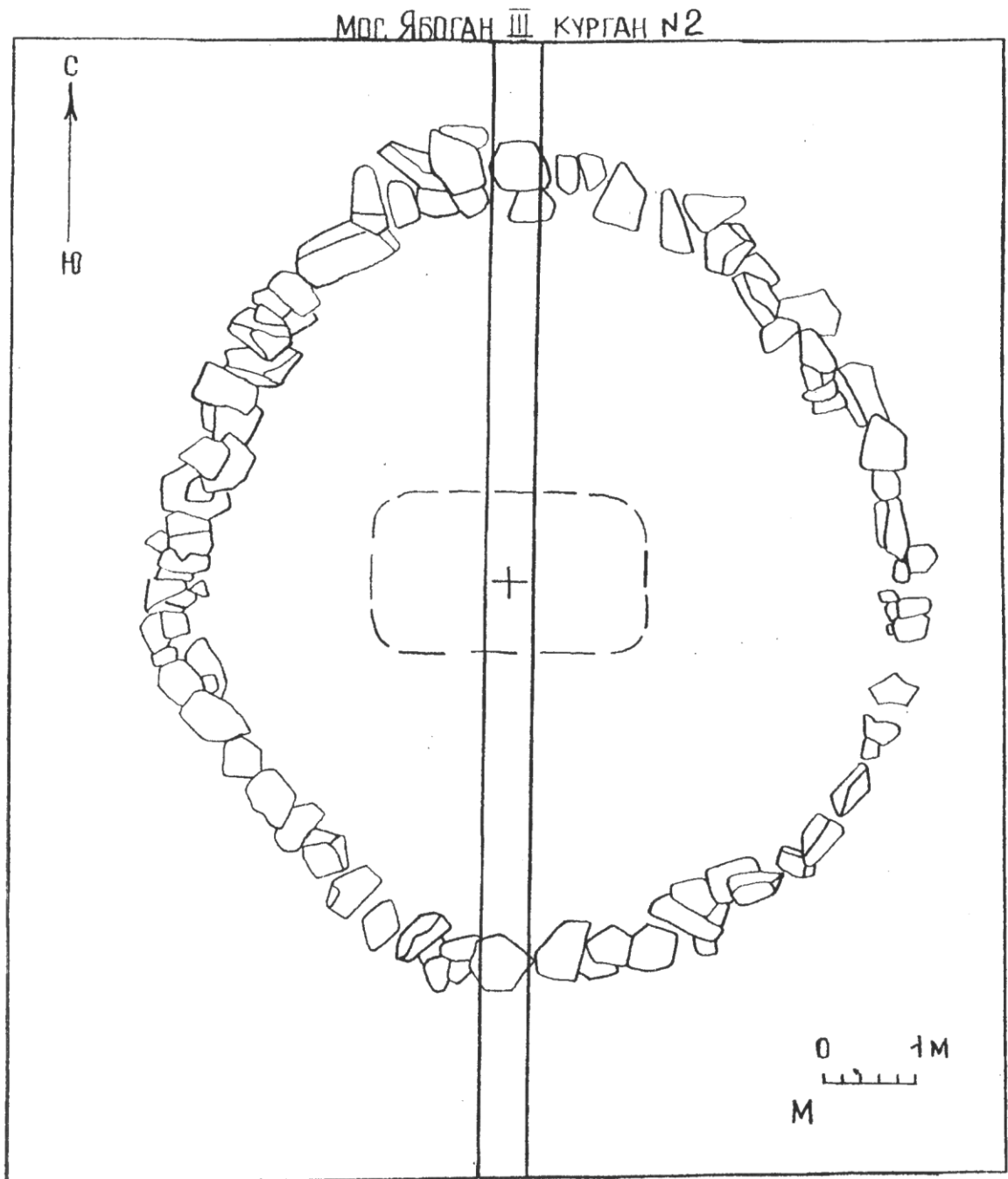

Рис.9

МОГ. ЯБОГАН III РАЗРЕЗ КУРГАНА N2

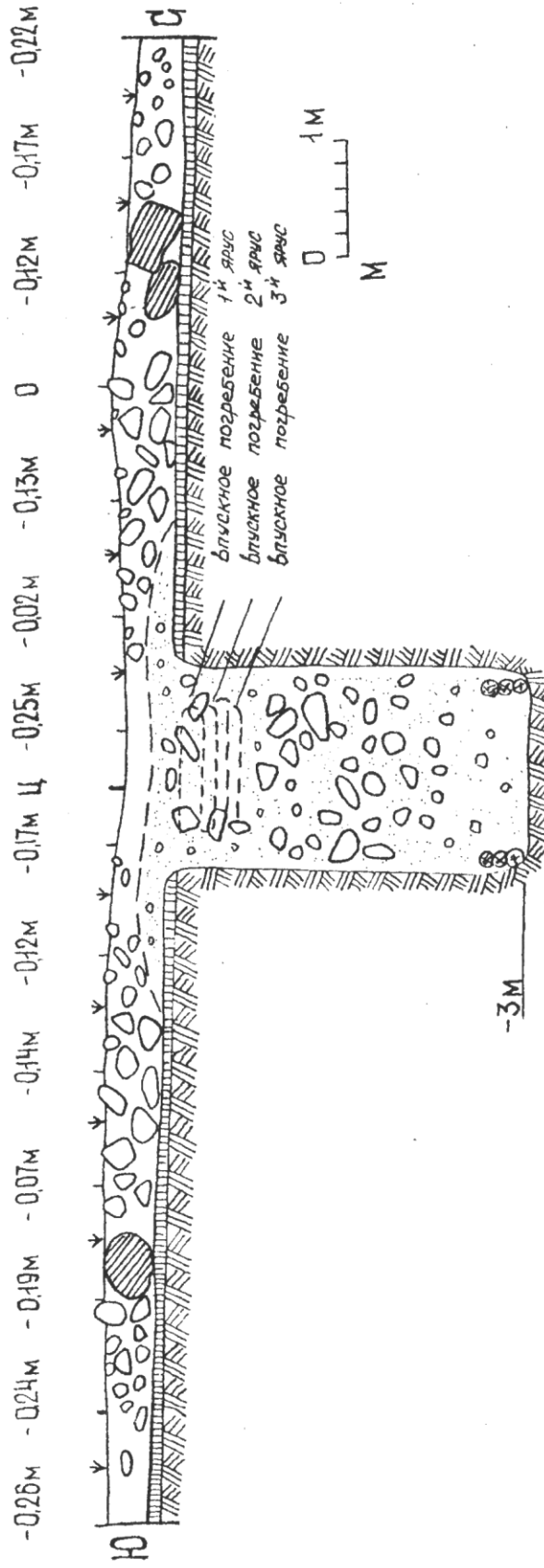
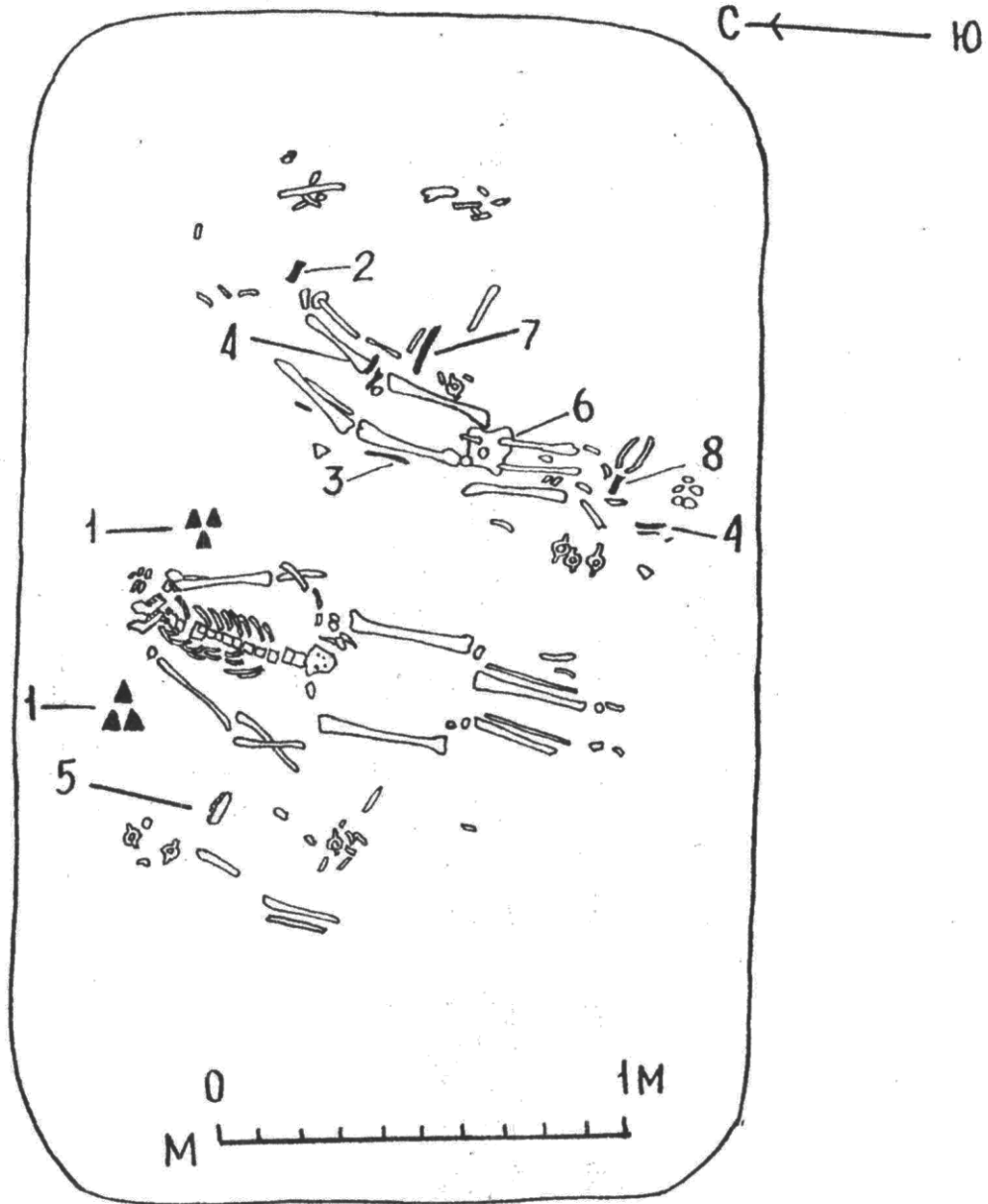

Рис.10

Мог. ЯБОГАН III Курган №2
(впускное погребение 1-й ярус)

- 1- ФРАГМЕНТЫ КЕРАМИКИ
- 2- РУКАЯТЬ НАГАЙКИ
- 3- ЖЕЛЕЗНЫЙ НОЖ
- 4- НАКЛАДКИ НА ЛУК
- 5- ОБЛОМОК ЧЕЛЮСТИ ЛОШАДИ
- 6- ЖЕЛЕЗНЫЙ ПРЯЖКА
- 7- КОСТЬ ЖИВОТНОГО
- 8- РУКАЯТЬ НАГАЙКИ

Рис.11

Мог. ЯБОГАН III Курган №2
(Впускное погребение 2 ярус)

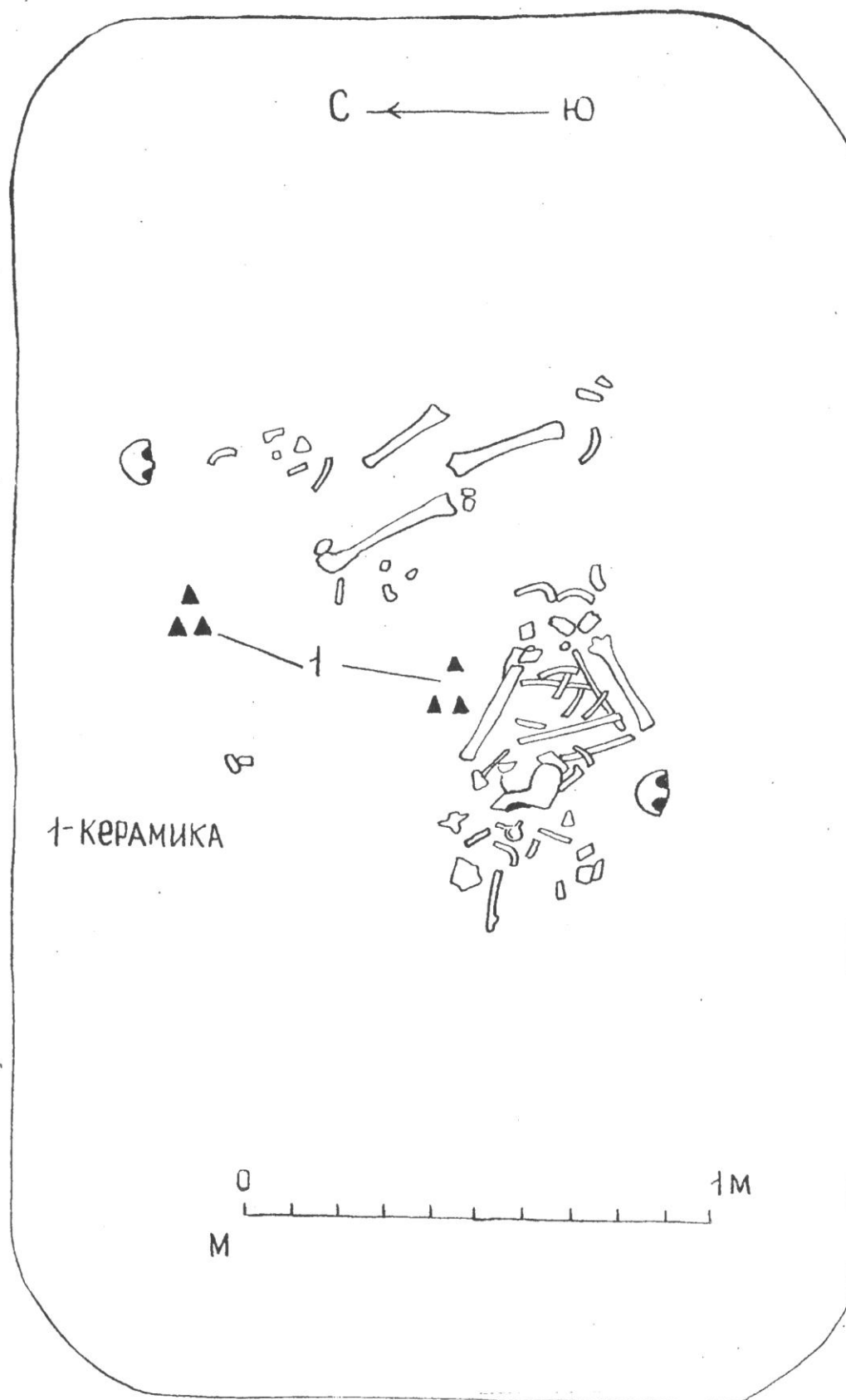

Рис.12

Мог. Ябоган III курган №2 (впускное погребение Зярус)

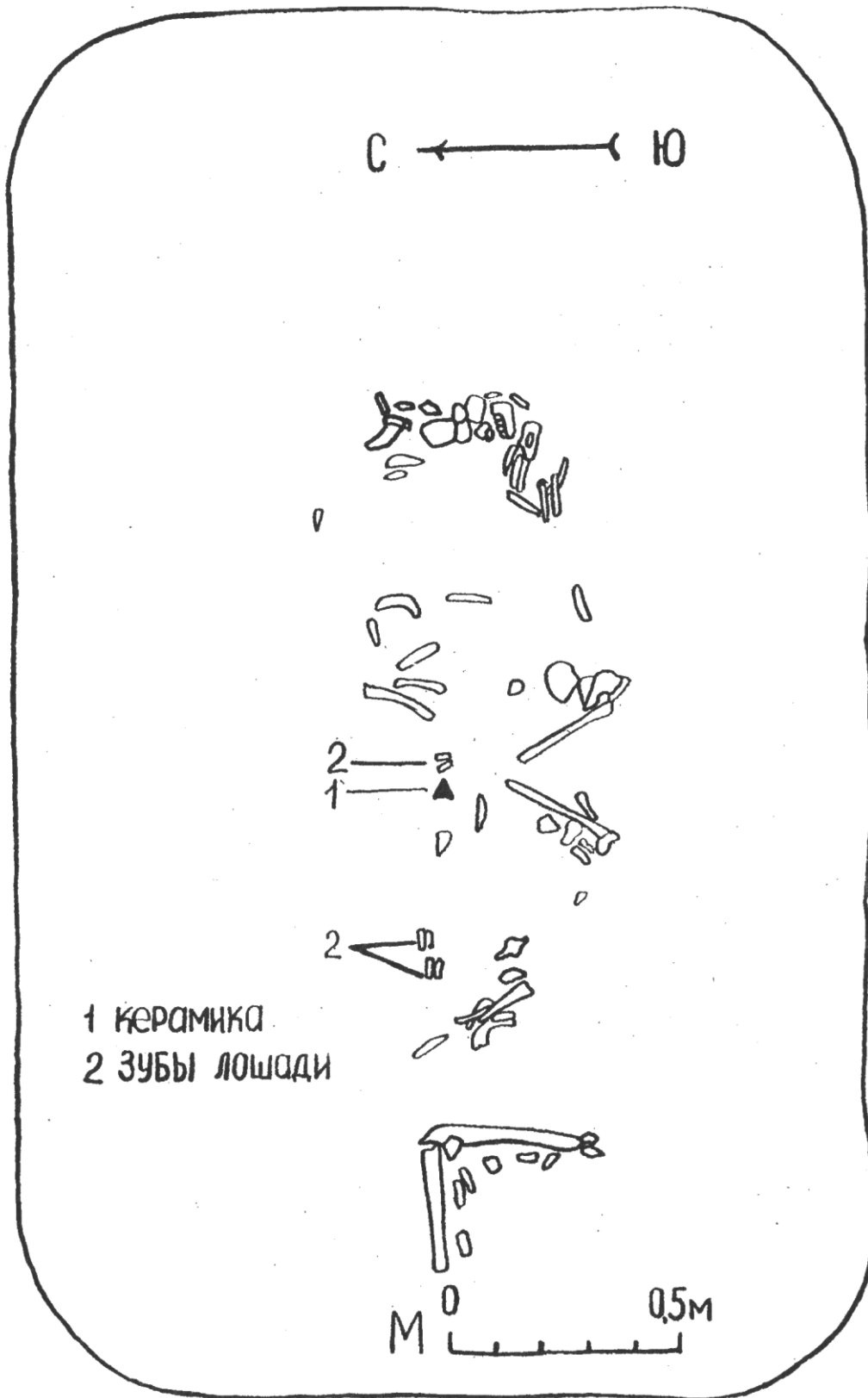

Рис.13

Мог. Ябоган III курган № 2
основное погребение

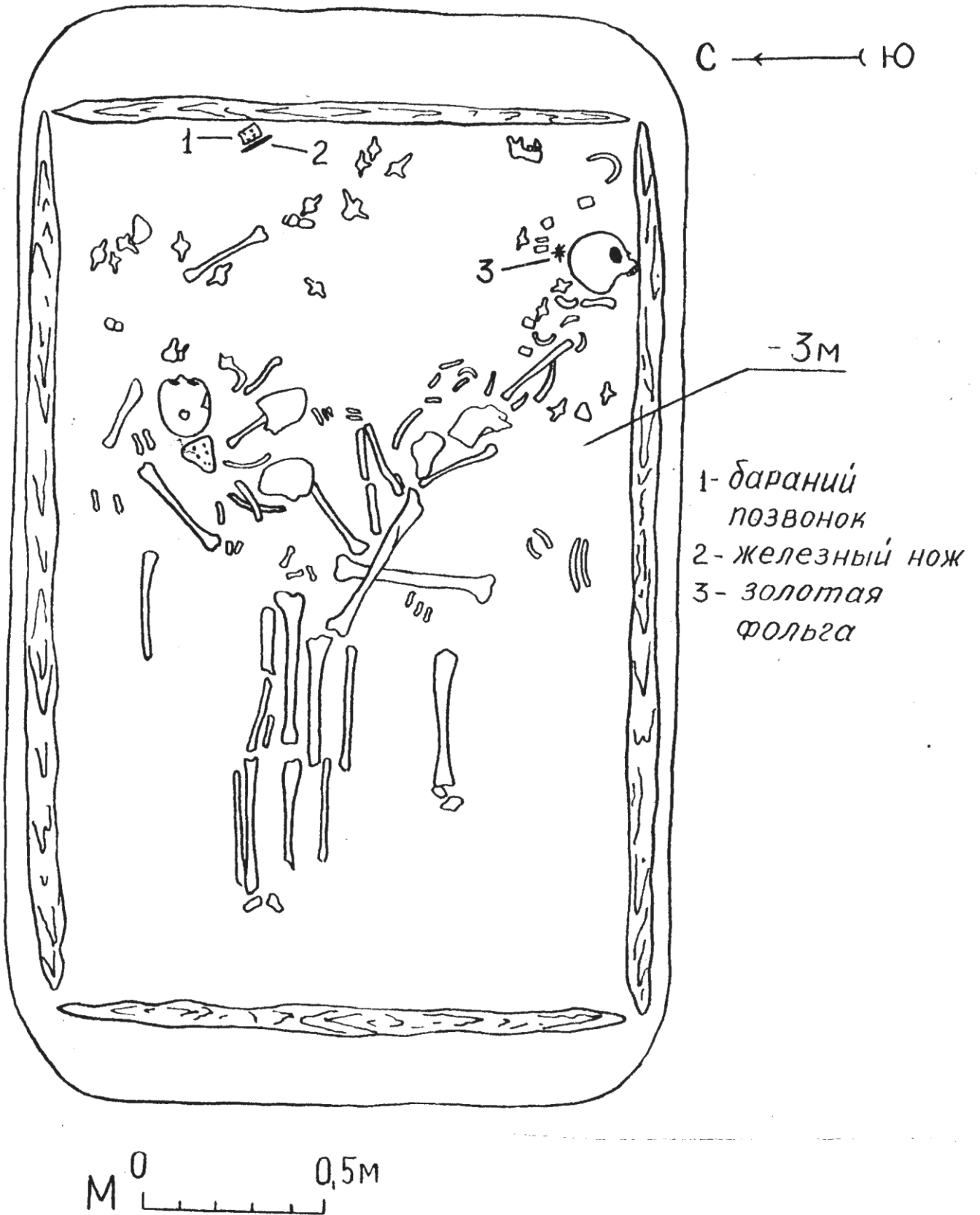
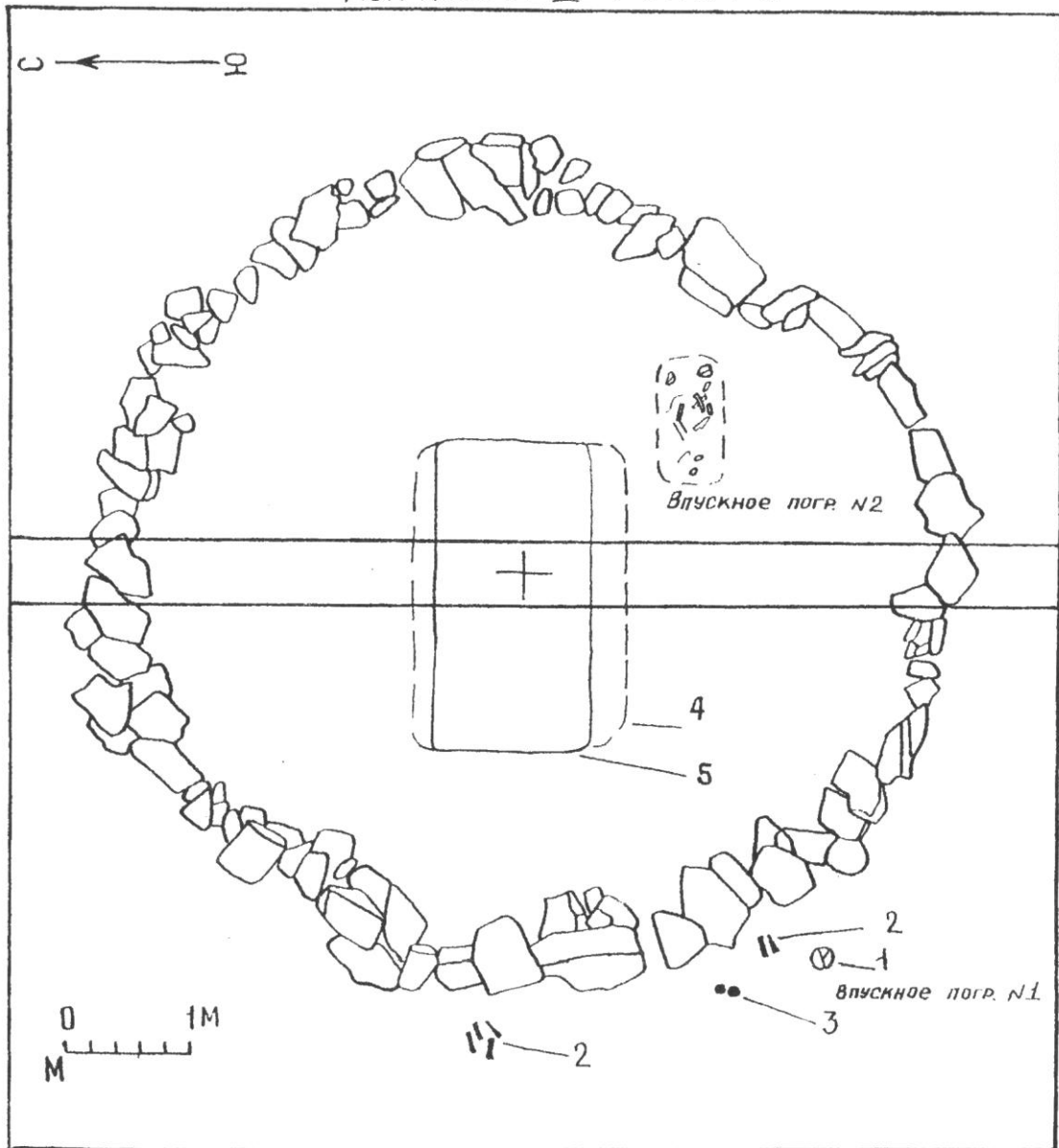

Рис.14

Мог. ЯБОГАН III КУРГАН №3

- 1 ФРАГМЕНТЫ ЧЕРЕПА ЧЕЛОВЕКА
- 2 КОСТИ ЖИВОТНЫХ
- 3 ЗУБЫ ЛОШАДИ
- 4 КОНТУРЫ ЯМЫ ВПУСКНОГО ПОГРЕБЕНИЯ
- 5 КОНТУРЫ ЯМЫ ОСНОВНОГО ПОГРЕБЕНИЯ

Рис.15

Мог. Ябоган III
РАЗРЕЗ КУРГАНА N 3

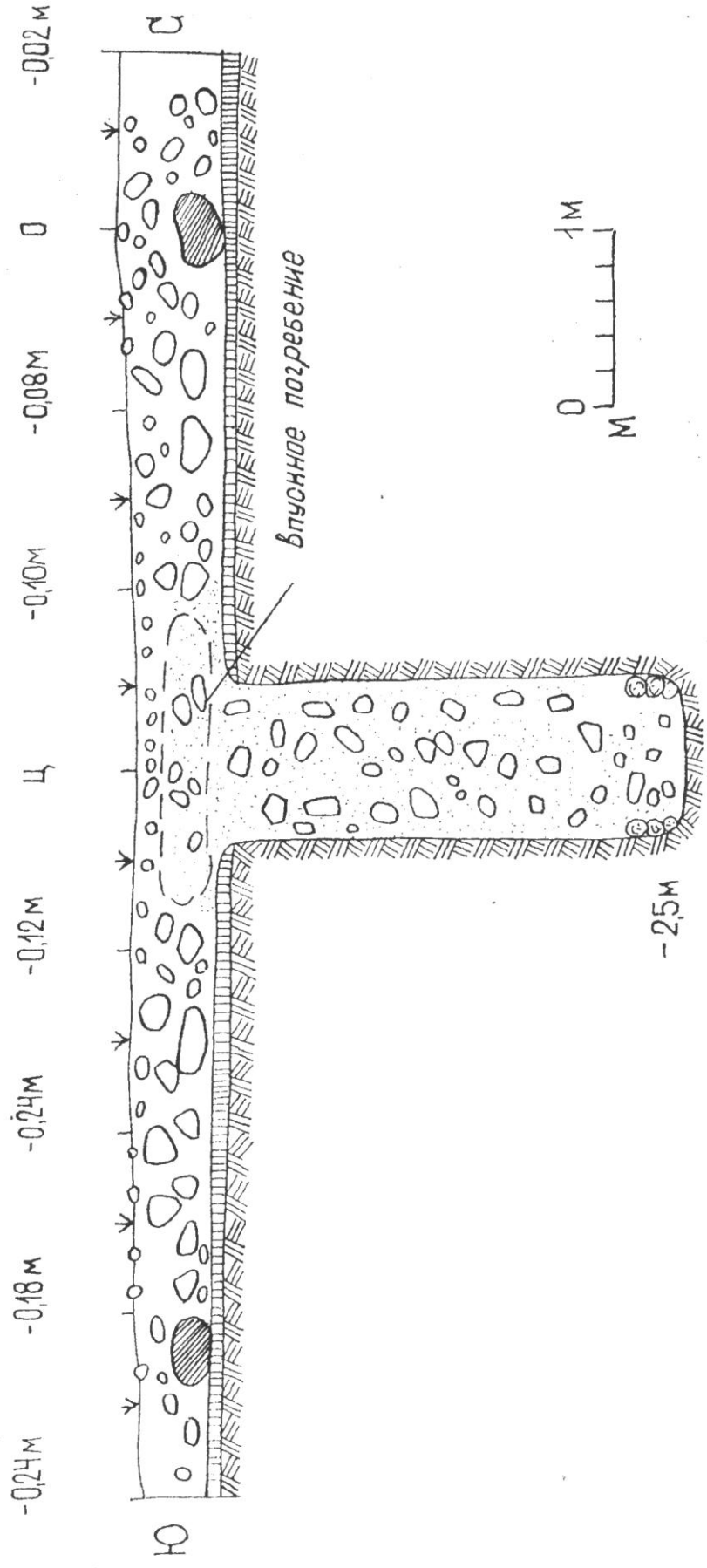

Рис.16

Мог. Ябоган III курган N 3
(Впускное погребение N 3)

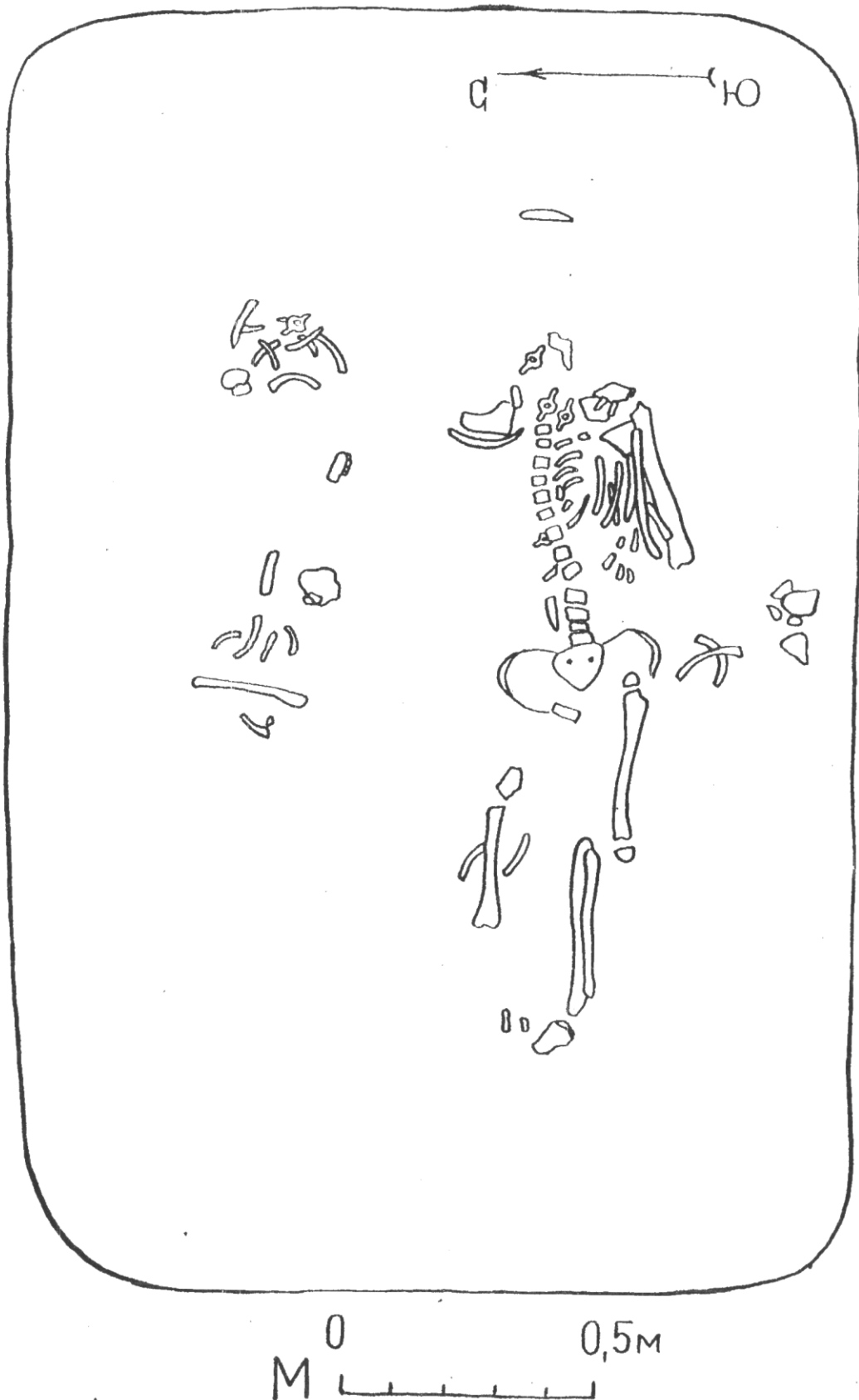

Рис.17

Мог. Ябоган III курган №3
основное погребение

С ← Ю

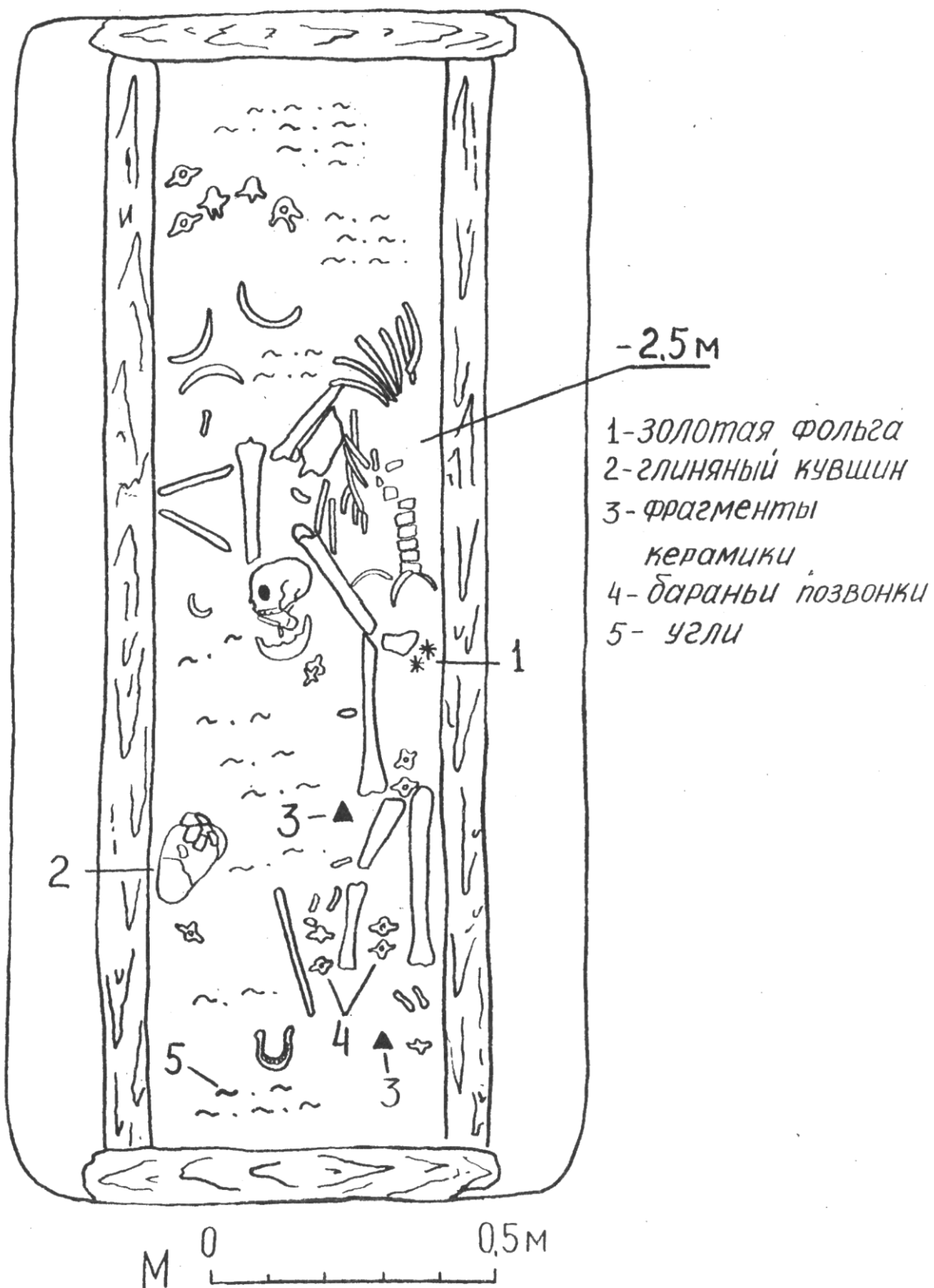

Рис.18

МОН. ЯБГОГАН III РАЗРЕЗ КУРГАНА N4

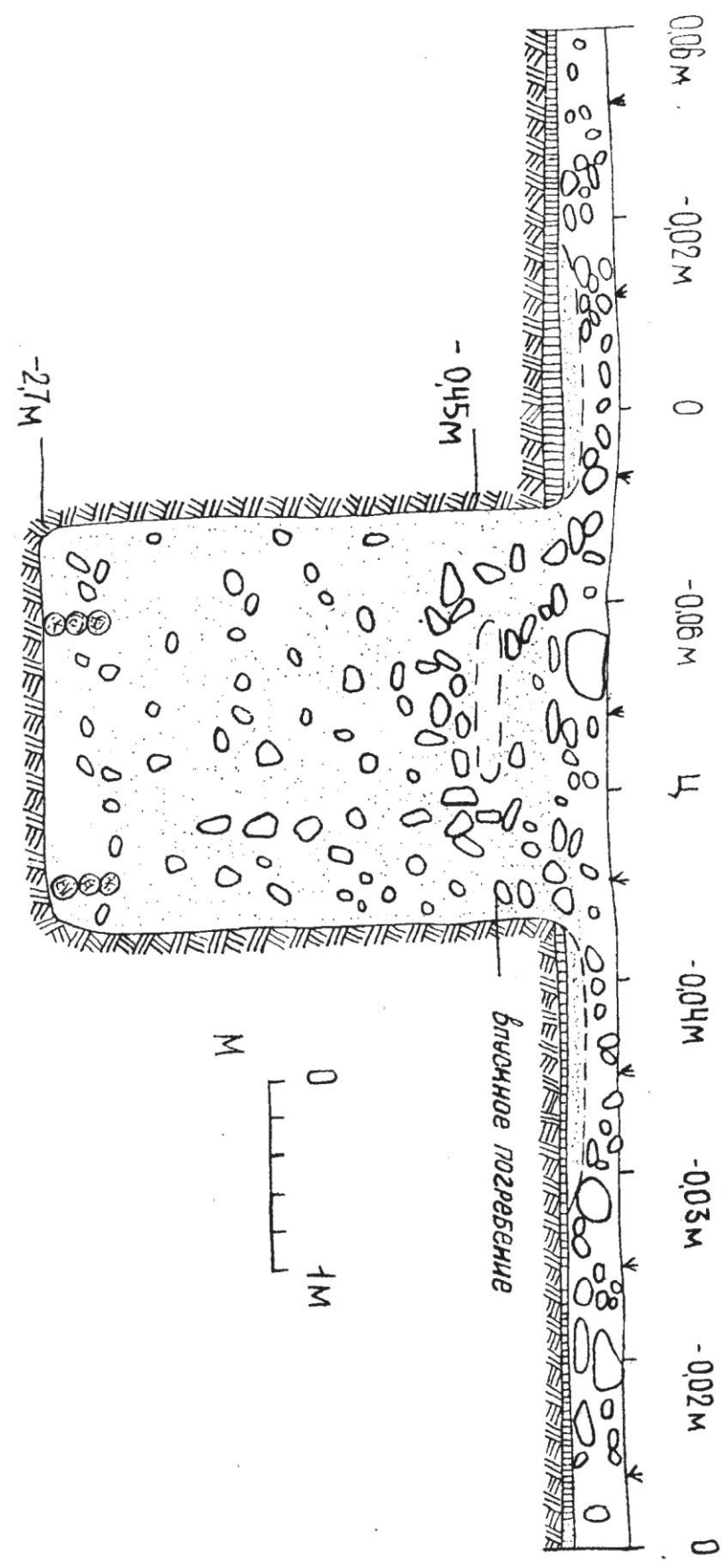

Рис.19

Мог. Ябоган III курган N 4
впускное погребение

1- фрагменты керамики
2- зола и угли

0 0,5 м
М

Рис.20

Мог. Ябоган III курган №4
(основное погребение)

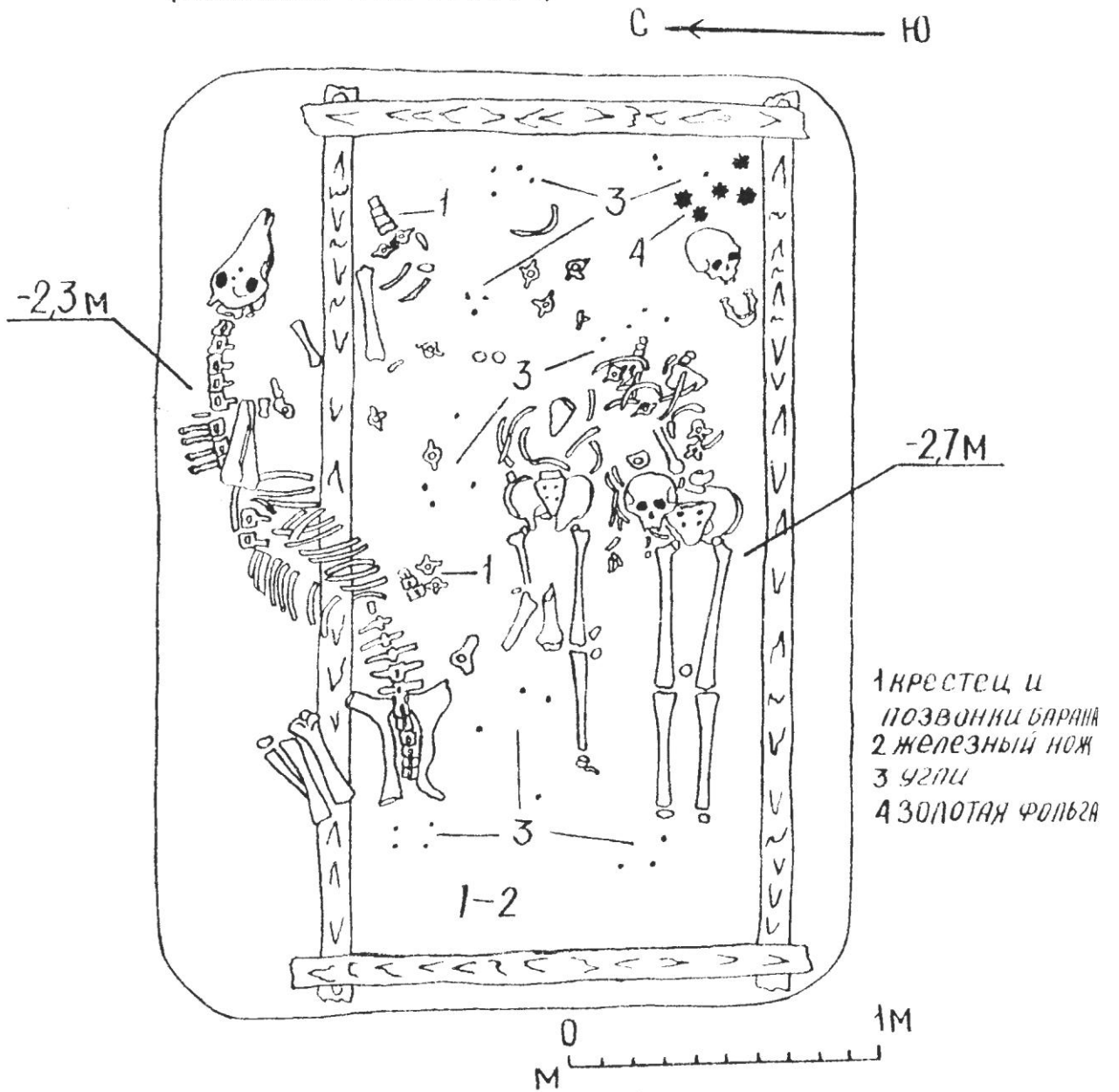

Рис.21

Мог. ЯБОГАН III РАЗРЕЗ КУРГАНА №5

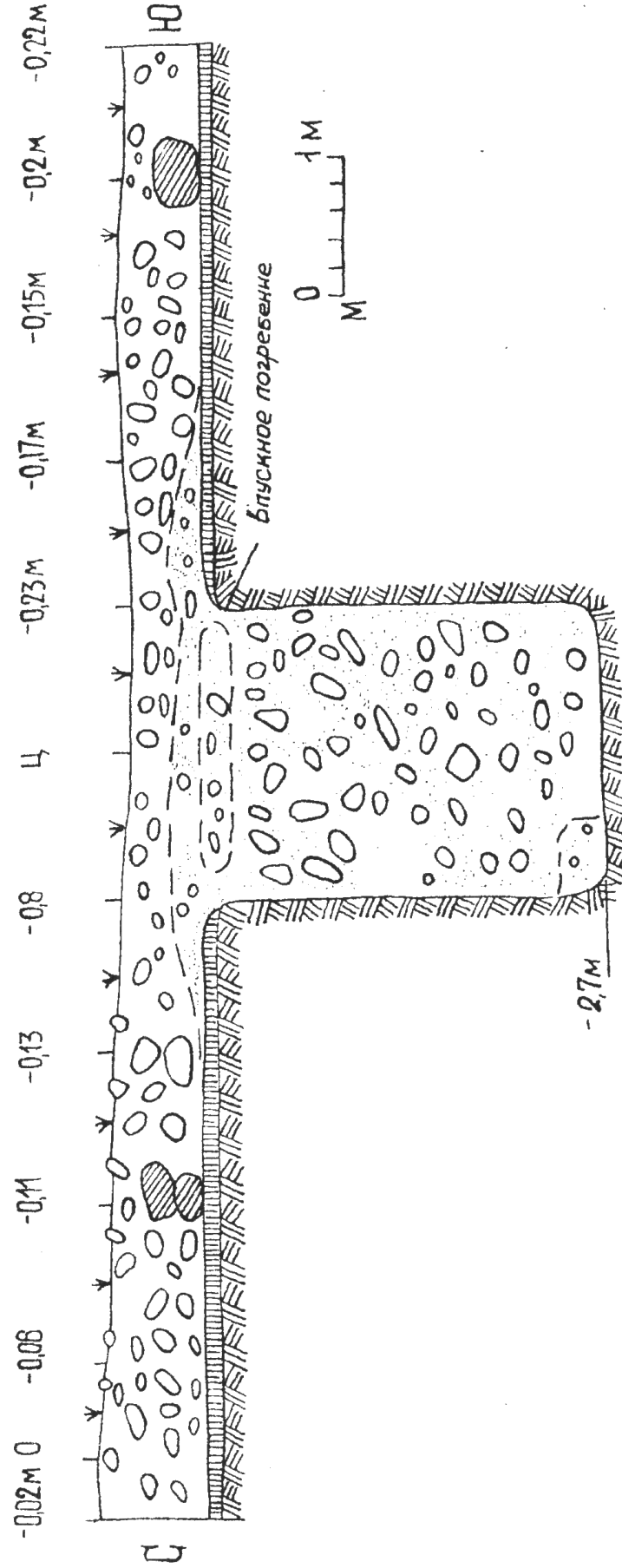

Рис.22

Мог. ЯБОГАН III курган N5
(впускное погребение)

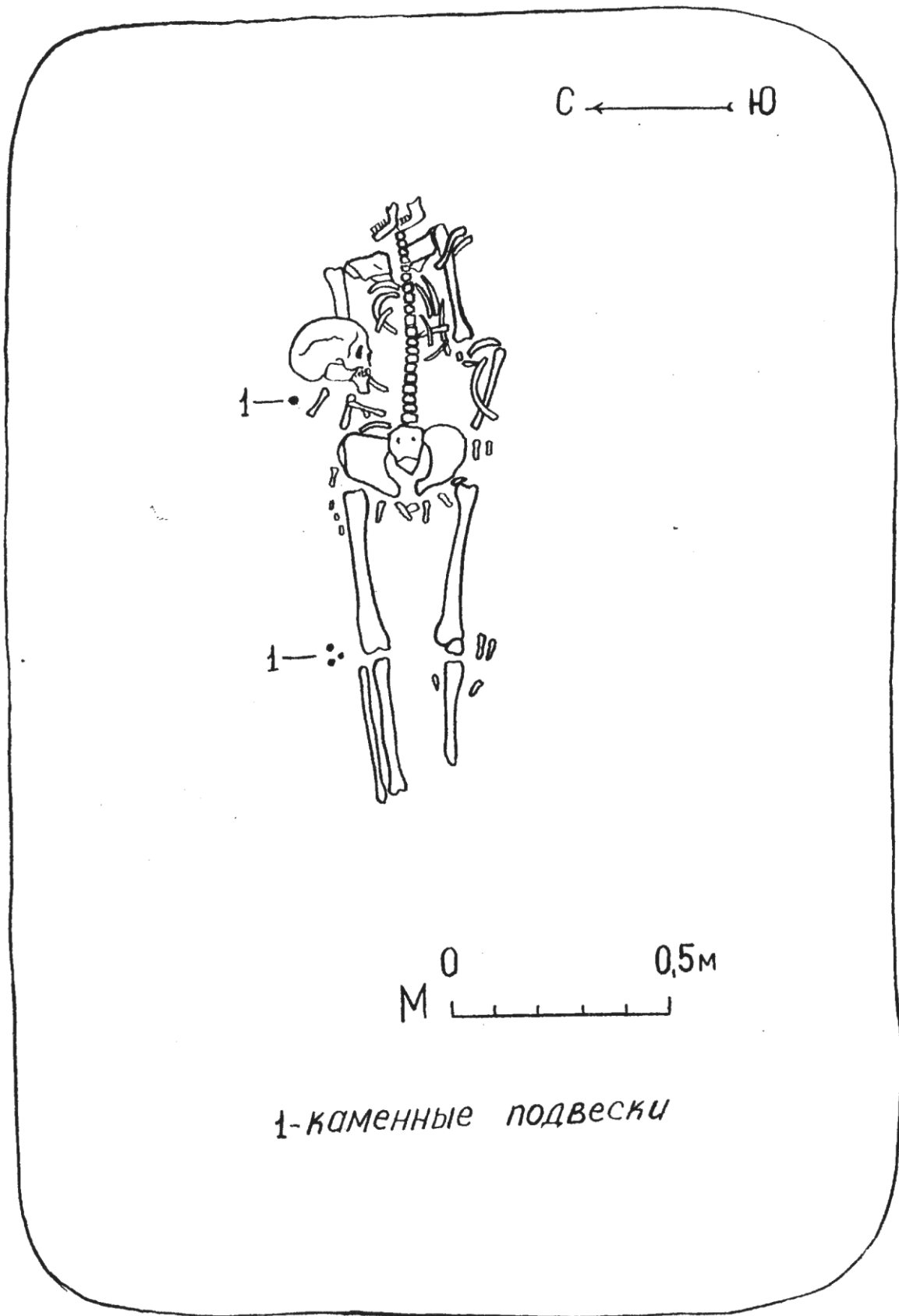
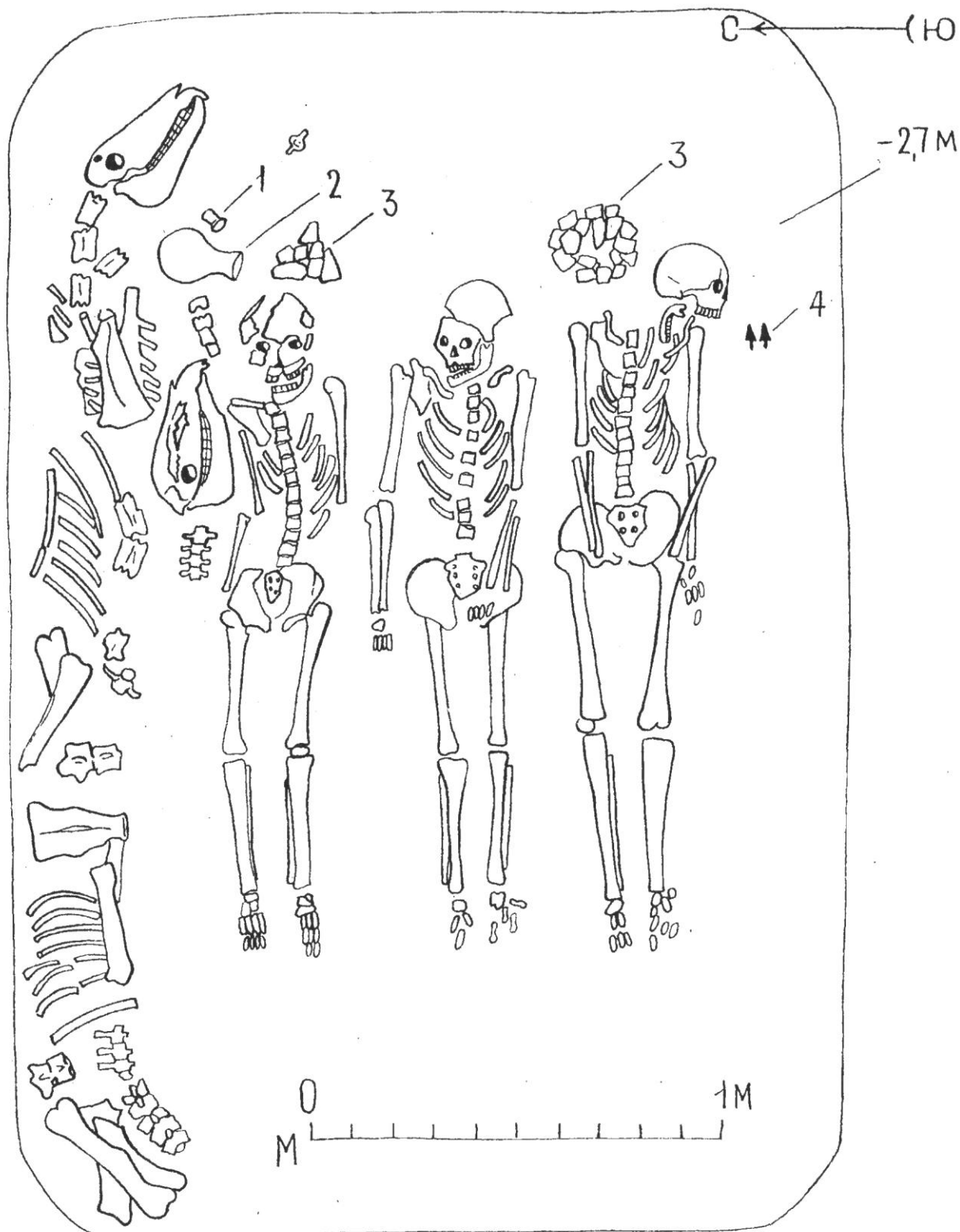

Рис.23

Мог. Ябоган III курган №5 основное погребение

- 1 глиняный кубок
 2 глиняный сосуд
 3 развал сосуда

- 4 костяные наконечники стрел

Рис.24

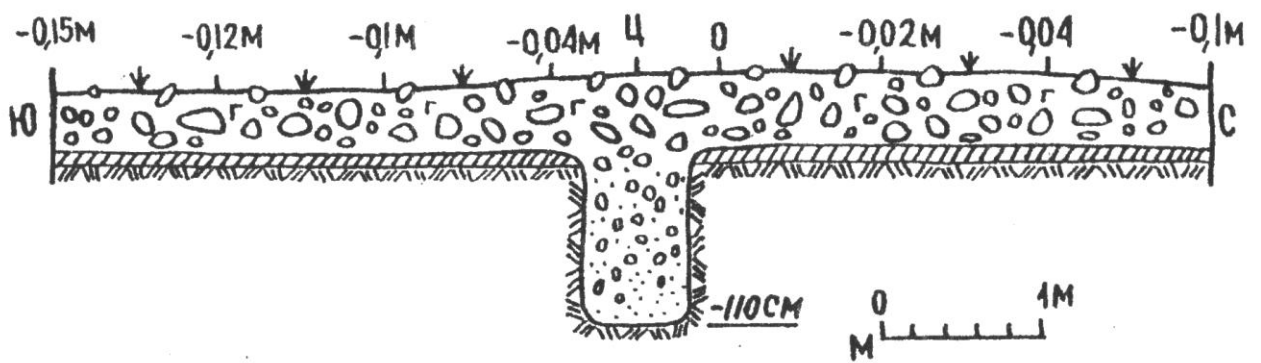

Рис.25

Мог. ЯБОГАН III КУРГАН N 6

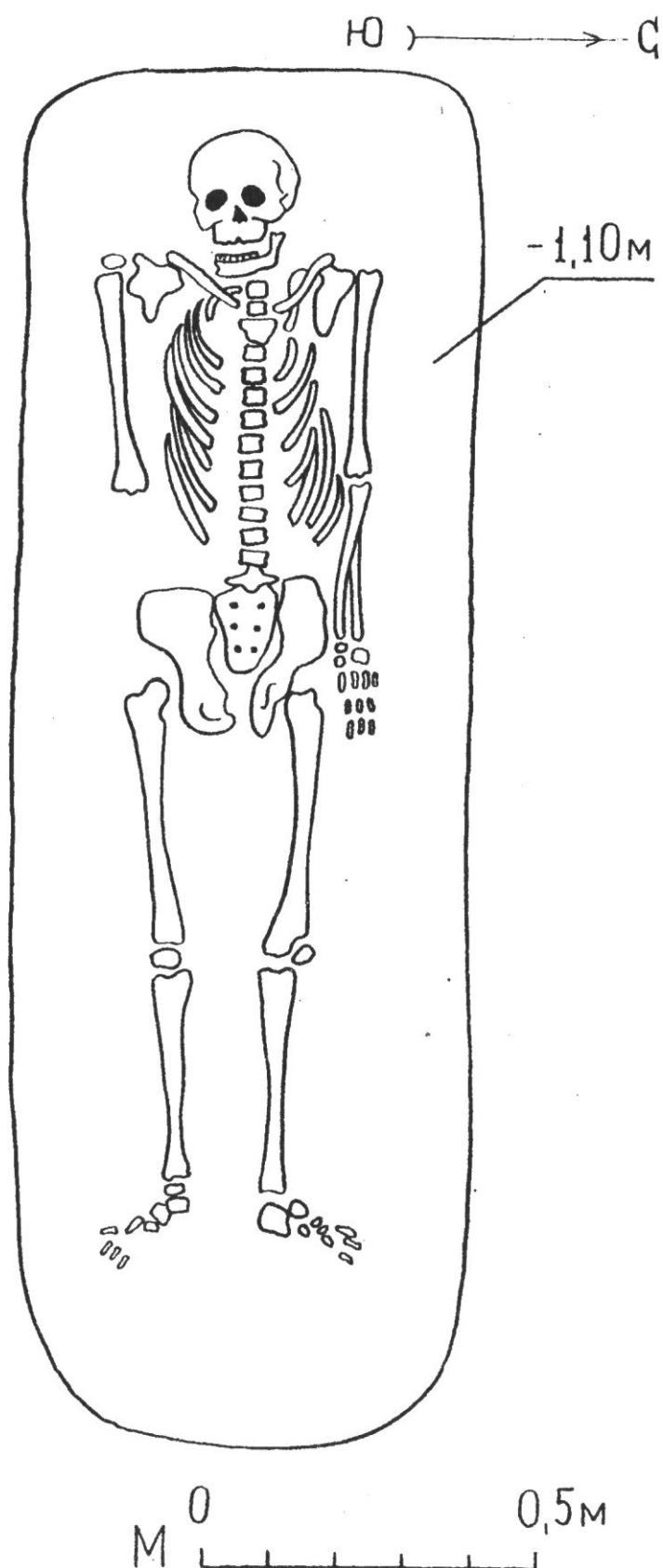

Рис.26

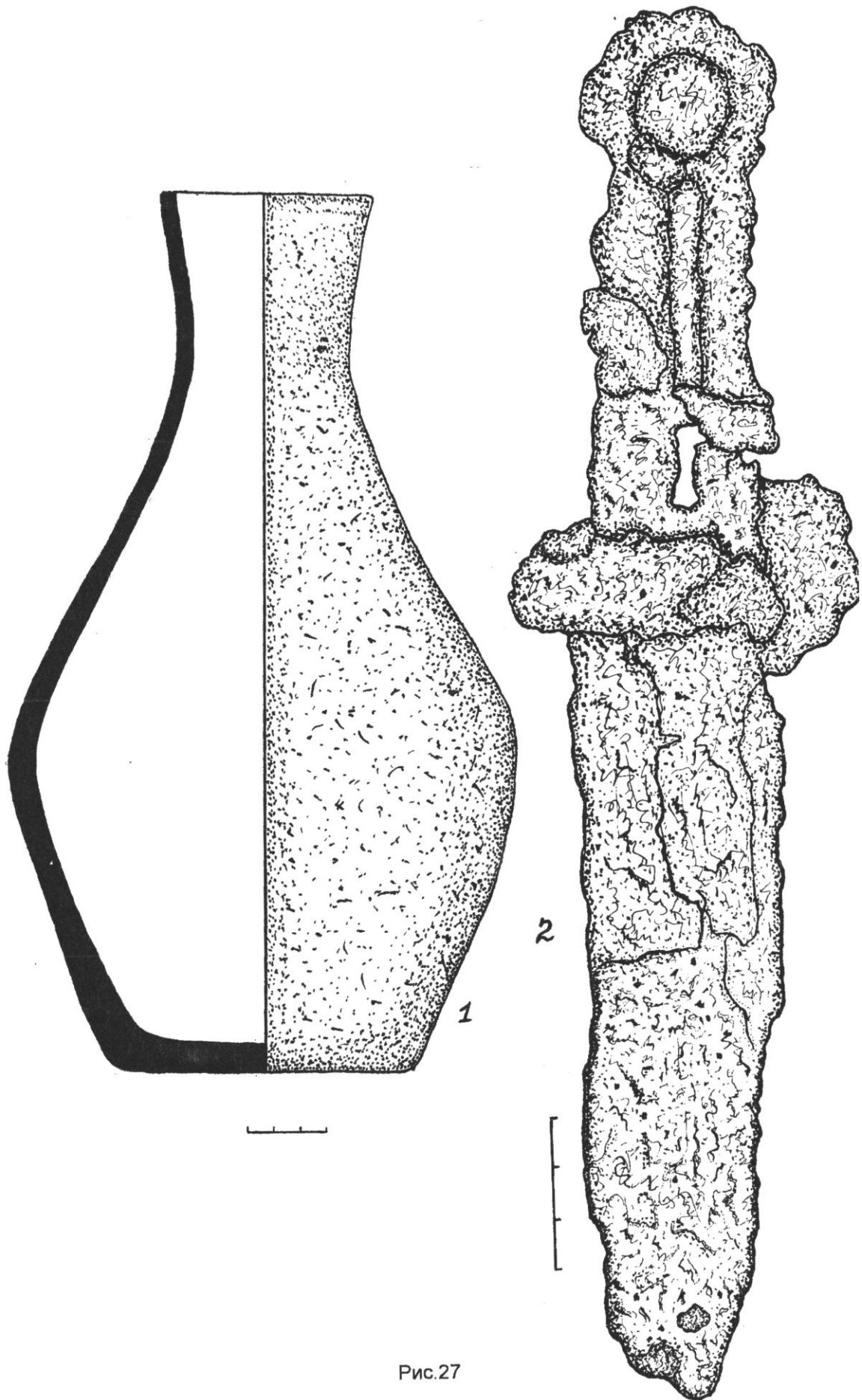

Рис.27

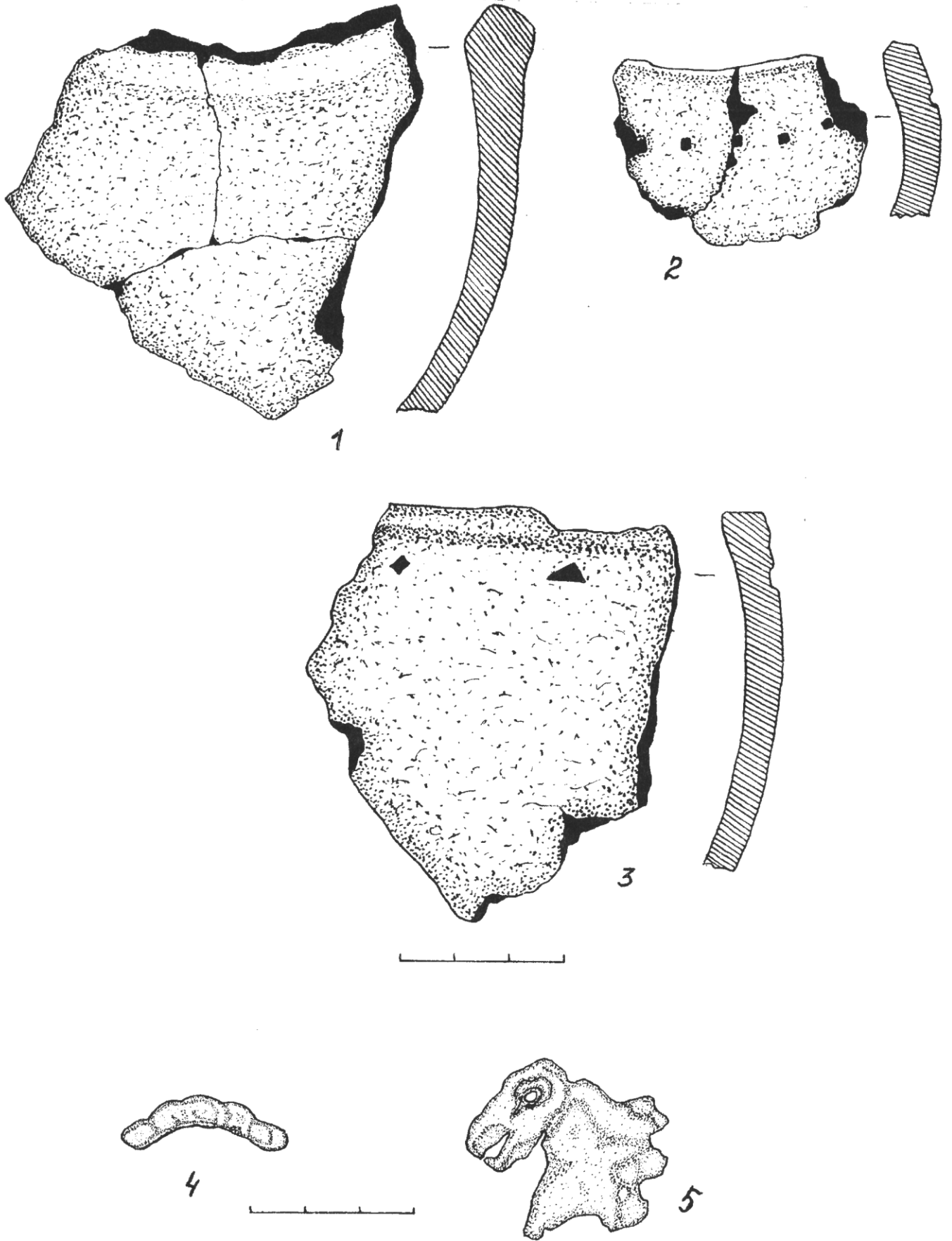

Рис.28

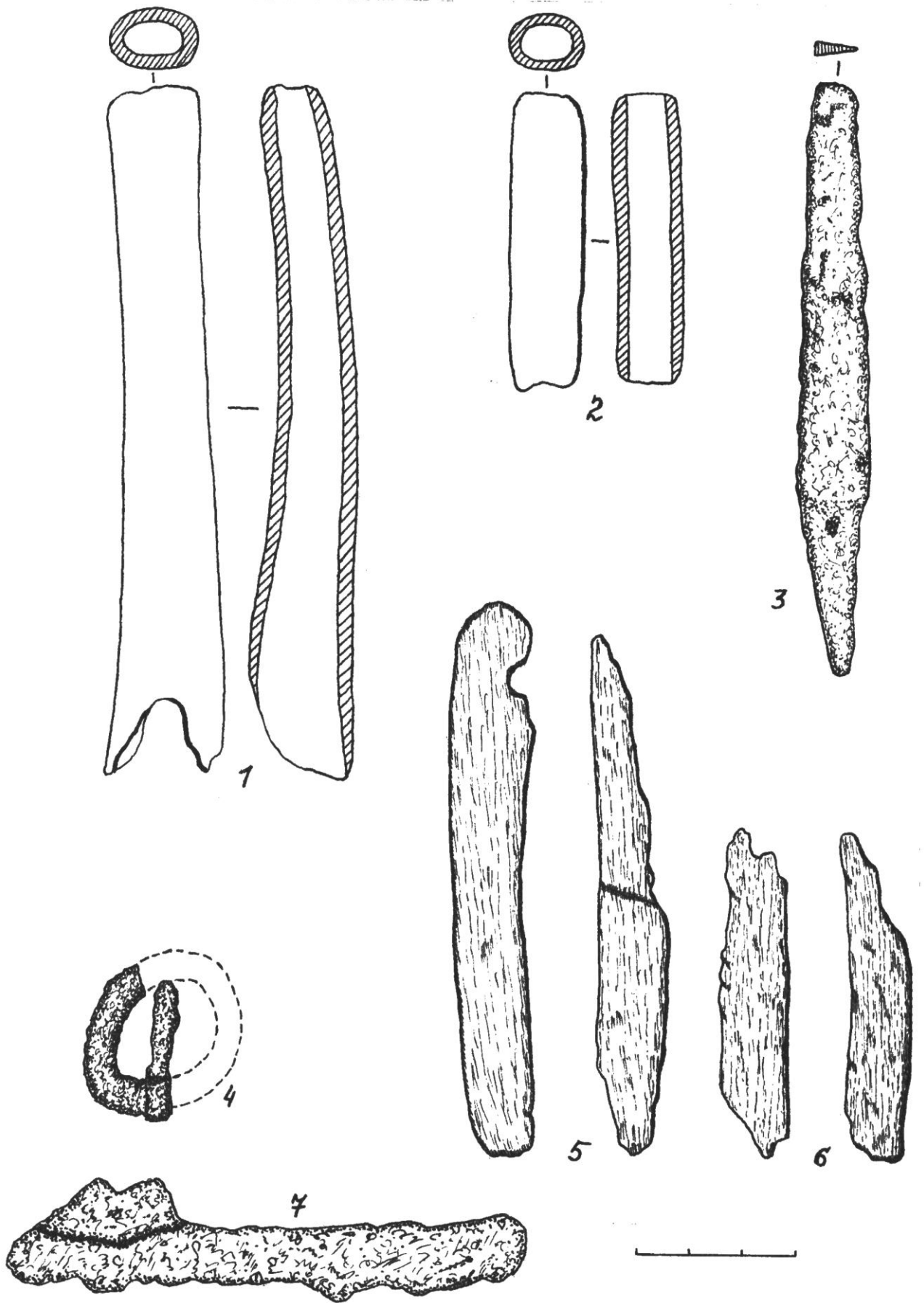

Рис.29

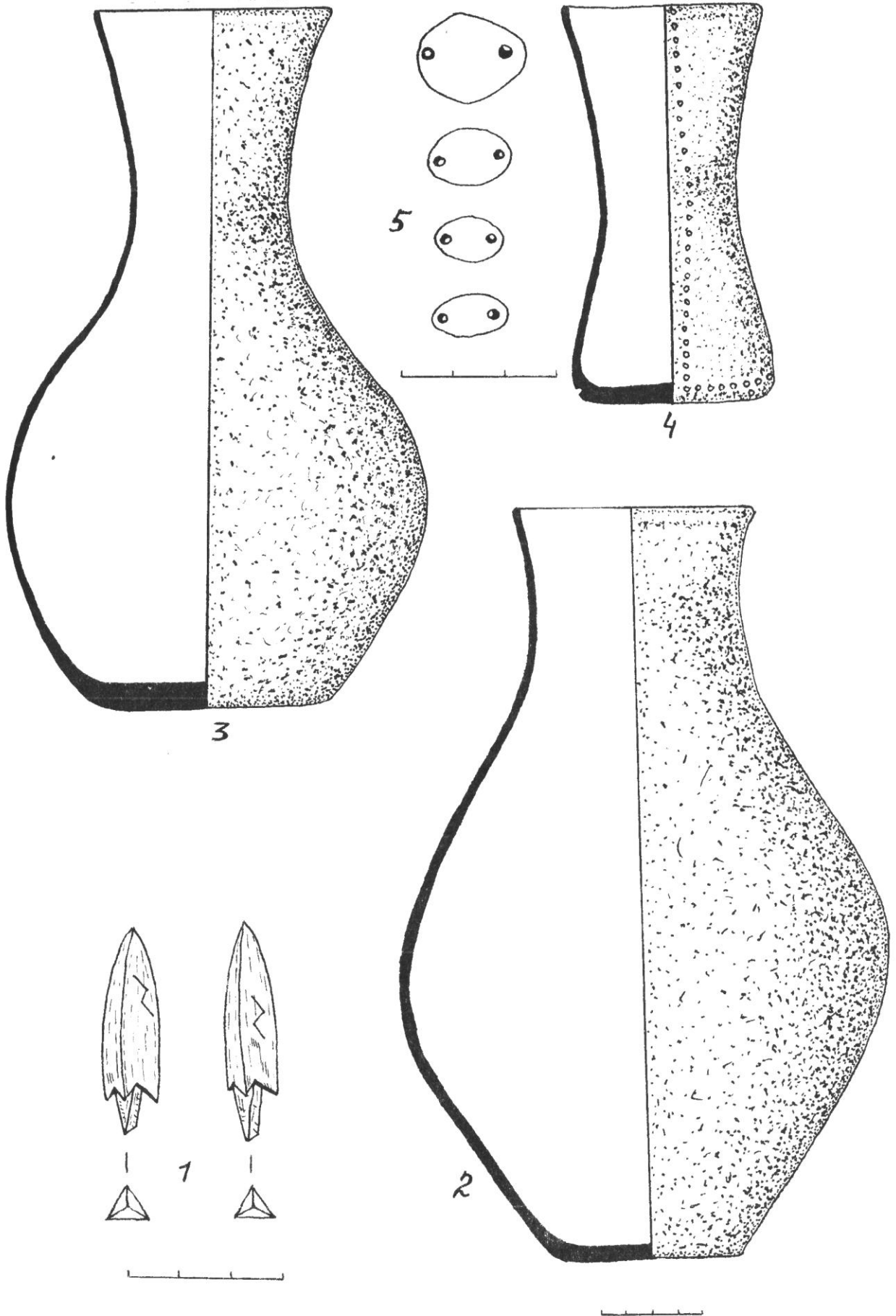

Рис.30

Где-то в III-V вв. н.э. в урочище ненадолго поселилась другая община, близкая в культурном отношении той, что оставила основную массу захоронений этого периода в мог. Айрыдаш I на средней Катуне. Для совершения погребения вновь прибывшие выбрали самый большой центральный курган пазырыкской цепочки. Разобрав в центре насыпь, и несколько углубившись в грунт под нею, они нарушили уже имевшееся здесь впускное захоронение предшественников. Причем вырытое в грунте углубление, из-за иной традиции в ориентировке, не совпадало с абрисом основной ямы. В подготовленном таким образом неглубоком котловане была фактически сооружена семейная усыпальница, в которую помещены двое взрослых, уложенных «валетом», т.е. с противоположной друг другу ориентацией, а по бокам у них уложены дети. Судя по традиции, мог. Айрыдаш I, здесь, вполне вероятно, были установлены несохранившиеся на сегодня дощатые погребальные камеры.

Итак, исследованный в свое время полностью мог. Ябоган III дал весьма интересные материалы для реконструкции особенностей культуры общин, проживавших на западе Горного Алтая в скифское и гунно-сарматское время.

Литература

1. Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С.70-81; 241-255.
2. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуне. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – 116 с.
3. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1989.
4. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуне. – Новосибирск: Наука, 1990.
5. Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: ОГУ, 1992. – С.92-97.
6. Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. – Барнаул: АГУ, 1994.
7. Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: 1999. – С.171-173.

Список иллюстраций к статье Могильникова В.А. и Суразакова А.С.

- Рис.1. Расположение могильников Ябоган I-V.
 Рис.2. План мог. Ябоган III.
 Рис.3. Насыпь кургана №1.
 Рис.4. План каменного кольца кургана №1.
 Рис.5. Разрез кургана №1.
 Рис.6. План впускного погребения №1 кургана №1.
 Рис.7. План впускного погребения № 2 кургана №1.
 Рис.8. План основного погребения кургана №1.
 Рис.9. План каменного кольца кургана №2.
 Рис.10. Разрез кургана №2.
 Рис.11. План впускного погребения №1 кургана №2.
 Рис.12. План впускного погребения №2 кургана №2.
 Рис.13. План впускного погребения №3 кургана №2.
 Рис.14. План основного погребения кургана №2.
 Рис.15. План каменного кольца кургана №3.
 Рис.16. Разрез кургана №3.
 Рис.17. План впускного погребения №3 кургана №3.
 Рис.18. План основного погребения кургана №3.
 Рис.19. Разрез кургана №4.

- Рис.20. План впускного погребения кургана №4.
 Рис.21. План основного погребения кургана №4.
 Рис.22. Разрез кургана №5.
 Рис.23. План впускного погребения кургана №5.
 Рис.24. План основного погребения кургана №5.
 Рис.25. План насыпи и разрез кургана №6.
 Рис.26. План погребения кургана №6.
 Рис.27. Вещи из основного погребения кургана №1: 1 – глиняный кувшин; 2 – железный кинжал.
 Рис.28. 1 – фрагмент керамики из впускного погребения №1 кургана №2; 2-3 – фрагменты керамики из впускного погребения №2 кургана №2; 4 – золотая фольга в виде рога козла из основного погребения кургана №3; 5 – золотая фольга – обкладка деревянной фигурки животного из основного погребения кургана №4.
 Рис. 29. 1-2 – костяные нагаек из впускного погребения №1 кургана №2; 3-4 – железные нож и пряжка из впускного погребения №1 кургана №2; 5-6 – роговые накладки на лук из впускного погребения кургана №2; 7 – фрагмент железного ножа из основного погребения кургана №2.
 Рис.30. 1 – роговые наконечники стрел из основного погребения кургана №5; 2-4 – глиняные сосуды из основного погребения кургана №5; 5 – костяные нашивки из впускного погребения кургана №5.

Мамадаков Ю.Т.
 (г.Барнаул)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА КАЙНДУ

Курганный могильник Кайнду, расположенный на распахиваемой первой правобережной надпойменной террасе р. Катунь в 2 км к северо-северо-западу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (бывший Шебалинский район Горно-Алтайской автономной области), открыт в 1983 году, а в полевой сезон 1985 года нами раскапывались 3 кургана, хотя в нем насчитывается более 40 объектов (Абдулганеев М.Т., 1985, с. 189; Степанова Н.Ф. 1987, с. 283-284; Неверов С. В., Степанова Н.Ф. 1990, с. 242-270). В данной работе в научный оборот вводятся материалы тех исследований, которые, несомненно, существенно расширят сложившиеся представления о жизни (погребальном обряде, материальной культуре и т.д.) древнего населения Горного Алтая и еще раз подтверждают сложные этнокультурные процессы ранних этапов развития пазырыкского общества в целом, населения Средней Катунь в частности. Неоднозначные явления зафиксированы и по материалам других 15 исследованных курганов памятника Кайнду (Неверов С.В., Степанова Н.Ф. 1990, с. 242-270)¹.

Курган 7 имел задернованную каменную насыпь округлой формы, сложенную из валунов и мелкого галечника. Могильная яма со скругленными углами подпрямоугольной формы размерами 2,84x2,08x3 м ориентирована по линии восток – запад (рис.1). На дне ямы встречались истлевшие остатки деревянной конструкции в виде рамы из толстых плах, длинные стенки которой располагались между короткими. В раме, сооруженной на материковом слое вдоль южной стенки, обнаружено парное человеческое захоронения в сопровождении конского костяка (рис.2). Умершие лежат на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища, головой ориентированы на запад - лицом на восток. При этом головы погребенных наклонены, судя по черепам костяков, на левую сторону.

У западной торцовой стенки рамы лежали бараньи позвонки и два бронзовых ножа (рис.2,а; рис.7,б,в). Здесь же обнаружены фрагменты деревянной чаши (рис.9,ж). Рядом с черепом костяка №1 лежало бронзовое изделие (шпилька?), а костяной наконечник стре-

¹ Нумерация курганов дана по отчету Абдулганеева М.Т. за полевой сезон 1983 г.

лы найден под черепом. Второй костяной наконечник стрелы был положен между его бедренными костями (рис.9,г,д).

Гораздо содержательнее выглядит сопроводительный инвентарь, обнаруженный рядом с костяком №2. В районе поясных позвонков и лучевой кости левой руки встречены бронзовые обоймы поясного ремня с остатками сыромятной кожи (рис.2,д; рис.8,б). В области правой тазовой кости выявлены железный кинжал к сердцевидным перекрестием, два костяных наконечника стрелы, а бронзовый колчаный крюк с зооморфным изображением хищника (головы волка) – между тазовыми костями (рис.2; рис.7,а,д). У левой бедренной кости расчищена бронзовая пронизка.

Вне деревянной конструкции, с левой стороны погребенных, вдоль северной стенки могильной ямы уложили коня на животе с подогнутыми под себя конечностями (рис.2). Головой ориентирован в том же направлении, что и умершие - на запад. Он был взнузданным, о чем свидетельствуют бронзовые удила между челюстями, трехдырчатые роговые псалии и бронзовые бляшки-переходники (распределители ремней) с фрагментами сыромятного ремня (рис.2, рис.8,а,в,г,д,е; рис.9,е). Конь, видимо, был еще и оседлан, на что указывают две разнотипные костяные подпружные пряжки (рис.2; рис.9,а,б).

Курган 12, некогда имевший каменную конструкцию округлой формы диаметром около 6 м, в настоящее время распахан. Овальная могильная яма размерами 2,20x1,10x1,40 м ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис.3). На дне ямы зафиксированы истлевшие остатки деревянной конструкции из толстых плах – рамы размером 1,60x0,76 м, толщина плах достигала 10 см, высота – 6-8 см (рис. 3). Судя по всему, рама была перекрыта крупными камнями, и в ней отсутствовало захоронение человека. В то же время местонахождение погребального инвентаря, прежде всего керамического сосуда, а также костей барана, указывают, видимо, на восток-юго-восточную ориентацию головой подразумеваемого умершего (рис.3; рис.10). Обнаружены костяной наконечник стрелы, бронзовые чекан, кинжал, колчаный крюк (рис.6,а,в,д).

Курган 14, некогда имевший каменную конструкцию округлой формы диаметром около 5-6 м, в настоящее время распахан. Подтрапециевидная в плане могильная яма со слегка скругленными углами (размеры 2,48x1,50x1,80 м) ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток и имеет прямые стенки (рис.4). В яме сооружена деревянная трапециевидной формы рама размером 2,40x1,50(наибольшая ширина)x1,16 м(наименьшая ширина), оконтуривавшая ее по дну. Длинные стенки рамы расположены между короткими, и она сужалась в запад-северо-западной части. Ширина стенок 7-12 см, высота – 9-11 см. Рама перекрыта продольно уложенными толстыми плахами (рис.5,А). Человеческий костяк, находившийся в ней, уложен на правый бок со слегка согнутыми в коленях ногами при вытянутой вдоль тела правой руке и слегка согнутой в локте левой, покоившейся на тазу (рис.5,А). Ориентирован он головой на восток-юго-восток. Сопроводительный инвентарь умершего представлен глиняным сосудом, расколовшимся на мелкие фрагменты, бронзовыми ножом, чеканом и кинжалом, лежавшим под бедренной костью правой ноги (рис.6,б,г,е).

В комплекс вещей сопроводительного инвентаря захоронений входят предметы вооружения (кинжалы, чеканы, наконечники стрел, колчаные крюки), конского снаряжения, орудия труда (ножи), керамика. Это, как показали многолетние исследования, сложившийся столетиями погребальный набор населения раннего железа и его состав обязательно зависит от пола, возраста, социального положения умерших с непременным соблюдением принятых обществом основных канонов обряда и, видимо, от тех реальных обстоятельств, складывающихся в процессе свершения всего погребального ритуала (с момента наступления смерти до непосредственного предания земле с свершением поминок) т.е. внешних условий. Вероятно, в том числе и «внешними» факторами обусловлены некоторые отличительные элементы в захоронениях одной археологической культуры, наблюдаемые в ходе исследований. Весь комплекс обстоятельств, вероятно, сказывается при установлении более или менее «истинного» времени захоронений, усугубляемое отсутствием в наборе инвентаря вещей с узкой общепринятой хронологией. Следовательно, хронологические рамки исследованных объектов с набором сопроводительного инвентаря должны обосновываться, по возможности, с учетом всего комплекса предметов. В данном случае вещи, отлитые из бронзы, характеризуют глубокую древность исследованных курганов, с одной стороны. А с другой – уменьшенные (миниатюрные) размеры чеканов, кинжалов

наличие железных вещей указывают в сторону относительного их омоложения. Поэтому для датировки рассматриваемых погребений пользуемся, как принято в большинстве случаев археологических исследований, сравнительно-типологическим сопоставлением вещей из достаточно полно изученных памятников раннего железа Горного Алтая и сопредельных территорий. Так, керамика представлена простой формой неорнаментированного сосуда – горшком с округлым туловом при коротком горле (рис.10), который самостоятельно не может быть датирован. Правда, подобный сосуд в комплексе с другими предметами кургана 15 могильника Кайнду датируют V-IV вв. до н.э. (Неверов С.В., Степанова Н.Ф. 1990, с. 269). Особенности оформления кинжалов Кайнду делят их на два типа: со сплошной и прорезной рукояткой (рис.6,а,б), предназначенных только для погребальных церемоний. Доказательством тому являются их незначительные размеры, следы литейного брака (наплывы от литья на рукояти, перекрестии). Кинжал с прорезной рукоятью имеет брусковидное навершие и дуговидное перекрестие, конически заостренным лезвием, линзовидным в сечении (рис. 6,а). Он близок к подобным вещам V-IV вв. до н.э. Горного Алтая (Савинов Д.Г., 1993, с. 13, рис.2,3; Кубарев В.Д., 1991, с. 75, с. 133, рис.16, 7, 8, табл. XXXVIII, 10, табл. LII, 33; и т.д.). К юстыдским кинжалам типа I IV-III вв. до н.э. близок другой кинжал со сломанной плоской рукоятью с сердцевидным перекрестием при линзовидном в сечении лезвии (Кубарев В.Д., 1991, с. 75, рис. 16, 2). Необходимо отметить, что бронзовые кинжалы ритуального назначения, типологически близкие к рассматриваемым, многими исследователями датируются более широко – VI-III вв. до н.э. (например, Суразаков А.С., 1988, с. 46-47). В рамках этой же хронологии рассматриваются бронзовые крюки, идентичные отлитому в виде стержня, загнутого крюком одного конца с, видимо, сильно стилизованным зооморфным изображением противоположного (волк?) (рис.7,д).

Довольно широко распространены модели чеканов, представленные двумя типами в исследованных захоронениях. Проушной чекан с прямым удлиненным бойком и слегка удлиненно-подовальным обушком (рис.6,в). Другой тип представлен слабоизогнутым проушным чеканом с удлиненной боевой частью и относительно коротким обушком (рис. 6,е). Модели подобных вещей, как и многие другие модели, не могут определяться узкими хронологическими рамками. Время их существования большинством исследований признаются VI-IV-III вв. до н.э. (Могильников В.А., 1983, с. 62, рис. 5,5; Суразаков А.С., 1988, с. 53-54; Кубарев В.Д., 1991, с. 83, рис. 18,1,2, табл. XXVII, 10; Кубарев В.Д., 1992, рис. 21,7; Савинов Д.Г., 1993, с. 13, рис. 4,5; Суразаков А.С., 1993, с. 33, рис. 24,1; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 23, рис. 8,2; Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 159; и другие). Подобное положение сложилось и в отношении датировки бронзовых ножей, известных с памятников Горного Алтая и сопредельных территорий. Рассматриваемые ножи (3 шт.) литые, однолезвийные с подтреугольным сечением клинка (рис.6,г; рис.7,б,в). Один из них выглядит как прямой пластинчатый нож со слегка выделенным уступом рукоятью с антропоморфным изображением (рис. 7,б). Второй – настоящий нож. Он слегка вогнутый со сплошной невыделенной рукоятью с удлиненно-каплевидным отверстием, передающим стилизованный клюв птицы с глазом (легкое подовальное углубление) (грифона?) (рис.7,в). Третий прямой пластинчатый нож маленьких размеров со слегка выделенным уступом и рукоятью с литейным браком (верхняя часть рукояти загнута) (рис.6,г). В целом они синхронны ножам с кольчатыми навершиями рукояти и довольно широко представлены в памятниках Горного Алтая, Казахстана, Южной Сибири конца VII-V вв. до н.э. Наиболее ранними предметами являются ножи с кургана 7 (VII-V вв. до н.э.), нож с кургана 14 более поздний и может быть отнесен к V-III вв. до н.э. (Кубарев В.Д., 1991, с. 70; Кубарев В.Д., 1992, с. 53-54; Суразаков А.С., 1988, с. 22-23; Суразаков А.С. 1993, с. 33; Могильников В.А., 1983, с. 48; Сорокин С.С., 1974; Вишневская О.А., 1973, с. 134; с. 139; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. 1985, рис.6, 8, 9; Степанова Н.Ф., 1996, рис.6, 1-4; Иванов Г.Е., 1982, с. 34-36, рис. 9,5, рис.10; Могильников В.А., 1997, с. 65-66; Иванов Г.Е., 2000, с. 176, рис.1, 20; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 43-89; и другие).

В эти же хронологические рамки укладываются и две подпружные роговые пряжки могильника Кайнду (рис.9,а,б). Необходимо учитывать, что в большинстве случаев самостоятельным датированным индикатором, вне вещевого комплекса закрытых памятников, подобные вещи не могут служить. Такие предметы конского снаряжения, в частности пряжки в виде узкой сплошной пластины со шпеньком-крючком у одного края и овальным

вырезом в другой части, известны в памятниках Горного Алтая с VI в. до н.э. К тому же многие типы с некоторыми изменениями использовались и в первой половине 1 тыс. н.э. населением булан-кобинской культуры (Мамадаков Ю.Т., 1987, с. 200, рис.1, 2). Довольно распространенными изделиями, которые использовались в скифскую эпоху для украшения конской сбруи, были бронзовые овальные кольца-обоймы, равномерно располагаемые на ремне, и распределители ремней оголовья (рис.8,а,г,д,е). Последние отлиты монолитом с зооморфным изображением (стилизованная голова птицы-грифона – с подчеркнутыми глазом, клювом). Вид сильно стилизованного клюва хищника (грифона) напоминают формы и двух роговых трехдырчатых псалий (рис.9,е). Они изготовлены в виде слабо изогнутого плоского стержня с заостренными нижними окончаниями. А на расширенных закругленных верхних окончаниях имеется удлинненно-каплевидной формы срез с весьма характерным легким загибом краев без рабочих следов. Лишний раз подчеркивается высокое мастерство исполнения путем передачи какой-либо части фигуры вместо целого. Отмеченные признаки предметов, на наш взгляд, указывают на ранние хронологические рамки их существования – с VII по VI-V вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1988, с. 29; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 435; Руденко С.И., 1953, табл. LX, 1, 5, 9; Сорокин С.С., 1974, с. 88, рис.15; Марсадоллов Л.С., 1985, с. 12-13; Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, с. 31-33, с. 173, рис.3, 4; Марсадоллов Л.С., 1998, с. 10-11, рис.1; Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992, с. 56-78; Тишкин А.А., 1996, с. 52-54; и т.д.).

Конское снаряжение представлено также бронзовыми двусоставными шарнирными удилами с внешними полуовальными окончаниями при ярко выраженном петлевидном оформлении внутренних звеньев в соединении (рис.8,в). Петлевидные окончания внутренних звеньев, видимо, имитируют сильно стилизованный клюв хищника (грифона?). Свообразием отмечены и внешние окончания удил. Так одни из них, нестандартные в сечении, на плоскости располагаются не по оси стержня, а перпендикулярно ему, вторые – по оси стержня. Наблюдаемые конструктивные особенности, вероятно, указывают на относительно раннее время их существования. Сравнительно-типологический анализ предметов позволяет, на наш взгляд, датировать их VI - нач. V вв. до н.э. (Грязнов М.П., 1980; Кубарев В.Д., 1991, с. 44-45, рис.8, 2; Кубарев В.Д., 1992, с. 113, рис.9, 2; Суразаков А.С., 1988, с. 25; Марсадоллов Л.С., 1998, с. 10, рис. 1; и другие).

Комплекс вещей кургана №7 позволяет датировать его VI - первой половиной V вв. до н.э. В то же время остальные курганы №№12,14 можно датировать V-IV вв. до н.э. Такую же хронологию высказали Степанова Н.Ф., Неверов С.В. по результатам исследований других погребений могильника Кайнду (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 268-269).

К сожалению, инвентарь погребений не позволяет определить более узкие хронологические рамки, хотя они свидетельствуют об их относительно синхронном существовании в пределах одной, скифской эпохи при отмеченных различиях в обряде. Они имеются, в частности, в форме, размере ям, положении умерших, наличии конского костяка (курган 7) и в ряде других деталей. Подобная ситуация непременно ставит вопрос о необходимости ее объяснения. Она может быть вызвана многими причинами и характеризует, прежде всего, сложные процессы культур-этногенеза древнего населения. Указанные особенности погребений связывать только этническим, а по сути, как свидетельствует большинство работ по археологическим источникам, очередным «новым» этносом, представляется не всегда удачным, ибо все исследованные захоронения Кайнду, включая раскопанные Н.Ф. Степановой, С.В. Неверовым, хронологически укладываются в целом в общепринятую этнокультурную евразийскую одну, скифскую эпоху. А это, в свою очередь, видимо, предполагает процессы диффузного характера в реальной жизни общества, тем более в среде формирующего этноса древности. В связи с этим, может быть, нужно ставить вопрос об участии в нем еще и генетически родственных групп населения (родоплеменных подразделений - ?) с неизбежными отличительными признаками в условиях относительно изолированных межгорных котловин Горного Алтая при этнически консолидирующем положении в регионе какой-либо доминантной группы (на сегодняшний день исследователи выделяют раннюю майэмирскую культуру с вариантами и памятники скифского времени всей указанной территории. Последние подразделяются в основном на пазырыкские и каракобинские, хотя достаточно присутствуют захоронения с отличительными признаками) (например, Могильников В.А., 1988, с. 60-107; Он же, 1994, с. 35-39). Данный процесс мо-

жет быть ускорен приходом нового этноса – кочевников и Передней и Средней Азии в VI-V вв. до н.э., которые и заняли определяющую нишу в уже происходившем явлении. Во всяком случае, освоение Горного Алтая новым этносом способствовало скорейшему формированию и доминированию в дальнейшем пазырыкских племен (Марсадолов Л.С., 1996; Он же, 1999, с. 104-107; Он же, 2000, с. 161-164).

Одно не вызывает сомнения – необходимы дальнейшие исследования.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. М., 1985. С.189.
2. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51-88.
3. Вишневская О.А. Культуры сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). ТКАЭЭ, т. VIII. М., 1973, 159 с.
4. Грязнов М.П. Аржан. Л., 1980, 80 с.
5. Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 28-34; С. 170-175.
6. Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев реки Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 24-52.
7. Иванов Г.Е. Бронзовые изделия с поселения Островное-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. С. 175-179.
8. Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сб. науч. ст.. Барнаул, 1999, 283 с.
9. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991, 186 с.
10. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992, 218 с.
11. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 43-95.
12. Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки на Кор-Кобы I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 56-78.
13. Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины 1 тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 197-203.
14. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, 435 с.
15. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв. до н.э.) // Автореферат диссертации канд ист. наук. Л., 1985, 16 с.
16. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб, 1996, 100 с.
17. Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сб. науч. ст. Барнаул, 1999. С. 104-107.
18. Марсадолов Л.С. Киммерийцы в Передней Азии и на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Сб. науч. ст. вып. XI, Барнаул, 2000. С. 161-164.
19. Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII-V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 5-24.
20. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника и поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего железного металла. Барнаул, 1985. С. 147-171.
21. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 52-89.
22. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая, 1983. С. 40-71.
23. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997, 196 с.

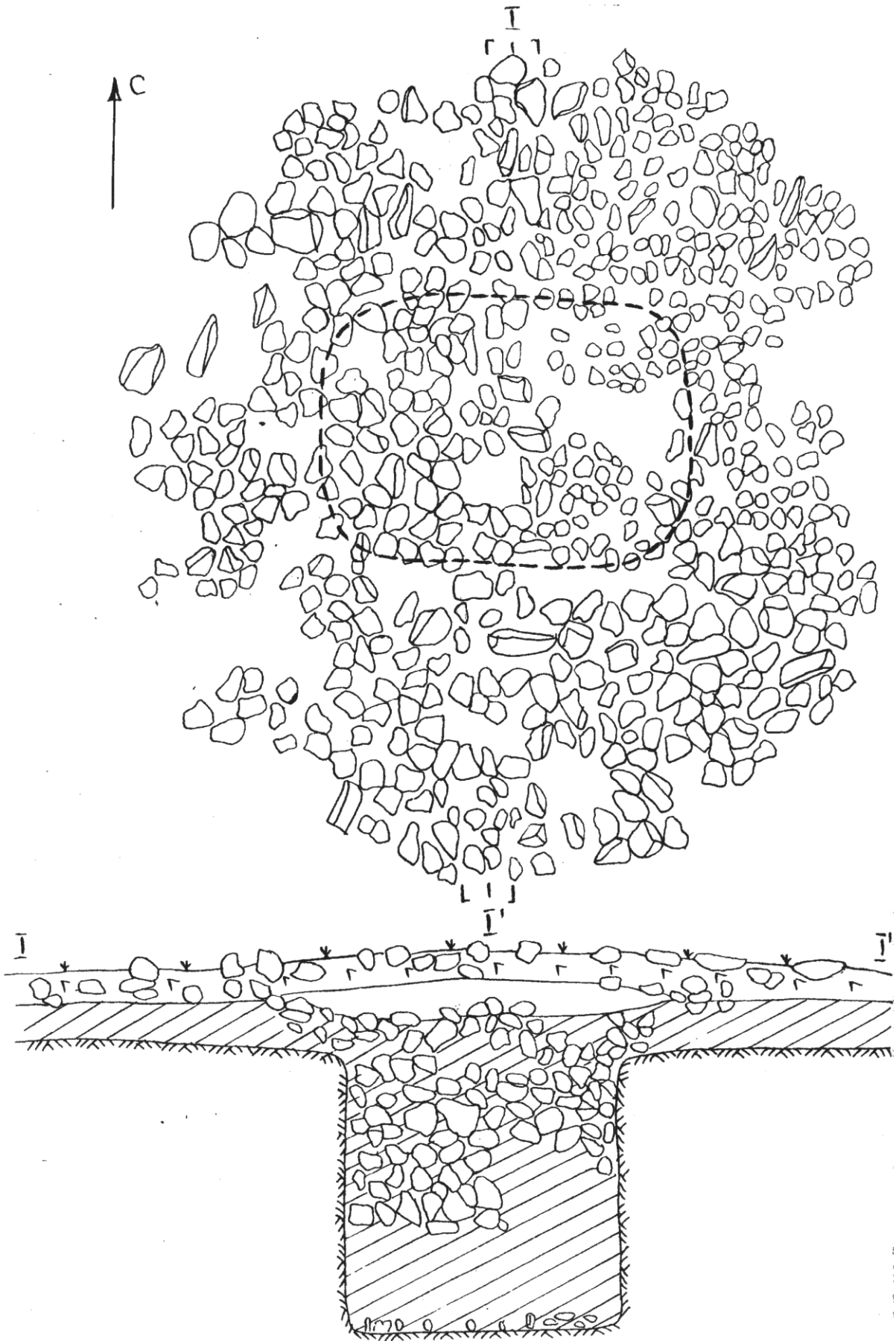

Рис. 1

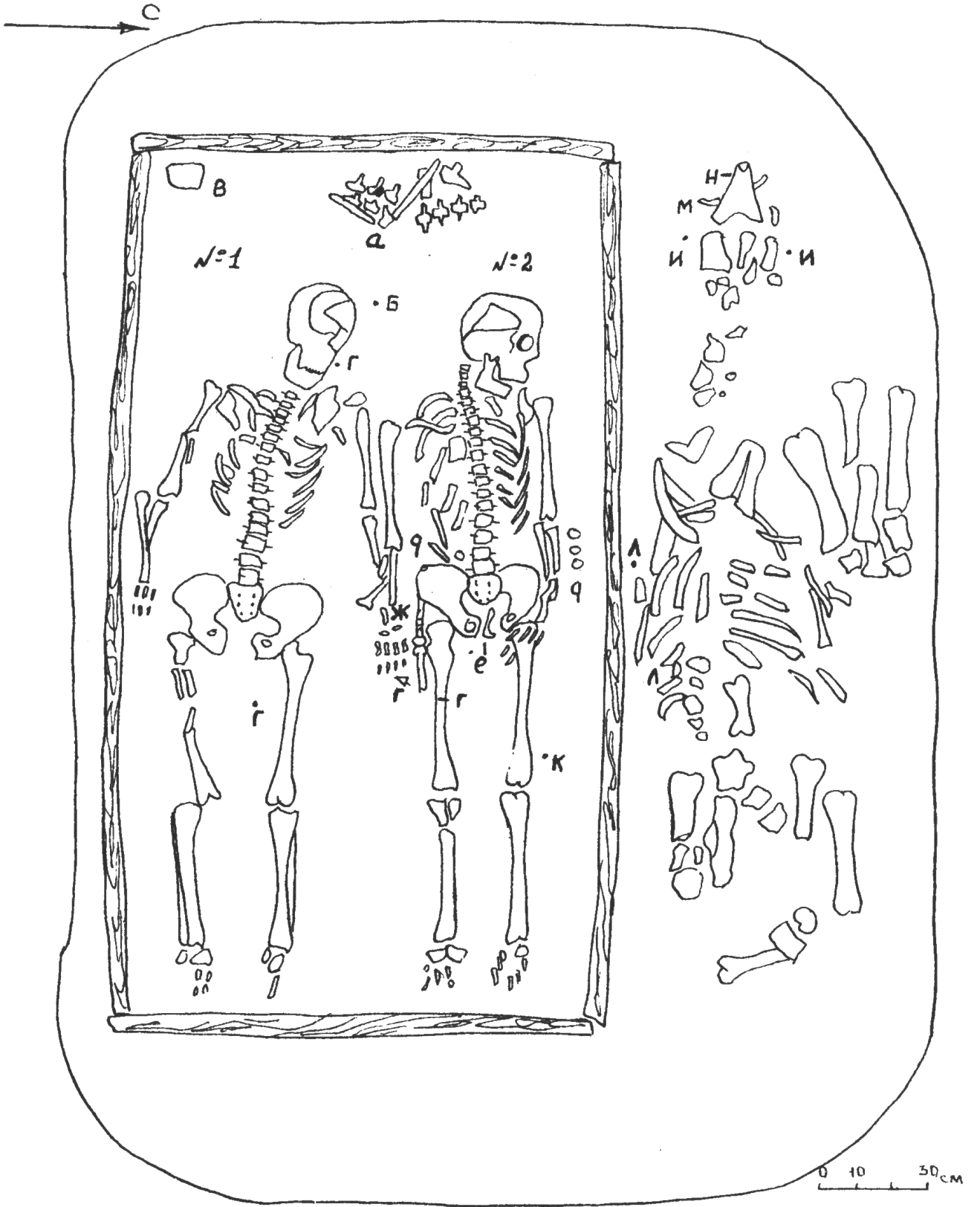

Рис.2

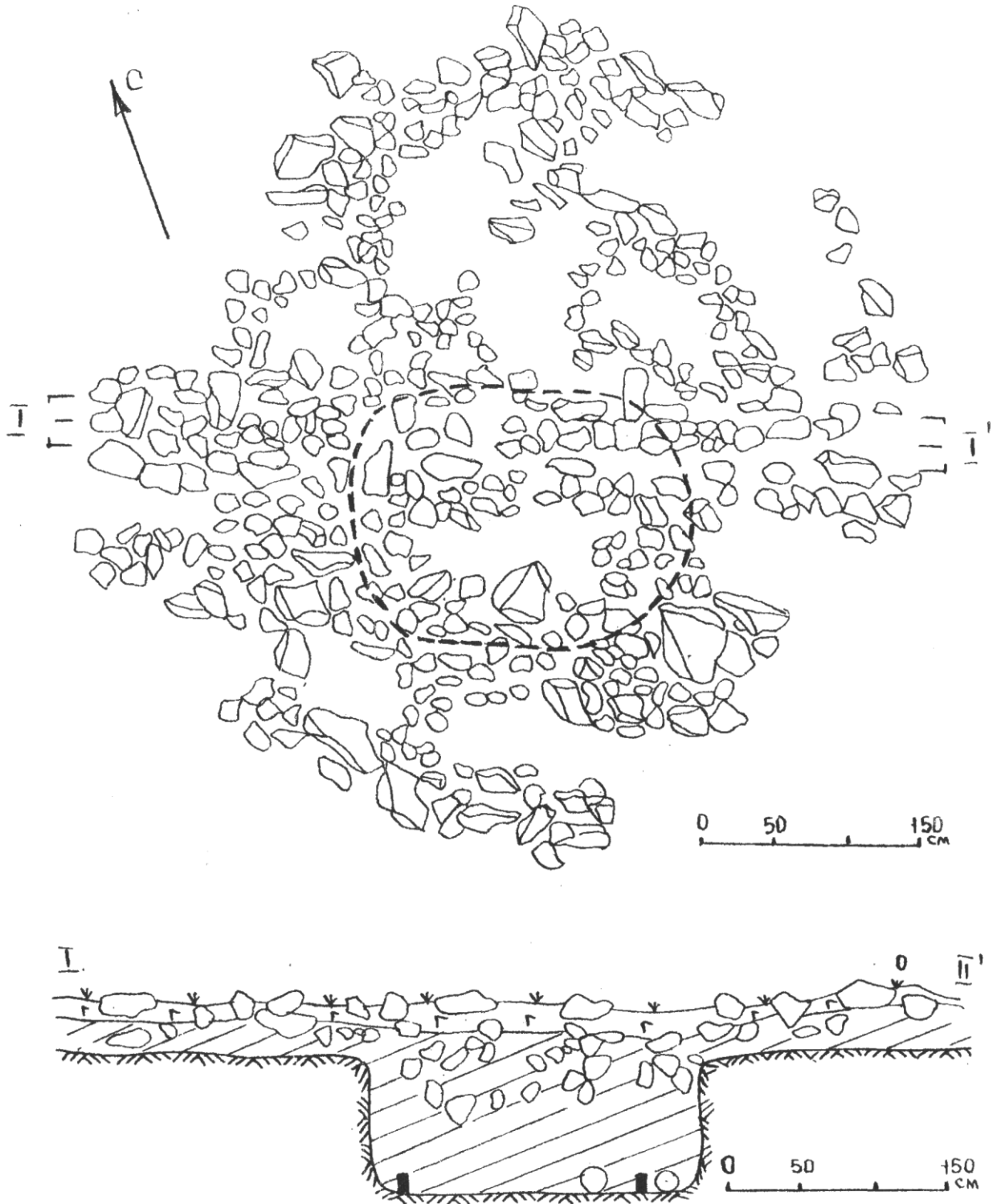

Рис.3

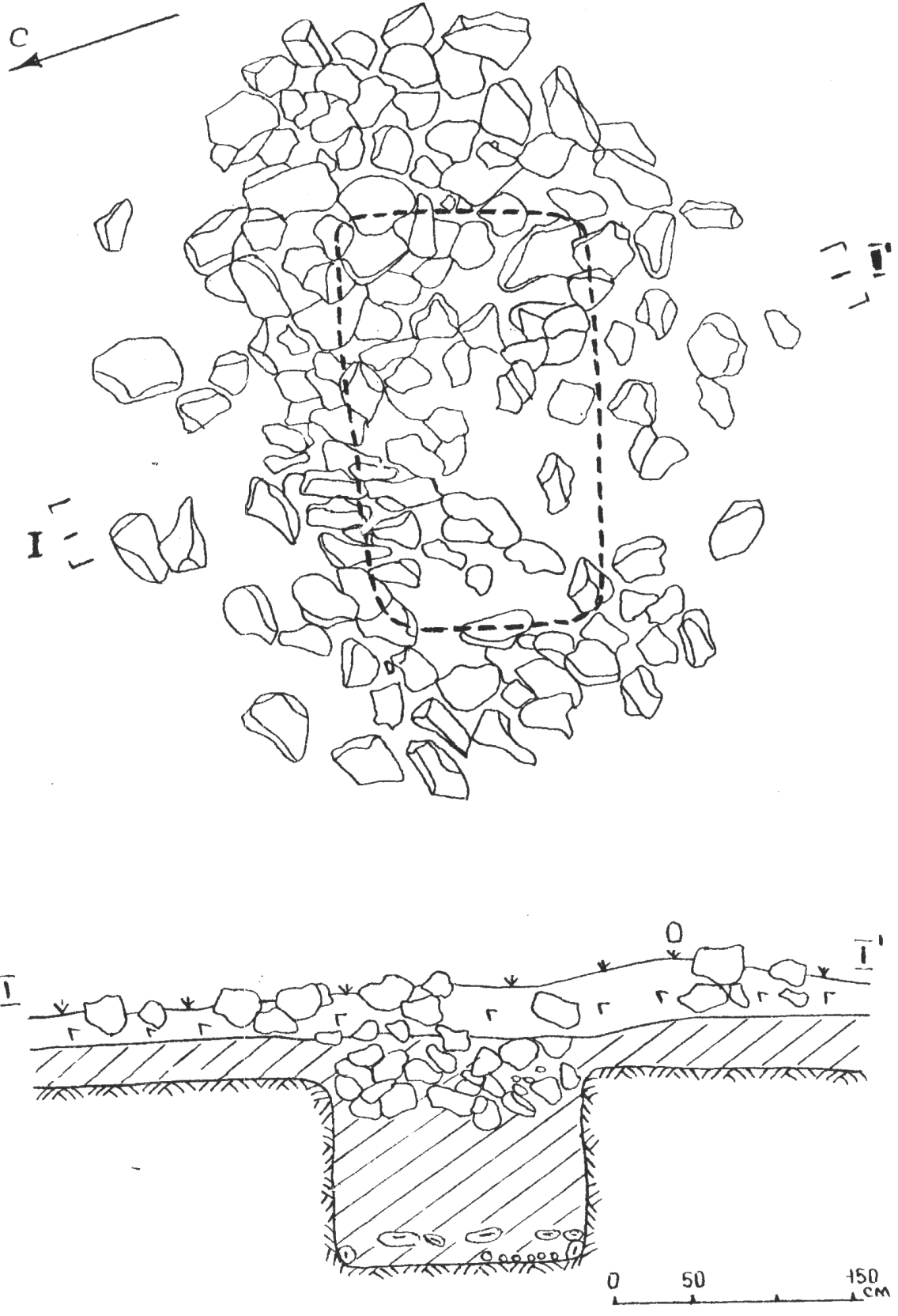

Рис.4

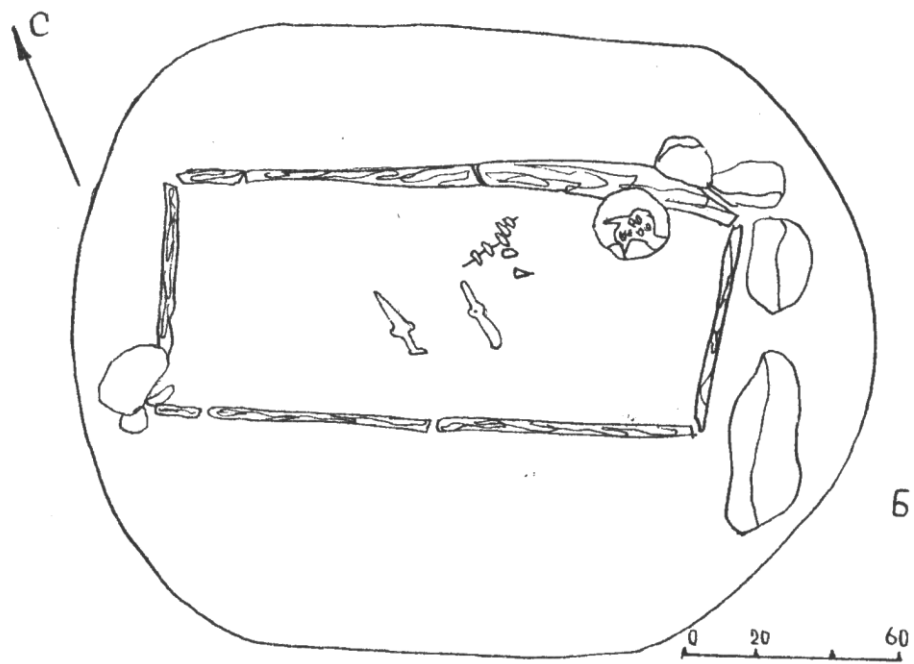
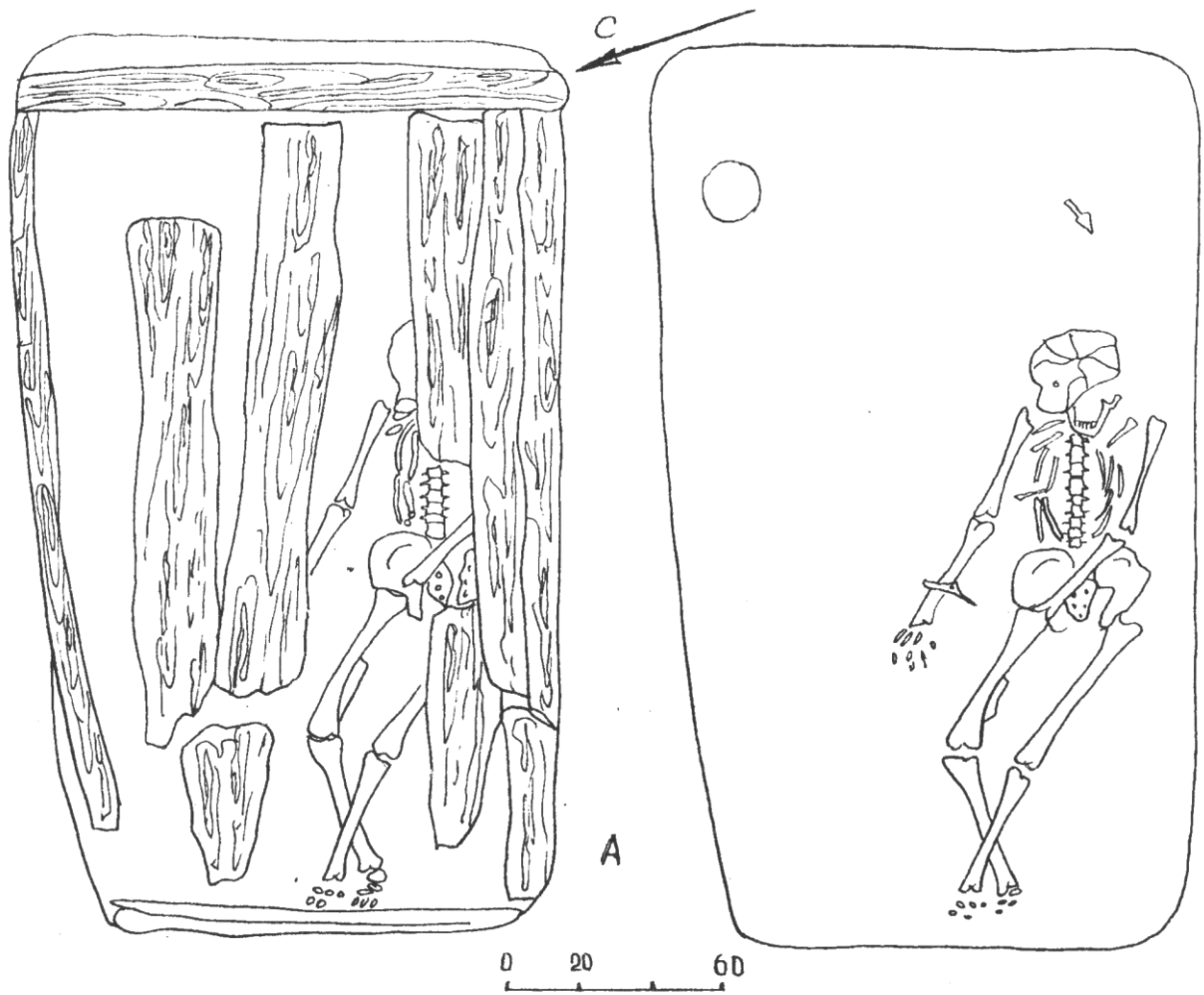

Рис.5

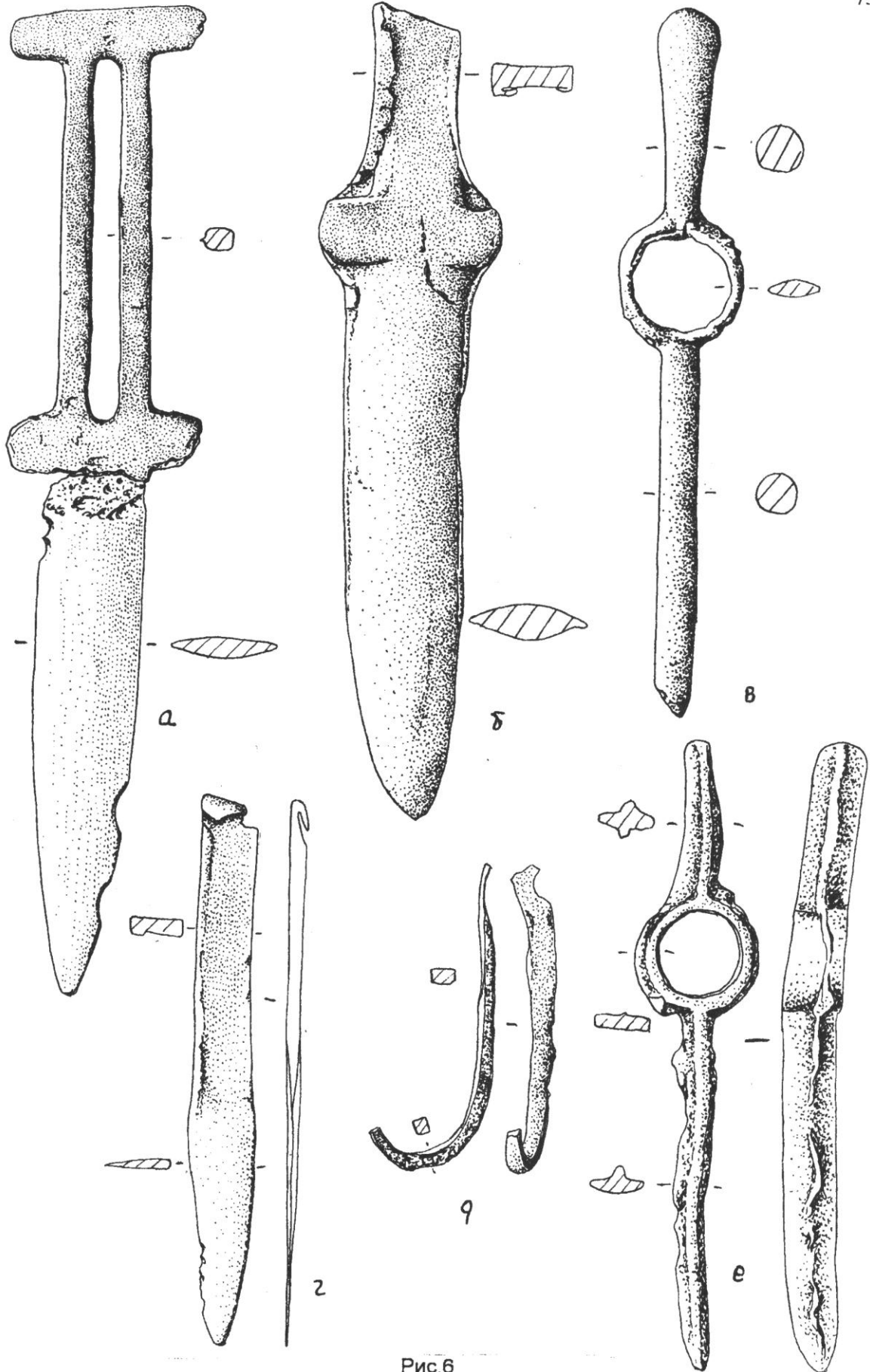

Рис.6

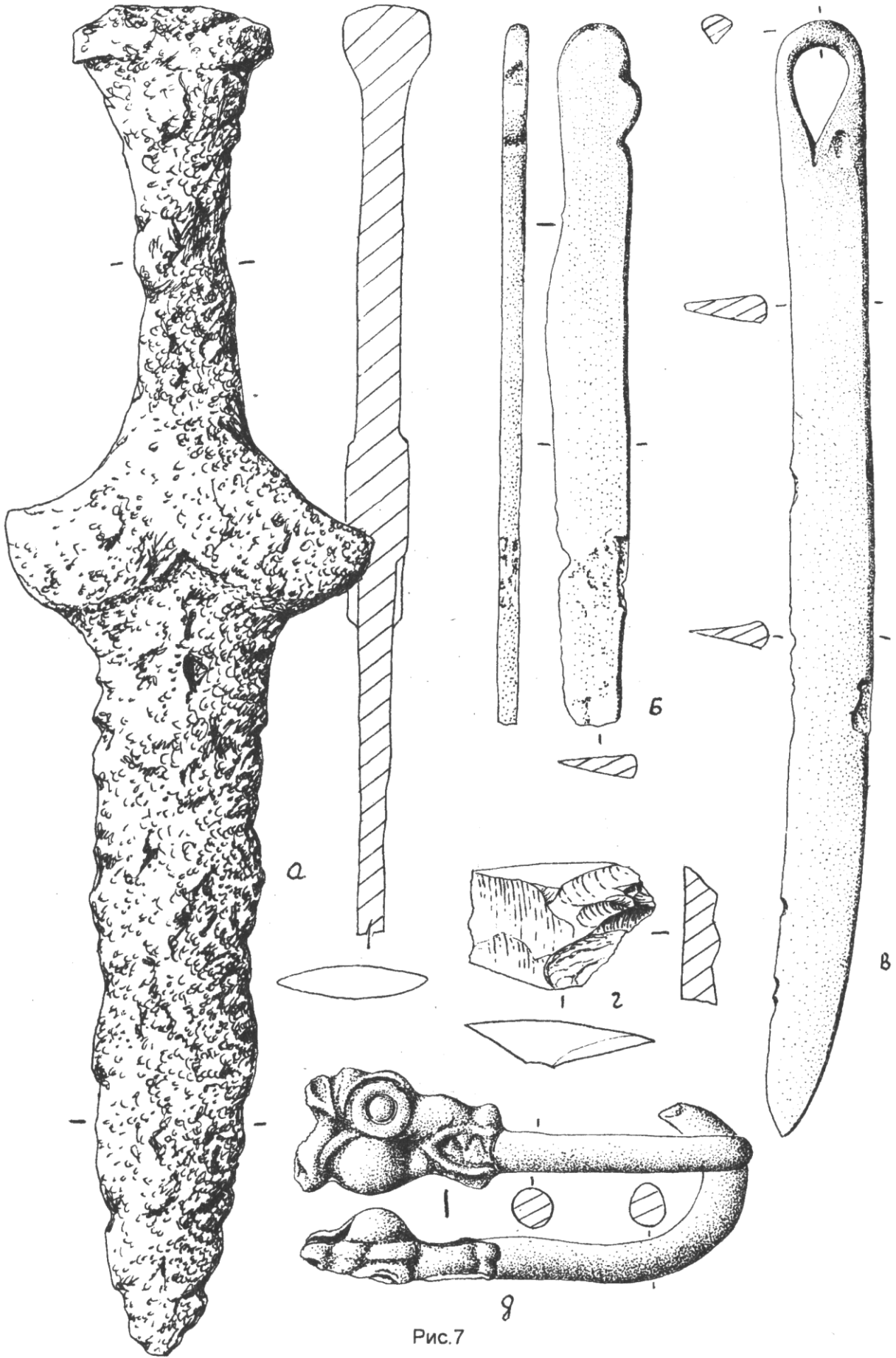

Рис.7

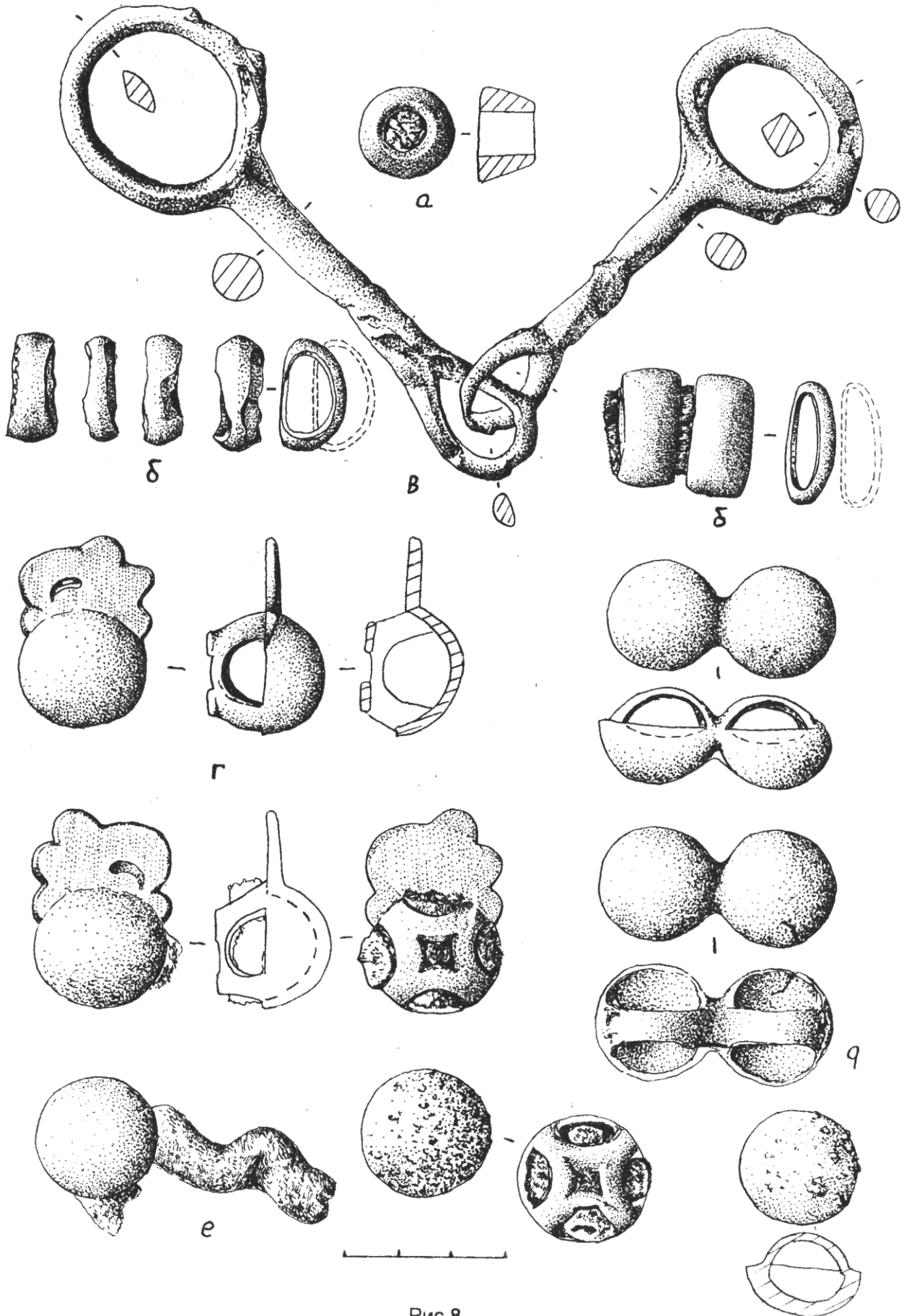

Рис.8

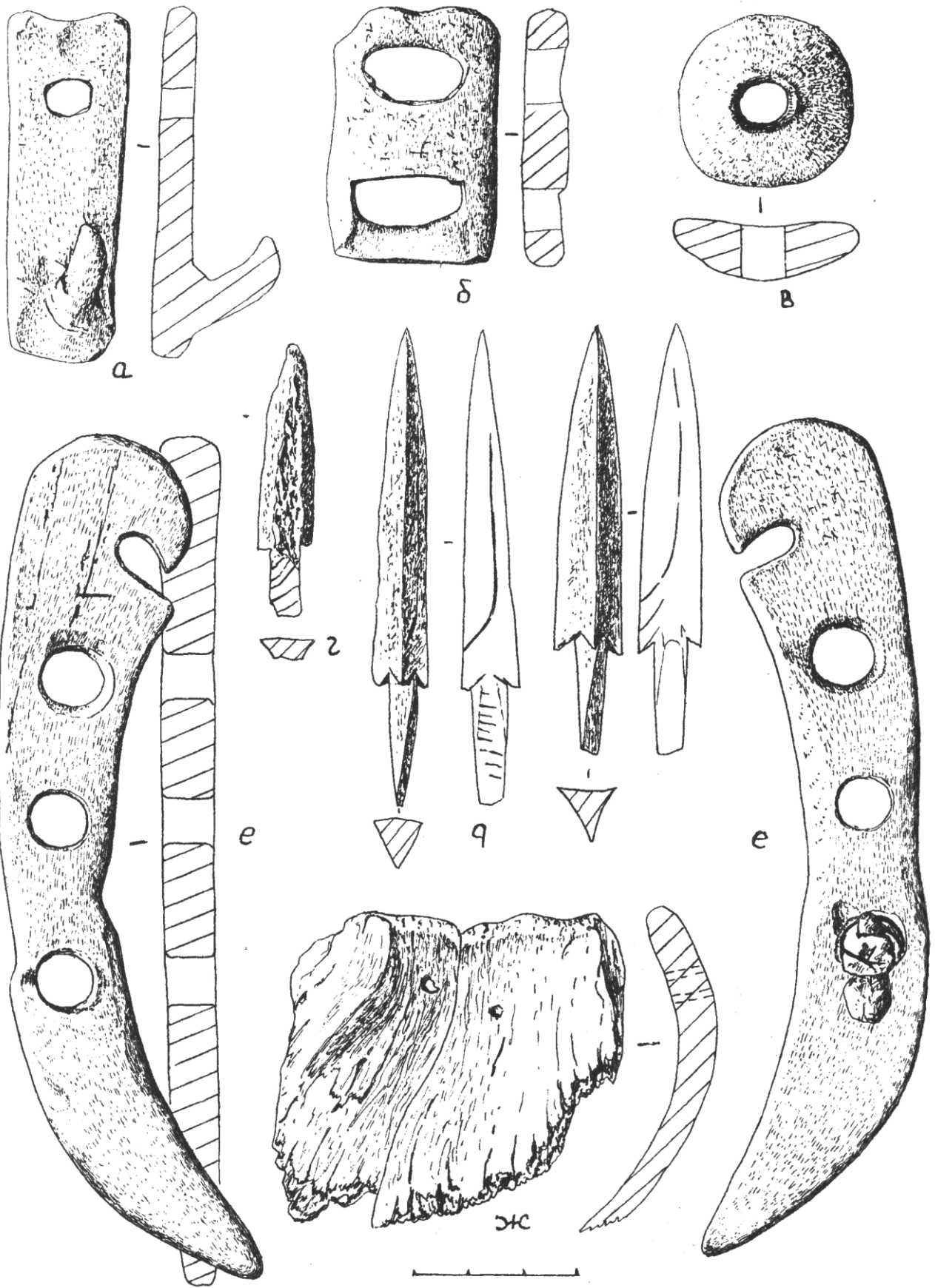

Рис.9

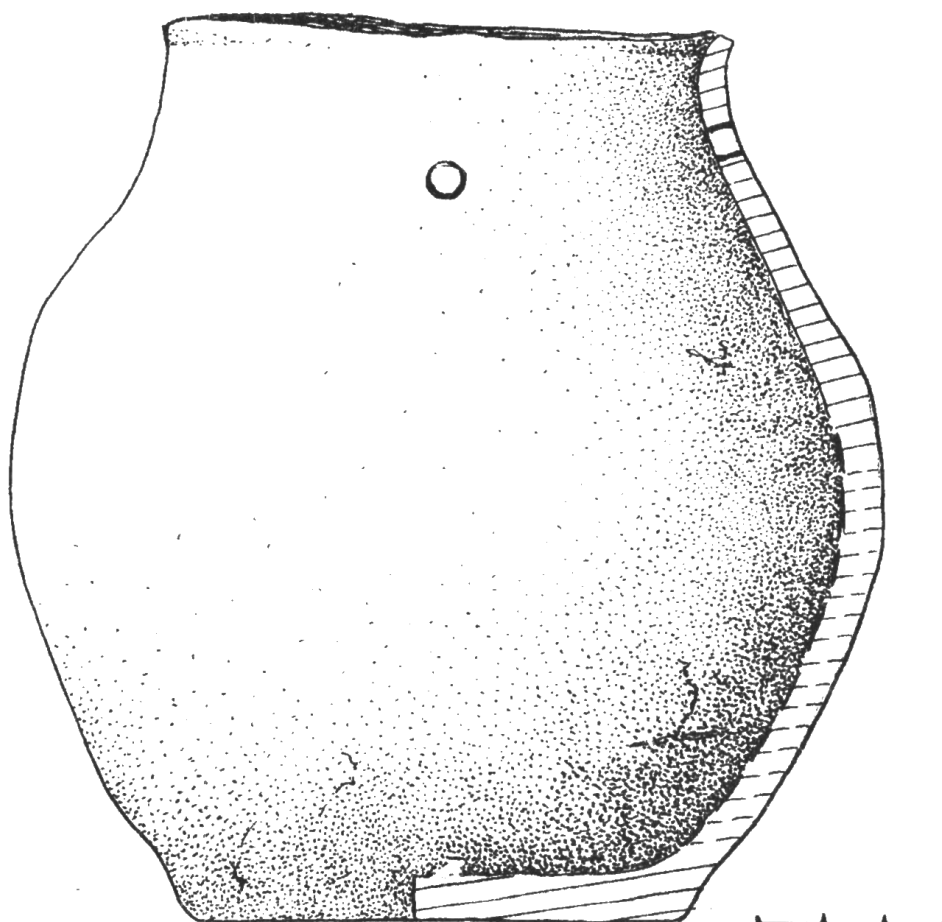

Рис.10

24. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60-107.
25. Могильников В.А. Курган 2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тысячелетия до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 35-39.
26. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242-270.
27. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
28. Руденко С.И. культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 403 с.
29. Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 4-18 + 11 рисунков.
30. Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. 188 с.
31. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ, вып. 16. Л., 1974. С. 62-91.
32. Степанова Н.Ф. Работы в Шебалинском районе // АО 1985 года. М., 1987. С. 283-284.

33. Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх Еланда II // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 11-24.
34. Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54-59.
35. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 214 с.
36. Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 25-45+31 рисунок.
37. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20-54.

Список иллюстраций к статье Мамадакова Ю.Т.

Рис.1. Кайнду. Курган 7. План и разрез.

Рис.2. Кайнду. Курган 7. Погребение.

а – бронзовые ножи (2 шт.); б – бронзовое изделие (шпилька?); в – фрагмент деревянной чаши; г – костяные наконечники стрел (4 шт.); д – бронзовые обоймы ремня (6 шт); е – бронзовый крюк колчана; ж – железный кинжал; и – бронзовые бляшки-переходники (8 шт.); л – костяные подпружные пряжки; м – роговые псалии; н – бронзовые удила.

Рис.3. Кайнду. Курган 12. План и разрез.

Рис.4. Кайнду. Курган 14. План и разрез.

Рис.5. Кайнду. Курган 14-А. Курган 12-Б.

Рис.6. Кайнду. Курган 12. а – кинжал; в – чекан; д – крюк. Курган 14. б – кинжал; г – нож; е – чекан (а; в; д; б; г; е – бронза).

Рис.7. Кайнду. Курган 7. Инвентарь. а – кинжал; в – чекан; д – крюк. Курган 14. б – кинжал; г – нож; е – чекан (а – железо; б; в; д – бронза; г – камень).

Рис.8. Кайнду. Курган 7. Инвентарь (бронза).

Рис.9. Кайнду. Курган 7. Инвентарь (а; б; в; г; д – кость; е – рог; ж - дерево).

Рис.10. Кайнду. Курган 7. Сосуд.

Худяков Ю.С.

(г.Новосибирск)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА КОЧЕВНИКОВ ХУННСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Важной частью этнографической культуры кочевых народов является костюм. Однако, в археологических памятниках кочевых культур Горного Алтая предметы, относящиеся к костюму, редко сохраняются в таком виде, чтобы по ним можно было установить покрой одежды и форму головного убора. Как правило, в кочевнических погребениях сохраняются металлические украшения и детали пояса, а от одежды остаются незначительные обрывки тканей. Исключение составляют курганы пазырыкской культуры с подкурганной мерзлотой, обеспечившей прекрасную сохранность одежды, обуви, головных уборов древних кочевников, изготовленной из тканей, кожи и войлока [1]. В памятниках кочевников хуннского времени, относящихся к I - II вв. н. э., до недавнего времени подобных находок не встречалось.

В 1989 г. на могильнике Усть-Эдиган в Горном Алтае впервые было обнаружено погребение, в котором благодаря особенностям конструкции могильного сооружения хорошо сохранились многие предметы, из органических материалов, в том числе, головной убор и верхняя одежда.

Могильник Усть-Эдиган находится в Чемальском районе республики Алтай. Он расположен на высокой террасе правого берега р. Катунь, в 3 км к югу от устья р. Эдиган, западнее дороги Еланда – Куюс, в 8 км от с. Куюс. Раскопки памятника начались в 1988 г. [2]. В 1988-1994 гг. на площади могильника было исследовано 105 объектов, из которых 76 относятся к хуннскому времени [3]. Среди них встречаются захоронения взрослых и детей в грунтовых могилах, деревянных рамах, каменных ящиках одиночные и в сопровождении верхового коня. По характерным деталям погребального обряда они могут быть отнесены к булан-кобинской культуре и датированы I - II вв. н. э. [4]. Из массива раскопанных курганов хуннского времени один, исследованный в 1989 г., заметно выделялся невысокий, сферический насыпью [5].

Курган №10. Расположен в северной части могильника. Насыпь кургана пологая, округлой, сферической формы, диаметром 4 м, высотой 0,3 м. Поверхность насыпи интенсивно заросла травой, мхом, кустами караганы. В процессе зачистки насыпи выявлены очертания сооружения. Насыпь сложена из массивных речных валунов и скальных обломков. В результате разборки насыпи и зачистки бровки уточнена конструкция насыпи, которая имела крепиду по периметру сооружения и панцирь из валунов и скальных обломков. Под панцирем находилась подсыпка из мелкой гальки. Под насыпью, в центральной части кургана находилась могильная яма вытянуто-овальной формы, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток.

Площадь могильной ямы 2,2x1,1 м. Яма заполнена речной галькой, мелким щебнем и песком. В результате разборки верхних слоев заполнения могильной ямы обнаружено перекрытие из массивных сланцевых плит и валунов. Плиты перекрывают друг друга внахлест в два слоя. Нижний слой плит перекрытия опирается на торцы плит каменного ящика.

В результате разборки перекрытия на дне могильной ямы обнаружен каменный ящик из массивных сланцевых плит и валунов. Плиты каменного ящика установлены вертикально, почти вплотную к стенкам могильной ямы. В некоторых местах пространство между плитами каменного ящика и стенкой могильной ямы забутовано камнями. Ящик ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Площадь ящика 1,9x1 м.

Ввиду того, что плиты перекрытия были плотно подогнаны и налегали друг на друга в два слоя, ящик не заполнился землей. Внутри ящика образовалась полая камера. Благодаря этому в могиле сохранились многие вещи из органических материалов, а тело погребенной подверглось естественной мумификации. На дне могильной ямы находилось погребение взрослой женщины. У погребенной сохранились нетленными части мягких тканей лица, тела, рук. Она была положена на спину вдоль стенки каменного ящика. Голова умершей повернута на левую сторону. Левая рука вытянута, правая рука согнута в локте. Кисть правой руки положена на живот. Правое плечо приподнято. Ноги погребенной согнуты в коленях. Умершая была одета в шерстяную нательную одежду и шелковый халат. Сохранились рукава, передняя часть халата с разрезом и остатки подола ниже колен. На голове сохранились остатки войлочного головного убора, обшитого шелком, с гребнем на темени и шелковой накидкой. В ушах погребенной находились золотые проволочные серьги. В области шеи обнаружено скопление халцедоновых, коралловых и стеклянных бус. Под головой находились золотые полусферические бляшки и золотой фалар. На правом бедре умершей был положен роговой гребень и мешочек с красным порошком. Погребенная была ориентирована головой на северо-запад.

В северном углу могилы находилось три сосуда: керамический лепной горшок, кожаная прошитая чашка и деревянная чаша с ручкой. В чаше находился бараний позвонок с высохшим мясом и деревянная рукоятка железного ножа. Рядом с чашей была положена деревянная палочка, заостренная и загнутая с обоих концов.

Состав находок, в целом, соответствует инвентарному комплексу женских захоронений могильника Усть-Эдиган, относящихся к булан-кобинской культуре хуннского времени в Горном Алтае. Особую ценность представляют довольно хорошо сохранившиеся предметы из органических материалов, которые позволяют нагляднее представить особенности заупокойной обрядности и дают возможность реконструировать костюм женщины, покрой верхней наплечной одежды и форму головного убора.

Верхняя наплечная одежда погребенной относится к распашным халатам – типичный одежде тюркских и монгольских кочевников [6]. В области плеч и шеи материя полностью

истлела. Хорошо сохранилась верхняя часть халата и рукава. Судя по всему он имел сплошной разрез спереди, запахиваясь на груди справа налево. Вдоль бортов дополнительно прошивалась полоса материи. Верхняя часть халата довольно свободно облегла туловище, образуя многочисленные складки. Халат имел довольно длинные рукава без обшлагов. Рукава почти полностью, до ногтей пальцев закрывали кисти рук, аналогично рукавам монгольских халатов-дээл [7]. Подол халата опускался до середины голени. Возможно, он был длиннее, но нижняя часть подола не сохранилась. Нижняя часть халата довольно плотно облегла тазобедренный пояс и сдвинутые вместе ноги женщины. Это не характерно для расклешенной верхней одежды кочевников. Возможно, подол халаты был значительно шире, но сохранился не полностью. Халат сшит из шелка темно-зеленого цвета, побуревшего от времени (рис.1; 2).

Данный тип халата соответствует верхней наплечной одежде хуннов [8]. У кочевников пазырыкской культуры Горного Алтая была распространена женская верхняя одежда иных форм [9].

На талии погребенной нет следов пояса. Однако, вполне вероятно, что подобная одежда должна была подпоясываться. На правом бедре погребенной найден роговой гребень с отверстием для подвешивания и мешочек с красной красящейся массой. Видимо, они должны были подвешиваться к поясу [10].

На груди погребенной, под истлевшей шелковой материей халата прослеживаются остатки вязанной одежды из шерсти темно-коричневого цвета. Следов этой нижней одежды не заметно на плечах, локтях и бедрах умершей. Возможно, это была нагрудная одежда типа жилета или безрукавки, одевающаяся под халат для утепления.

Находка верхней наплечной одежды в кургане №10 могильника Усть-Эдиган уникальная для памятников булан-кобинской культуры хуннского времени в Горном Алтае. В других погребениях хуннского периода на могильнике Усть-Эдиган встречались небольшие обрывки шелковой материи от верхней одежды.

Хорошо сохранившийся головной убор погребенной отличается значительным своеобразием. Его основу составляла сферическая шапочка из черного войлока, плотно облегающая голову. Край шапки был обшит узкой полоской светло-зеленого шелка с помощью толстой крученой шелковой нити. На темени к войлочной основе шапки крепилась деревянная пластина прямоугольной формы. Она крепилась вертикально с помощью узких деревянных планок и была ориентирована по длинной оси головного убора со лба на затылок. С правой стороны к деревянной вертикальной пластике крепилась золотая фольга, украшенная геометрическим орнаментом в виде треугольников и ломанных линий. Поверх головного убора была наброшена накидка из тонкого, светло-желтого шелка, закрывавшая затылочную часть головного убора и частично вертикальную пластину на темени, обитую золотой фольгой [11]. В состав головного убора, вероятно, входил золотой фалар с вихревым орнаментом и золотые полусферические бляшки, крепившиеся к войлочной основе (рис.3).

Подобные головные уборы, украшенные орнаментированными пластинами, фаларами и полусферическими бляшками из золотой и бронзовой фольги, встречались и в других женских погребениях хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган. Для других памятников булан-кобинской культуры в Горном Алтае они не характерны. Вероятно, они восходят к головным уборам пазырыкской культуры скифского времени, с высоким деревянным гребнем и зооморфными скульптурками на темени [12]. Правда, у пазырыкских кочевников они имели иную форму и входили в состав мужских головных уборов [13].

Погребенная в кургане №10 могильника Усть-Эдиган имела разнообразный набор головных и шейных украшений. В ушах у нее были проволочные золотые серьги с петельками. В области шеи обнаружен набор бус из халцедона, стекла и кораллов, а также перламутровая пластина с тремя отверстиями. Бусины различной формы: шарообразные, цилиндрические, дисковидные, двухчастные, трехчастные, конусовидные со сферическими выступами по периметру. Коралловые бусы состояли из набора цилиндрических, двухчастных бусин и побегов кораллов с отверстиями. Вероятно, ожерелье состояло из нескольких низок бусин. В одной низке могли быть халцедоновые и стеклянные бусы с большой шарообразной бусиной в центре и симметрично расположенными с обеих сторон коническими, цилиндрическими и шарообразными бусинами. В низке коралловых бус, вероятно, чередовались цилиндрические, двухчастные бусины и побеги кораллов (рис.4).

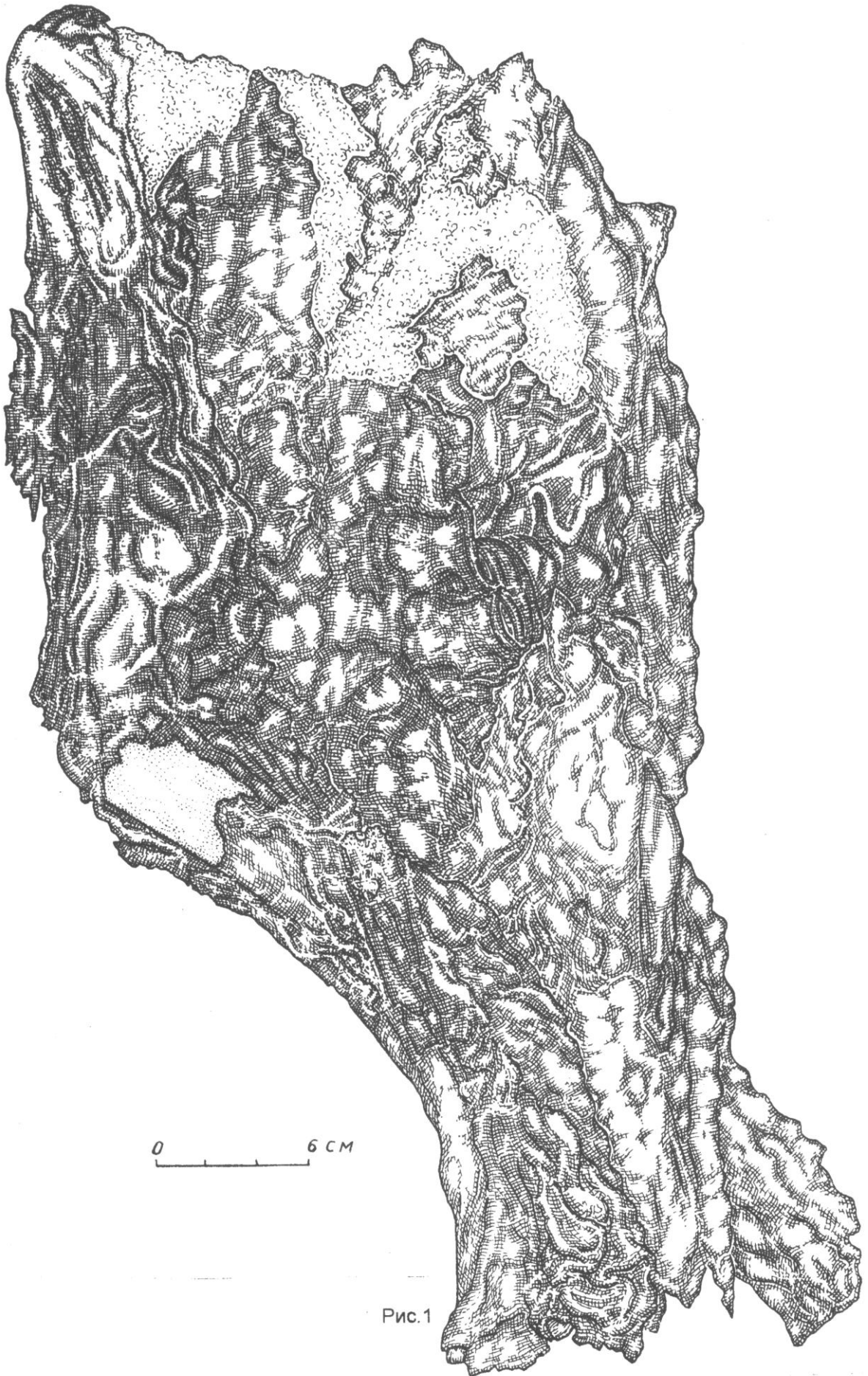

Рис. 1

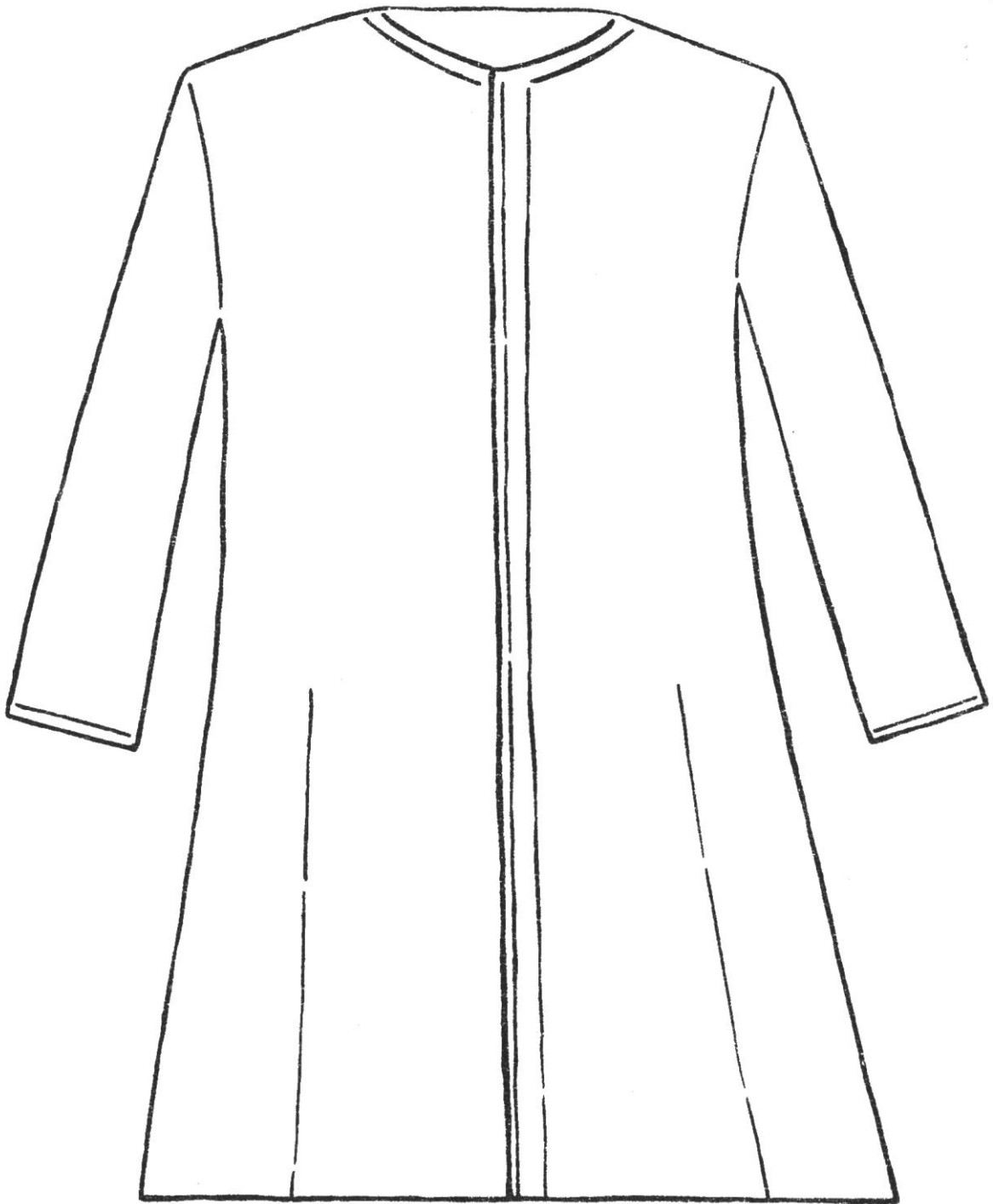

Рис.2

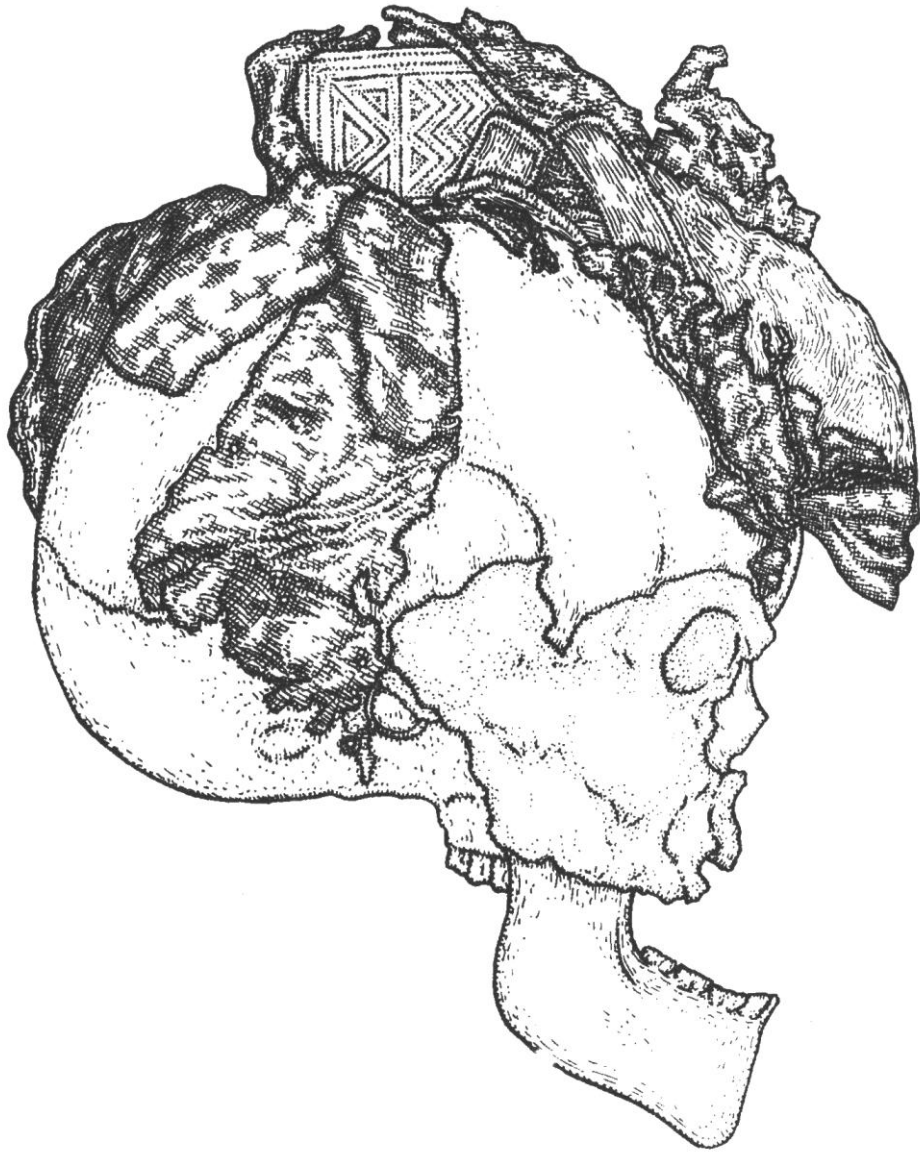

Рис.3

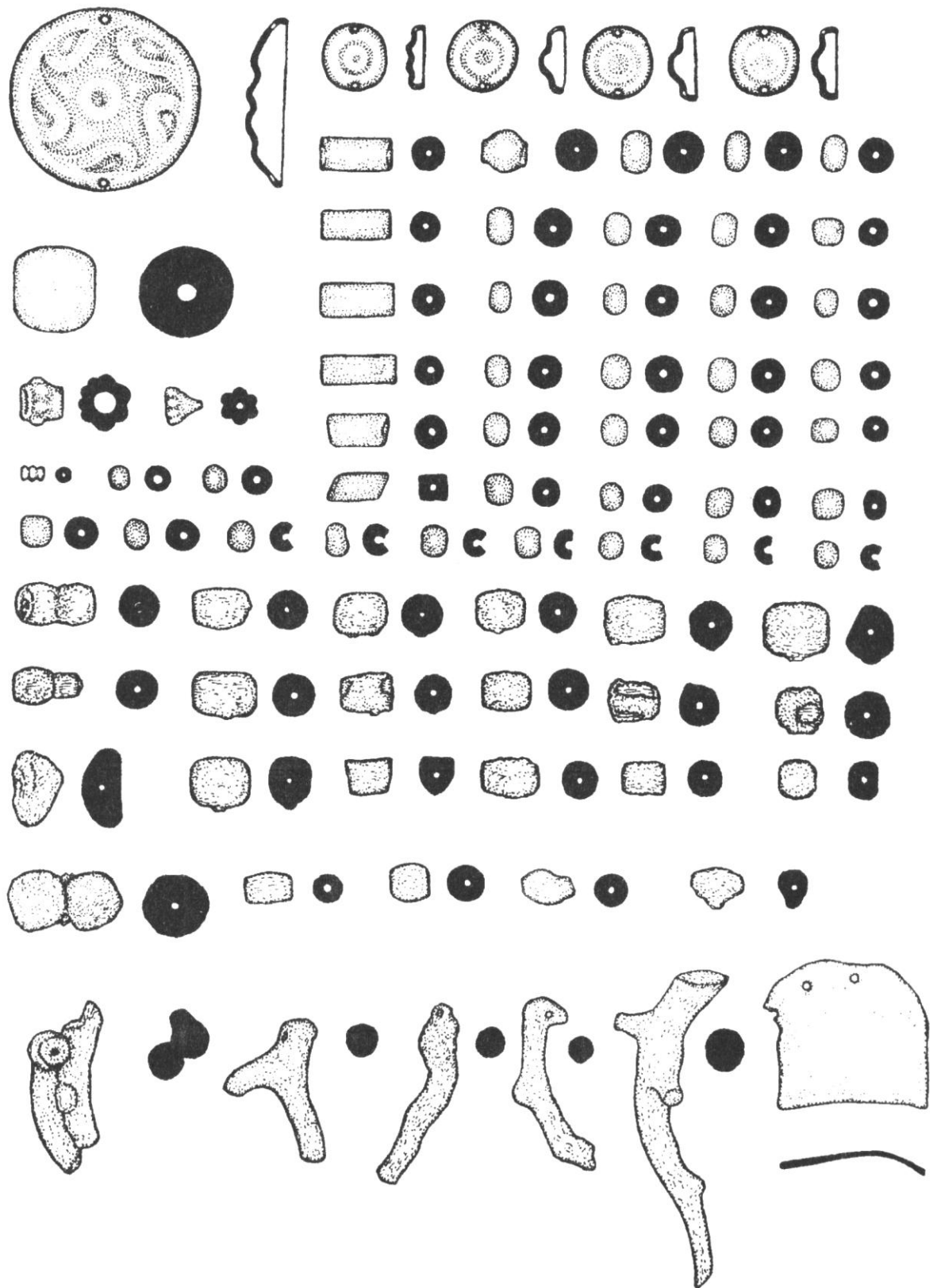

Рис.4

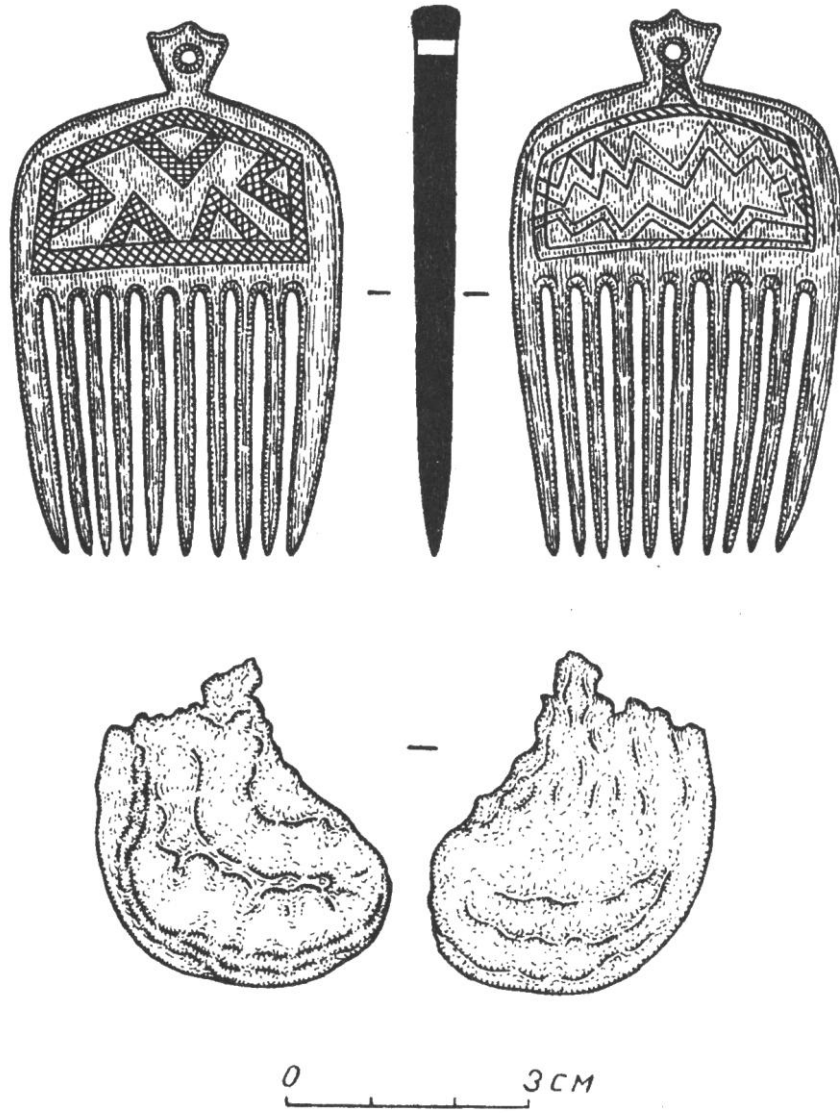

Рис.5

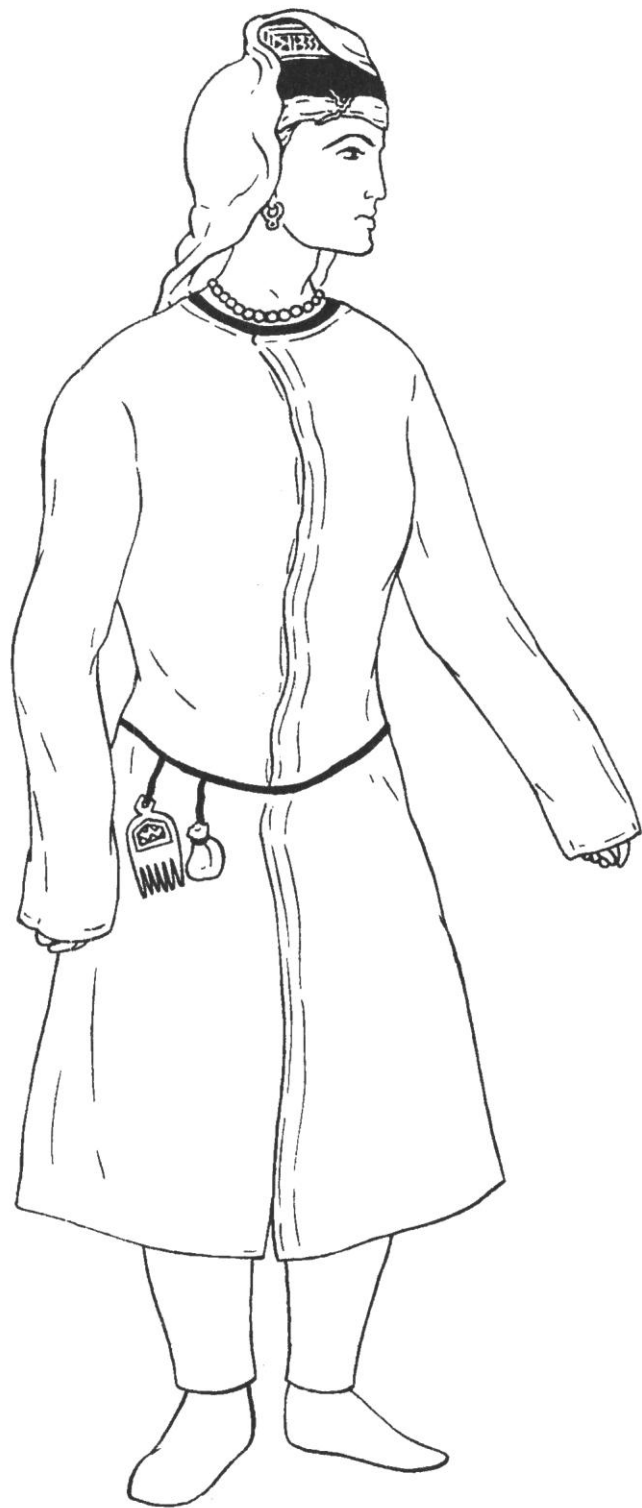

Рис.6

Золотые серьги встречались по одной или по две во многих женских, реже в мужских и детских, погребениях могильника Усть-Эдиган. Также широко представлены в могилах и бусы самых разнообразных форм. Каменные и стеклянные бусины встречались и в других памятниках булан-кобинской культуры [14].

Вероятно, бусы привозились в Горный Алтай из Средней Азии и Восточного Туркестана.

На погребенной в кургане №10 могильника Усть-Эдиган нет никаких следов обуви. Трудно сказать, положили ли ее в могилу босой, либо обувь просто не сохранилась. Судя по находкам пряжек от ремешков на ногах погребенных в других курганах могильника, умерших помещали в могилы в обуви.

Надо полагать, что погребенная в кургане №10 могильника Усть-Эдиган была одета в соответствии с траурной церемонией в нарядную, носившуюся в быту одежду, а не в специальное погребальное одеяние. Об этом свидетельствует сходство ее основных элементов с повседневной женской одеждой кочевников тюркско-монгольского мира. Сомнения могут возникнуть лишь в отношении вычурного головного убора. Однако, детали подобных головных уборов встречены и в других захоронениях могильника Усть-Эдиган.

Судя по находкам в кургане №10 могильника Усть-Эдиган, женский костюм кочевников хуннского времени в Горном Алтае реконструируется в следующем виде: войлочный головной убор с украшениями и накидкой; верхний длиннополый двубортный шелковый халат с длинными рукавами; шерстяная вязанная безрукавка. Другие виды нижней одежды и форма обуви не восстанавливаются. В качестве головных украшений служили серьги, в состав нашейных украшений входило ожерелье из разных типов бус. Необходимыми туалетными принадлежностями были гребни для волос и красители [15]. (рис.5; 6).

Находки в других курганах хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган позволяют дополнить реконструкцию костюма некоторыми деталями. В состав украшений входили зооморфные бляшки, нефритовые бусы, серьги со вставками из цветных камней. В число деталей пояса входили пряжки и ложечковидные подвески. В качестве обуви носились мягкие кожаные сапоги, перетягивающиеся ремешками с бронзовыми и железными пряжками. В число туалетных принадлежностей входили бронзовые зеркала.

Женский костюм кочевников булан-кобинской культуры Горного Алтая сохранил некоторые элементы, характерные для одежды пазырыкской культуры. Однако, в основных чертах он имеет существенные отличия от одежды скифского облика. Видимо, под влиянием хуннов были заимствованы основные виды одежды и украшений, характерные для кочевников восточных районов Центральной Азии.

В кургане №10 могильника Усть-Эдиган наиболее полно представлена утварь с заупокойной пищей и питьем, характеризующая особенности погребальной обрядности. В могиле находился керамический горшок и кожаная чашка для питья, деревянная чаша с позвонками и высохшим мясом барана. На борту чаши находился железный нож с деревянной рукояткой. Судя по всему, горно-алтайские кочевники хуннского времени ели мясо руками, по-монгольски, отрезая кусок ножом у губ.

Не вполне ясно назначение заостренной с двух сторон и загнутой деревянной палочки, которая находилась рядом с чашей. Возможно, она использовалась в качестве вилки.

Вся кухонная утварь, обнаруженная в могиле, несомненно, использовалась в повседневном быту, а не была изготовлена специально для совершения погребального ритуала.

Находки из кургана №10 могильника Усть-Эдиган существенно расширяют имеющиеся представления об этнографическом облике кочевого населения Горного Алтая в хуннское время.

Примечания

1. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – С.5.
2. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С.120.
3. Худяков Ю.С. Исследования на Средней Катунь // АО 1994 г. – М., 1995. – С.311.

4. Худяков Ю.С. Новый памятник хуннского времени в Горном Алтае // Инф.бюллетень МАИКЦА. – М., 1991. – Выпуск 18. – С.66.
5. Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая // Изв. СО РАН. Сер. история, филология, философия. 1991. – Выпуск 2. – С.61.
6. Викторова В.В. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1980. – С.32.
7. Бадамхатан С. К истории монгольской национальной одежды // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. – Улан-Батор, 1974. – С.74.
8. Викторова В.В. Монголы... – С.40.
9. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая... – С.210; Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Алтаика. – 1994. – №4. – С.9.
10. Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992в. – С.121.
11. Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение... – Рис.4.
12. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – Рис.38.
13. Там же. – С.99.
14. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С.61, 64, 74.
15. Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение... – С.64.

Соёнов В.И., Глебова Н.И.
(г.Горно-Алтайск)

ФРАГМЕНТЫ ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА КУРАЙКА

Шелковые ткани являются относительно редкой находкой при археологических раскопках в силу их недолговечности по сравнению с такими материалами, как камень, бронза, серебро, золото, керамика и т.д. Между тем, они имеют несомненные преимущества по сравнению с другими видами археологических находок в качестве надежного датирующего материала (Иерусалимская А.А., 1979, с.114-120) или в качестве свидетельства о наличии торговых и дипломатических связей с китайскими и центральноазиатскими государствами.

Шелковые ткани известны на Алтае с древнейших времен до этнографической современности. Наиболее ранние находки одежды и их фрагментов из шелковых тканей были сделаны в курганах пазырыкской культуры VI-II вв. до н.э. на могильниках Катанда (Радлов В.В., 1989, с.448; Захаров А.А., 1926, с.76-104), Пазырык (Руденко С.И., 1968, с.79-82), Ак-Алаха III (Полосьмак Н.В., 1994, с.9).

В ранних памятниках гунно-сарматского времени, относящихся к последним векам I тыс. до н.э.-первым векам I тыс. н.э., шелковые ткани не известны. Фрагменты шелковой одежды зафиксированы нами в поздних курганах гунно-сарматского времени на могильнике Курайка. Могильник находится у подножья холма на правом берегу пересыхающего русла р.Курайка в 2 км к северо-востоку от с.Курай Кош-Агачского района Республики Алтай. Он включает более ста объектов, большинство из которых – небольшие отдельно стоящие прямоугольные оградки, ориентированные длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Всего на памятнике нами раскопано 19 объектов (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с.113-135). В пяти раскопанных погребениях зафиксированы остатки одежды: в кургане 10 обнаружены фрагменты кожаной одежды, в кургане 100 – фрагменты шерстяной одежды, в курганах 7, 48, 49 – фрагменты шелковой одежды.

Шелковые ткани полотняного, репсового, атласного, мелко- и крупноузорчатого переплетения были в качестве одежды и окантовки краев одежды. Каких-то выводов по видам и покрою одежды сделать трудно, поскольку сохранились небольшие фрагменты тканей. Большая часть тканей не имела крутки нитей. Только три из 14 определенных фрагментов имели пологую S-крутку нитей основы. Толщина нитей основы и утка у большинства об-

разцов одинаковая, но у трех образцов нити основы тоньше нитей утка. Фактура тканей гладкая, блестящая или матовая, но есть образцы с рельефной или мелкозернистой фактурой. Плотность тканей различная. Первоначальный цвет тканей установить трудно, в данный момент они имеют оттенки коричневого и зеленого цвета. На одном образце имеются фрагменты узора, полученного на ткацком станке путем смещения нитей основы и утка; на другом образце имеются фрагменты тканого узора, полученного окрашенными нитями утка; на двух образцах тканей имеются фрагменты неопределяемого узора, выполненного зеленой краской по готовой ткани. Характер использованных красителей не установлен. На некоторых фрагментах тканей имеются следы иглы.

Без дальнейших лабораторных исследований курайских тканей невозможно установить точное время их изготовления. Только после детального изучения особенностей техники изготовления тканей, состава использованных красителей, способа нанесения узоров, стилей изображений и т.д. возможно определение их хронологической принадлежности. Сами курганы, содержащие остатки шелковых тканей по элементам погребального обряда и сопроводительному инвентарю датированы нами III-V вв.н.э.

Сегодня трудно судить и о происхождении тканей. Судя по отсутствию крутки нитей у большинства тканей или слабой S-крутке нитей основы некоторых тканей (видимо, из-за использования нитей, размотанных с шелковичного кокона, а не полученных из коконов, покинутых мотыльками); использованию для достижения плотности ткани толстых нитей утка; получению узора ткани сменой переплетений; использованию зеленого красителя можно говорить о китайском происхождении тканей (Иерусалимская А.А., 1992, с.10-14; Восточный Туркестан ..., с.54-66).

Однако отсутствие крутки нитей, использование зеленого красителя, использование для достижения плотности ткани толстых нитей утка характерны и для шелковых согдийских тканей (Иерусалимская А.А., 1992, с.13). К тому же у курайских тканей прослеживается западная традиция изготовления узора при помощи утка, а не древнекитайская – при помощи основы (Восточный Туркестан ..., с.64).

Таким образом, точное место производства курайских шелковых тканей пока назвать невозможно, поскольку они сочетают восточные и западные традиции изготовления тканей. Ситуацию осложняет и то обстоятельство, что сегодня еще не проведена четкая грань между продукцией собственно Китая и сопредельных с ней территорий.

В заключении необходимо отметить еще один момент. В скифскую эпоху в Горном Алтае шелк обнаружен только в погребениях пазырыкцев имевших высокий социальный статус. В малых курганах пазырыкской культуры встречались остатки шерстяной и кожаной одежды. Стоимость шелка на Алтае была в то время, видимо, слишком высока для рядовых людей, и они пользовались продукцией местного производства.

В гунно-сарматское время ситуация изменилась: при посредничестве гуннского государства и его центральноазиатских преемников, которые вели активную торговлю и дипломатическую деятельность, произошло постепенное насыщение рынка Саяно-Алтая шелковыми тканями. К III-V вв.н.э. шелк стал распространенным материалом для шитья одежды у различных слоев населения, о чем свидетельствуют находки в курганах могильника Курайка. Факт использования шелка такими широкими слоями населения Горного Алтая, видимо, объясняется не только обычными связями. Возможно, через эти районы проходил один из рукавов Шелкового пути в Западную Сибирь, оказавшийся под контролем местного населения. Об этом могут свидетельствовать и средневековые памятники, где шелк представлен также широко, как и в поздних памятниках гунно-сарматской эпохи.

Литература

1. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. – М., 1995. – 523 с.
2. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В.Радлова в 1965 г. // ТГИМ. – М., 1926. – Выпуск 1. – С.71-106.
3. Иерусалимская А.А. Археологические ткани как датирующий материал // Проблема хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М., 1979. – №158. – С.114-120.
4. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. – С-Пб, 1992. – 70 с.

5. Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Алтаика. – 1994. – №4. – С.3-10.
6. Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989. – 751 с.
7. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. – М., 1968. – 133 с.
8. Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С.113-135.

Ямаева Е.Е.
(г.Горно-Алтайск)

ИЗВАЯНИЕ ИЗ УРОЧИЩА СОГОДЁК

В 1996 г. в урочище Согодék близ Алтыгы-Сору в Каракольской долине Онгудайского района нами обнаружено изваяние (рис.1). Размер: 65x45x13 см. Выполнено на темно-сером сланце. Ориентировано на юго-восток, расположено на северо-восточном секторе курганов, вытянутых с севера на юг. Верх и бока обломаны. Скол от правого виска до половины левого уха. Брови, левый глаз, половина левого уха и правого глаза отсутствуют. Изваяние выполнено точечной выбивкой. Хорошо просматриваются линии ушей, носа, губ, а также широкий контур подбородка. Очень нечеткие линии вокруг губ не позволяют говорить о наличии бороды. Широкий скол по бокам не позволяют также говорить о руках, судя по общей композиции, их не было.

Висячие серьги в форме кольца на обоих ушах. На шее имеется изображение ожерелья из шести крупных колец. Ниже ожерелья, на груди нанесены фигуры непонятной формы. Четко просматривается ромбическая фигура с отростками, напоминающая соответствующую тамгу (не исключен вариант: элемент одежды).

На самом внизу, почти на уровне живота, выбиты фигуры козлов, ориентированных друг к другу. Фигура на правой половине, изображена схематично, имеет п-образную форму, хвост и рога, как и ноги, почти вертикальны по отношению к линии спины. Живот оформлен контуром. Между линиями живота и ног имеются круглые точки. Фигура на левой половине изображает сибирского горного козла. Почти прямые рога, откиннутые чуть назад, плавно соединяются с полукруглой линией, напоминающей радугу. Над линией спины изображены две точки, а внизу, у ног – одна точка. Сильный скол, разрушения на задней поверхности плиты не дают возможности сказать что-либо об элементах головного убора или прически, одежды. Для детального исследования требуются археологические раскопки.

Состояние объекта и меры по охране. В целом изваяние имеет хорошую сохранность. В настоящее время находится под тщательной охраной семьи фермеров, имеющих постоянное жительство в Согодёке. Предлагается оставить памятник в естественных условиях под присмотром жителей урочища.

Суразаков А.С.
(г.Горно-Алтайск)

ОТЧЕТ ПО ЭКСПЕДИЦИИ НА ЧУЛЫШМАН В АВГУСТЕ 2000 г.

В августе 2000 г. Алтайским краевым общественным фондом « Алтай – 21 век » в бассейне р.Чулышман Улаганского района Республики Алтай была организована комплексная экспедиция с целью сбора информации о перспективах организации здесь особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Кроме специалистов-естественников, в экспедиции принял участие также археолог – автор предлагаемой публикации, в задачу которого

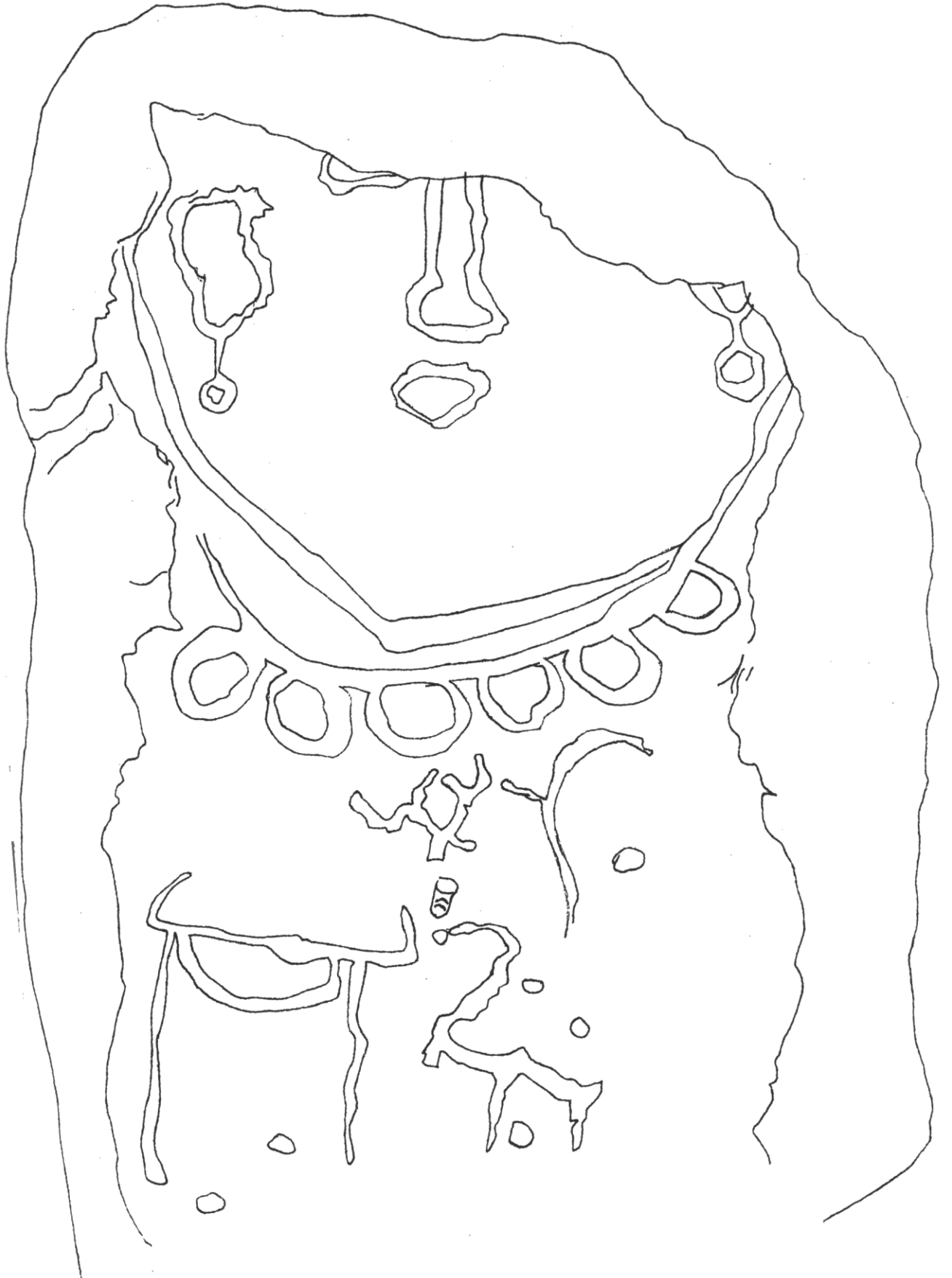

Рис.1

входило собрать данные об имеющемся в этих местах историко-культурном наследии. Эта часть отчета и помещена в настоящем сборнике.

Начнем с истории изучения бассейна р. Чулышман по интересующей нас теме. Если взять за критерий профессионализм, то впервые из среды близких к изучению историко-культурного наследия прошлого специалистов бассейн Чулышмана посетили в конце 19 века Н.М. Ядринцев и А.В. Адрианов. Оба исследователя констатировали наличие здесь древних памятников, а также оросительных систем.

Наиболее существенные исследования древностей в этом районе начались с 1924 г. и связаны вначале с деятельностью возглавлявшейся С.И. Руденко экспедиции Этнографического отдела Русского музея (Ленинград, ныне Санкт-Петербург). В частности, на правом берегу Чулышмана в урочище Кудыргэ, расположенном в 15 км. к югу от Телецкого озера и в трех километрах к северу от места впадения в Чулышман его левого притока р. Башкаус был обнаружен древний могильник, насчитывавший более сотни памятников разных эпох. В 1924-1925, а также в 1948 г.г. в Кудыргинском могильнике раскопано 72 объекта, давших интереснейшие материалы предтюркского и древнетюркского времени, вследствие чего это местонахождение получило широкую известность в научной среде.

После большого перерыва, т.е. уже в 80-е г.г. XX в. археологические раскопки в этом районе были возобновлены Кемеровским гос. университетом, экспедиция которого возглавлялась А.С. Васютиным. В данном случае был исследован ряд объектов гуннского и древнетюркского времени в могильнике Кок-Паш в устье р. Башкаус и у с. Коо. В те же годы здесь были проведены разведочные работы сотрудником Горно-Алтайского областного краеведческого музея (ныне Республиканский музей им. А.В. Анохина) В.А. Кочевым.

Подытоживая краткую историографическую справку следует заметить, что северная, т.е. приустьевая часть Чулышмана посещалась специалистами-археологами неоднократно. Их усилиями открыто несколько местонахождений древних объектов, часть которых раскопана, что в свою очередь позволило составить определенное представление о культуре прошлого населения этих мест.

Другой вопрос - все эти посещения преследовали сугубо профессиональные цели, т.е. были направлены на поиск памятников, привлекательных с точки зрения организации археологических раскопок. Иными словами, экспедиция, нацеленная на сбор информации по поводу перспектив открытия в данном регионе ООПТ была организована в августе 2000 г, впервые.

Маршрут экспедиции по преимуществу пролегал по левому берегу Чулышмана с обследованием тем не менее отдельных, наиболее удобных для жизни прошлого населения площадок также и правого берега реки. В целом, обследованием был охвачен участок бассейна от впадения в Чулышман его левого притока р. Башкаус на севере до правого притока - водопада Куркуре на юго-востоке.

Как и планировалось, первоначально был обследован район устья Башкауса. В связи с тем, что наиболее удобный для жизни людей участок долины здесь уже подробно изучен предшественниками, обнаружившими в его пределах древние памятники, маршрут направлен вверх по реке, а затем, насколько это было возможно, по берегу левого притока Башкауса – р. Чебдар. Горы в этом месте очень близко подступают к обеим рекам, причем узкие прибрежные полосы земли покрыты лесом. В общем, выяснено, что перспектив обнаружить следы пребывания древнего населения вверх по Башкаусу, по крайней мере на несколько десятков километров, не имеется.

Поиски были перенесены выше по течению Чулышмана в район впадения в него крупного правого притока – р. Чульча. На обширной правобережной площадке, отграниченной с юго-запада и юго-востока правыми берегами Чулышмана и Чульчи, а с северо-востока обрывистым склоном горной гряды обнаружены остатки сложной оросительной системы.

Вверх по Чульче, там, где река выходит из узкого горного ущелья, некогда был сооружен водозабор, от которого вдоль подножия горного кряжа на два-три километра тянулся основной канал. Сейчас русло его затянато грунтом и улавливается по сглаженной вытянутой западине и выступающим из земли цепочкам камней, которыми были обложены стенки канального ложа (рис. 1 – 1).

От основного отходит целая сеть более мелких каналов-суваков, а вдоль берега Чулышмана прослеживается русло еще одного весьма протяженного канала, отграничивав-

шего с этой стороны поливную систему (рис.1 – 2). Описываемая площадка усеяна крупными глыбами камня, принесенными сюда древним ледником, так что небольшие по площади поля устраивались на свободных от глыб пятках земли. Кроме того, вода подавалась на расположенное примерно в трех километрах от водозабора чистое поле, где в настоящее время находятся строения современной скотоводческой стоянки.

Помимо оросительной системы, на площадке выявлен ряд древних погребальных памятников. Так, у берега Чульчи в полукилометре вверх по течению от места впадения ее в Чулышман обнаружены два небольшие каменные кургана, вероятно, скифского времени (рис.1 – 5). Насыпь одного из них разрушается промытыми водами оврагом. В северо-западной части долины, ближе к современной скотоводческой стоянке найдены выложенное из камней кольцо диаметром около трех метров и несколько каменных холмиков, обозначавших теленгитские захоронения (рис.1 – 3, 4).

После изучения правобережья обследован левый берег Чулышмана, представляющий собой две обширные долины, соединенные между собой более узким перешейком, образованным в свою очередь выступающим в этом месте в сторону реки склоном горы.

В северо-западной долине, что расположена ниже по течению от места слияния Чулышмана и Чульчи также обнаружены остатки оросительной системы. От текущей с верхнего горного плато речушки вдоль подножия горного кряжа в прошлые времена был проложен канал, стенки которого укреплены камнями. От основного русла в сторону площадки отходили более мелкие каналы-суваки, подававшие воду на засевавшиеся поля (рис.1 – 6).

Любопытно то, что в юго-восточной части долины на ее плоскости довольно явно прослеживаются и сами ранее возделывавшиеся участки (рис.1 – 7). Это своеобразные «ячейки» площадью в среднем 30х40 метров, разделенные между собой сеткой ныне оплывших, невысоких валов. Эти поля-«ячейки» были предназначены для мотыжной обработки почвы и между ними удобно было распределять воду для полива. Иными словами, в данном случае мы имеем дело со следами древнего мотыжного, поливного земледелия.

В юго-восточной долине, что расположена несколько выше по течению от места впадения в Чулышман Чульчи обнаружены две группы древних погребальных памятников. Первая из них находится в юго-восточной части долины на возвышающейся над основной ее поверхностью второй надпойменной террасе.

Группировка объектов здесь вытянута в общем направлении вдоль подножия горы. Все они сильно задернованы, Удалось различить три-четыре небольшие каменные кургана от 4 до 5 м. диаметром, овально-вытянутую каменную выкладку, возможно, гуннского времени, а также несколько древнетюркских каменных оградок. В целом памятники нетронуты, только на одном-двух из них заметны явные следы древнего разграбления.

Вторая группа объектов располагалась на дне долины, т.е. на обширной по площади первой надпойменной террасе в 100-150 м. к северо-востоку от первой. Состоит она из одновременных памятников древнетюркского времени, представляющих собой четырехугольные оградки, составленные на уровне древнего горизонта из установленных на ребро каменных плит, верхние края которых местами видны из-под задерновки. Внутреннее пространство оград заложено валунами. С юго-восточной стороны многих из них стоят от одного до нескольких балбалов.

Всего здесь насчитывается 12 оград, причем 11 из них сгруппированы в цепочку, вытянутую в линию поперек долины или с северо-востока на юго-запад, а одна, самая крупная, выдвинута от середины цепочки на пару десятков метров вперед, т.е. к юго-востоку. Оградки задернованы, однако хорошо прослеживаются на поверхности почвы. Следы прошлых нарушений заметны только на одной-двух из них, тогда как все остальные нетронуты.

После обследования устья р.Чульчи, работы были перенесены на три-четыре километра выше по течению Чулышмана в местность, прилегающую к его левому притоку р.Туракая. По правому берегу притока на первой надпойменной террасе Чулышмана обнаружены остатки оросительной системы. Вначале вдоль подножия горного кряжа, а затем вдоль основания второй надпойменной террасы здесь проходит заплывшее русло канала, стенки которого некогда были укреплены камнями. Ближе к р.Туракая от него отходит второй канал, проложенный на некотором расстоянии параллельно первому (рис.2 – 1).

К югу от этого места уже на второй надпойменной террасе найден небольшой каменный курган (рис.2 – 1). В сотне с небольшим метров от него располагались две группы подобных курганов.

Первая состояла из восьми погребальных сооружений, семь из которых выстроены цепочкой, ориентированной длинной осью с севера на юг, восьмой стоял в стороне от южного окончания цепочки (рис.2 – 3). К западу от отдельных курганов на некотором расстоянии от них сооружены кольца из крупных камней. Насыпи объектов округлые в плане, полусферические, с пологими западинами в центре от просевших деревянных камер внутри. По всем внешним признакам – это типичные сооружения скифского времени, объединенные исследователями в рамках пазырыкской культуры VI-II вв. до н.э.

Вторая группа курганов находилась немного южнее первой (рис.2 – 4). В ней также насчитывается восемь сооружений, вытянутых цепочкой в меридиональном направлении, причем к востоку от самого южного из них установлено два балбала. По всем своим основным характеристикам эта группа курганов повторяет первую.

На обширной площадке правого берега Чулышмана, отграниченной с юга стекающим с верхнего высокогорного плато водопадом, также обнаружены остатки оросительной системы. Через вею долину здесь некогда было прорыто два канала, один из которых подновлен в недавнем прошлом. Перпендикулярно ему было проведено дополнительное русло (рис.2 – 5), а у края второго в северо-западном конце найден небольшой каменный курган (рис.2 – 6).

Основной массив древних погребальных памятников обнаружен в юго-восточной части долины. Наиболее ранними из них представляются сильно задернованные памятники в виде больших четырехугольных оград, стенки которых выложены валунами. Расположена эта группа у края берега Чулышмана и насчитывает два-три сооружения, подобные которым имеются в Кош-Агачском районе и предположительно датируются концом эпохи бронзы (рис.2 – 10).

Северо-западнее этой группы располагаются два небольших каменных кургана, сходные с теми, что обнаружены перед этим на левобережье (рис.2 – 7, 8). С юго-востока к ним в более позднее время пристроено 11 теленгитских захоронений, заметных сейчас в виде небольших каменных холмиков (рис.2 – 9). Десять из них выстроены в два параллельных друг другу ряда, а одиннадцатый сооружен между рядами, как бы замыкая их.

К юго-востоку от упомянутых выше оград эпохи бронзы найден еще один довольно крупный курган с полусферической каменной насыпью (рис.2 – 11). С юго-восточной его стороны без определенного порядка разбросано десять теленгитских захоронений (рис.2 – 12).

К северо-западу от них, выше по конусу выноса, образованному водопадом, найдено еще две группы теленгитских погребальных памятников. В одной из них зафиксировано 15 (рис.2 – 14), в другой 50 объектов (рис.2 – 13). Здесь же отмечена одна существенная деталь. Последняя, т.е. самая многочисленная группа сооружений представляет собой совершенно незадернованные каменные холмики, тогда как все предыдущие имеют существенную задерновку.

И если последнюю группу, учитывая специфику местного исторического процесса, можно предположительно отнести к XIX - началу XX в., то все остальные датируются более ранним временем, допустим, XVII - XVIII вв. Вполне возможно, что период сооружения данных теленгитских захоронений уходит в более раннее время, где смыкается с сооружениями, условно объединенными исследователями в рамках часовенногорского типа, раскопанными в могильнике Кудыргэ и датированными XIII - XIV вв.

Далее экспедицией обследован участок вверх по течению Чулышмана в районе перевала Кату-Ярык. В обширной левобережной долине у его подножия обнаружены остатки оросительной системы (рис.3 – 1). Четыре параллельных друг другу канала были прорыты когда-то в общем направлении с севера на юг и тянулись более, чем на два километра через все пригодное для возделывания пространство. В Отдельных местах их стенки обложены камнями.

Одновременно с изучением описанной долины, специалистами иного профиля обследован в их целях левый берег Чулышмана, в частности, склоны горного кряжа. На пологой поверхности одной из террас, расположенной довольно высоко над дном каньона, ими найдены выложенные из камней кольца.

В заключительный день археологический маршрут был продолжен выше по течению Чулышмана до уровня его правого притока – водопада Куркуре. В следующей за Катуйрыком небольшой долине обнаружен одиночный курган с полусферической каменной насыпью (рис.3 – 2).

Такой же курган найден в более обширной последующей левобережной долине, расположенной напротив места впадения в Чулышман его правого притока Куркуре (рис.3 – 4), ниспадающего в этом месте с крутого склона горного кряжа живописным водопадом. Несколько севернее кургана найдена группа древнетюркских памятников, состоящая из четырех четырехугольных каменных оград, причем с юго-восточной стороны двух из них стоят балбалы (рис.3 – 3).

Здесь следует добавить, что по сведениям, полученным от местных жителей на скалах правобережья Чулышмана у водопада имеются наскальные рисунки, обследовать которые, к сожалению, не удалось.

Итак, в процессе проведения экспедиции исследованиями охвачен значительный район нижнего течения Чулышмана. Обнаруженные памятники свидетельствуют, что бассейн реки был заселен людьми издревле, по крайней мере начиная с эпохи бронзы. Возможно, здесь имеются и более древние следы обитания.

Плотность населения бассейна во все времена была невысокой. И это понятно, если учесть преимущественно скотоводческую ориентацию хозяйства населения Горного Алтая в целом на протяжении последних тысячелетий. Для развертывания этого вида хозяйства в крупных размерах в узком каньоне Чулышмана условий нет. Другой вопрос, что такие условия мы находим на прилегающем высокогорном Улаганском плато, где и концентрировалось основное скотоводческое население этих мест, о чем свидетельствует обилие там археологических памятников. Там же раскопаны и получившие мировую известность большие курганы вождей племен, расположенные недалеко от с.Балыктуюль в урочище Пазырык.

В то же время, несмотря на малую плотность населения Чулышманского каньона, он буквально насыщен весьма трудоемкими для сооружения и последующей эксплуатации сложными оросительными системами, возведение которых было не под силу проживавшим здесь немногочисленным общинам. Скорее всего они были всегда тесно связаны с более многочисленным скотоводческим населением верхнего плато, заинтересованного в получении земледельческих продуктов и участвовавшего в сооружении чулышманских оросительных систем.

Теперь об оценке историко-культурного ресурса региона с точки зрения перспектив организации в нем ООПТ. Если брать во внимание сугубо Чулышманский каньон, то ведущими факторами организации здесь ООПТ выступают, естественно, природные, такие как красота и величие гор, чистота водной и воздушной стихий, здоровый климат, разнообразие растительного покрова и т.д. Историко-культурный ресурс в целом может выступать в этом деле весомым дополнительным аргументом. Особенно остатки оросительных систем как следы разработанного в прошлые века оригинального горного земледелия центрального района Евразийского континента.

Причем все древние памятники могут рассматриваться, с одной стороны, как неотъемлемая часть сложившегося на протяжении веков современного ландшафта этих мест, с другой, как объекты специализированного использования. Последнее предполагает реконструкцию наиболее информативных и зрелищных из них для сферы образования (полевые работы школьников и студентов) и для сферы туризма, который здесь имеет место быть.

Наиболее привлекательным в этом плане представляется район впадения в Чулышман его правого притока Чульчи, где по обоим берегам имеются как сложные оросительные системы, так и древние погребальные сооружения. Основные работы в таком случае будут заключаться в очистке от наплывшего грунта оросительных каналов с восстановлением, где это требуется, каменных кладок и в зачистке курганов и оградок от дерна с установкой в первоначальное положение упавших стел и балбалов.

Другой вопрос – высокогорное Улаганское плато как в природном, так и в историческом плане органично взаимосвязанное с Чулышманским каньоном. Здесь в прошлые времена проживало основное население региона, оставившее после себя наибольшую концентрацию археологических памятников.

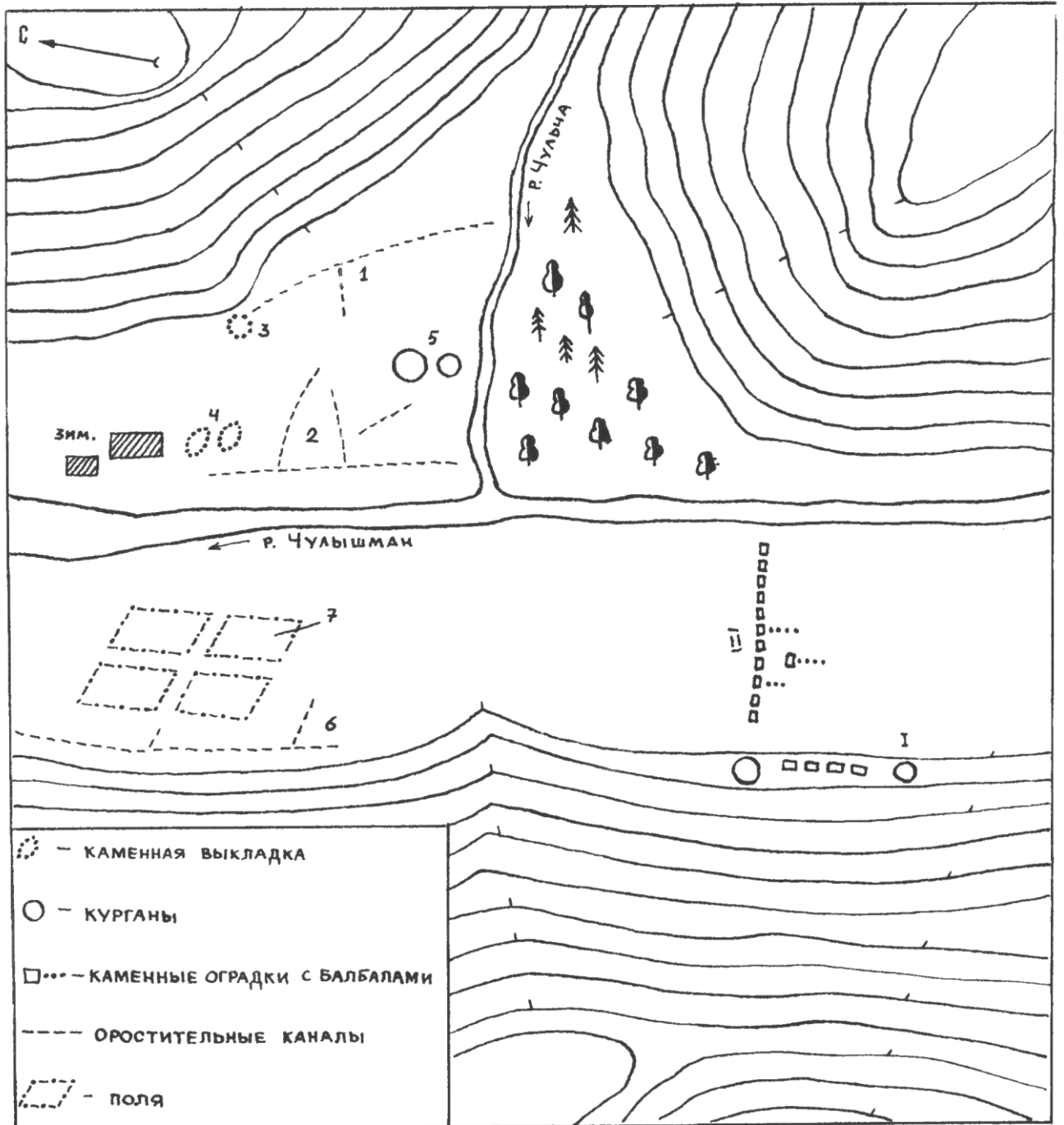

Рис.1

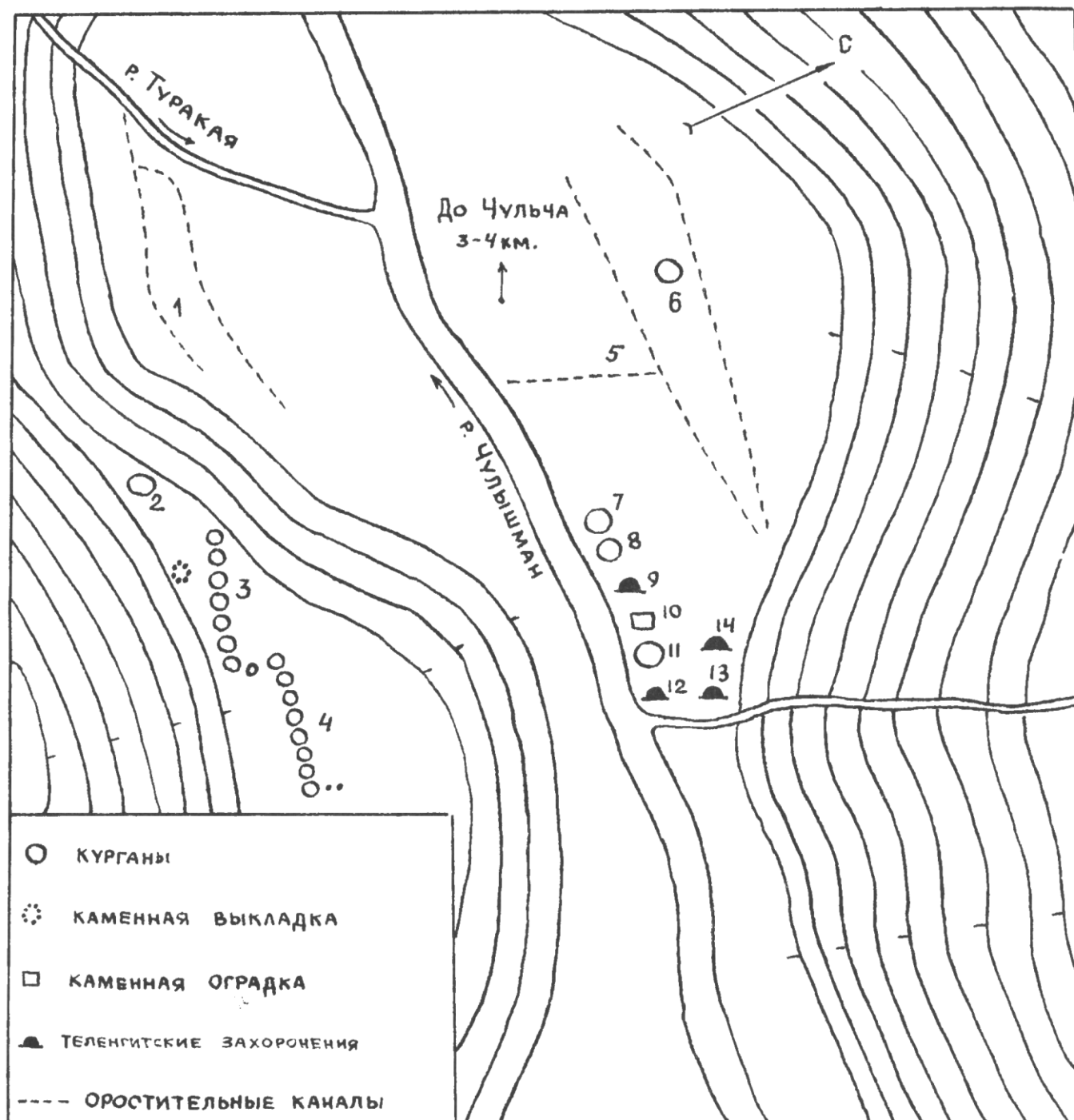

Рис.2

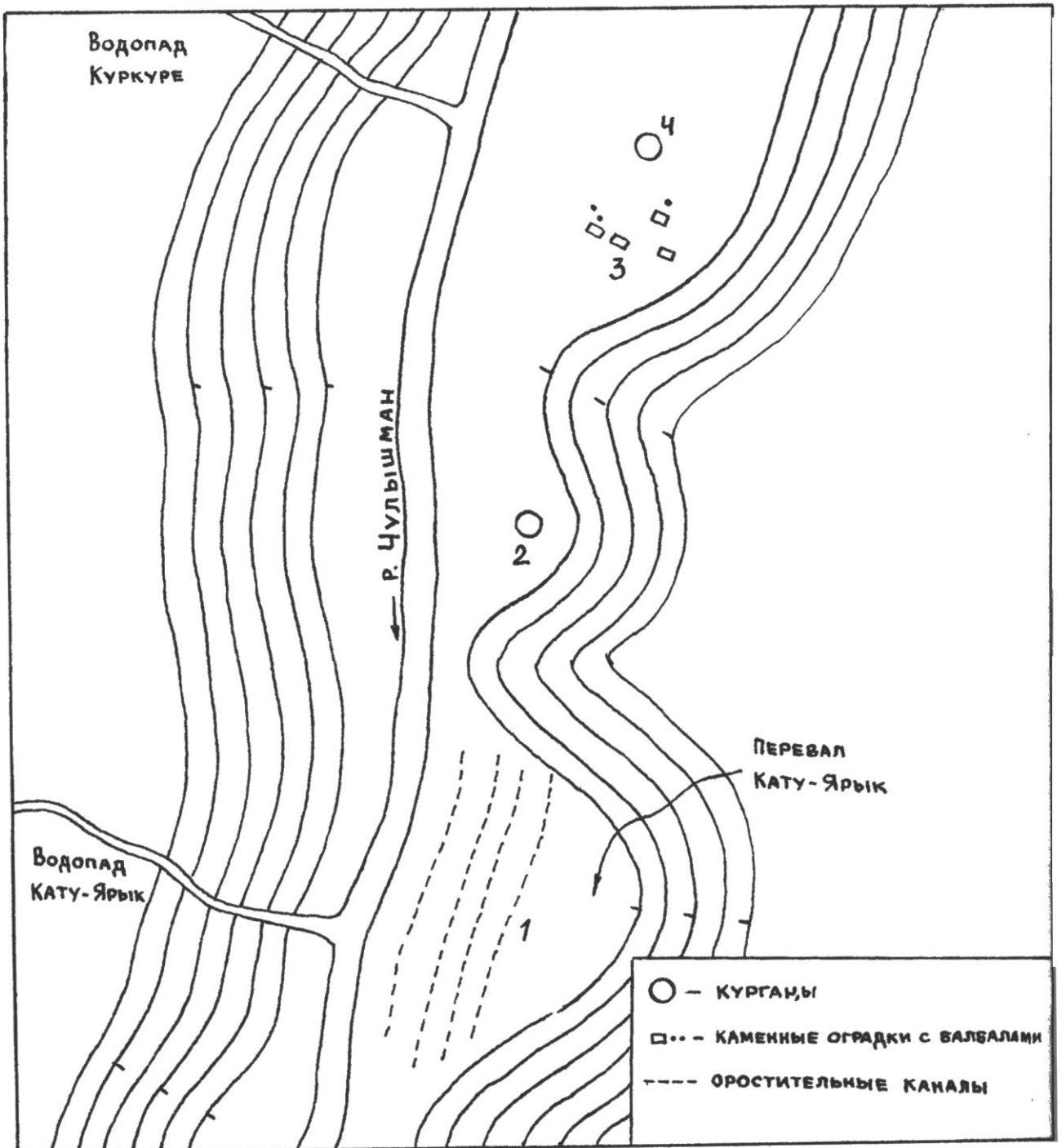

Рис.3

Иными словами, при организации здесь ООПТ историко-культурный ресурс в отдельных местах может играть определяющую роль. В частности, это относится к бассейну среднего течения р.Большой Улаган, где открыты всемирно известные Пазырыкские курганы, а недалеко от них расположено поле с хорошо сохранившимися памятниками разных эпох (до 400 объектов).

Пазырыкские курганы раскопаны в 1929, 1947-1949 гг., а материалы из них хранятся в Санкт-Петербурге в Гос. Эрмитаже. На этих известных древних памятниках можно было бы произвести работы по их реконструкции с организацией музея внутри одного из курганов и воспроизведением там прошлой обстановки, т.е. бревенчатой погребальной камеры с муляжами коней, человеческих мумий, предметов прошлого быта. Что касается ближайшего поля, то там можно увидеть памятники в естественном или непо потревоженном состоянии. В целом, район этот мог бы тогда стать выдающимся центром сохранения историко-культурного наследия с использованием его в просветительских целях.

В заключение следует отметить, что организация экспедиций с целью сбора информации по поводу перспектив создания ООПТ очень полезна и имеет большое будущее. Особенно плодотворно сотрудничество в рамках таких экспедиций специалистов разного профиля, взаимодополняющих работу друг друга.

Худяков Ю.С.
(г.Новосибирск)

КОК-ЭДИГАН – НОВЫЙ ПАМЯТНИК КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Проблема распространения памятников кыргызской культуры на Горном Алтае за последнее десятилетие приобрела большую актуальность в связи с дискуссией об алтайском периоде сложения кыргызского этноса.

Памятники культуры енисейских кыргызов встречаются в Горном Алтае достаточно редко, поэтому открытие каждого нового комплекса представляет собой значительный научный интерес.

Отдельные предметы торевтики, совершенно идентичные аналогичным деталям сбруи и поясного набора из памятников кыргызской культуры IX-X вв. на Енисее, неоднократно попадали в поле зрения ученых, собирателей, краеведов, работавших в Горном и Степном Алтае в XIX - начале XX вв. Эти находки представлены в музейных собраниях ряда городов Сибири. Большая серия находок предметов торевтики кыргызского облика была сделана в ходе раскопок могильника Сростки в 1920-х гг. М.Д.Копытовым и М.Н.Комаровой [1]. Возможно, какая-то часть этих находок действительно относится к кыргызской культуре, или из памятников племен северной периферии кыргызского государства, поскольку происходит из погребений, совершенных по обряду трупосожжения, характерных для кыргызов. Однако, выделить эти материалы из комплекса средневековых находок не всегда удается, поскольку подобные предметы были характерны и для сросткинской культуры.

Первый, несомненно, кыргызский памятник был исследован М.П.Грязновым на территории Горного Алтая в 1939 г. в местности Яконур [2]. Автор раскопок не связал его с кыргызской культурой и долгое время данный памятник не привлекал к себе должного внимания. Лишь спустя несколько десятилетий яконурские погребения по обряду трупосожжения были определены в качестве кыргызских [3].

Проблему распространения кыргызской культуры на территории Алтая впервые затронул С.В.Киселев в 1949 г. [4]. Он ориентировался на сходство предметов из комплексов кыргызской культуры и памятников Горного и Степного Алтая, относящихся к IX-X вв. С.В.Киселев выделил ряд "кыргызских черт" в инвентаре средневековых памятников Курай, Катанда, Сростки и в культуре населения Горного Алтая. По его мнению, в истории Горного Алтая "этот этап отличался особенно большой близостью к минусинскому того же времени. Очевидно, кыргызское преобладание играло определяющую роль в культуре соседних областей. Значительность кыргызских черт в алтайской культуре IX-X вв. может

служить новым основанием для предположения не только о культурной, но и о политической зависимости Алтая от кыргызов" [5].

Вероятно, при выделении периода вхождения Горного Алтая в состав государства енисейских кыргызов, Л.П.Потапов учитывал предположения, высказанные ранее С.В.Киселевым [6]. Однако никакими конкретными данными об обитании в Горном Алтае кыргызов он не располагал, поэтому при характеристике их культуры и хозяйства был вынужден использовать материалы из Минусинской котловины.

Интересно, что именно в рецензии на книгу Л.П.Потапова, вышедшей в 1954 г., Л.Р.Кызласов впервые выступил с гипотезой о том, что енисейские кыргызы являются не этносом, а всего лишь династийным родом "древних хакасов", что повлекло за собой длительную дискуссию, продолжающуюся до настоящего времени [7].

В 1960-х гг. ряд работ, в которых затрагивались вопросы переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань и происхождения современного кыргызского народа был опубликован К.И.Петровым [8]. По мнению К.И.Петрова, кыргызы в конце I тыс.н.э. расселились на территории Алтая и Приобья, где смешались с кимако-кыпчакскими племенами, утратив свой прежний язык и культуру, но, сохранив этноним "кыргызы", что означает "красные" люди. С территории Алтая эти кыргызы переселились на Тянь-Шань в XIII-XV вв. В подтверждение своей точки зрения он ссылается на данные о родо-племенном составе, языке и антропологии современных кыргызов и топонимии Горного Алтая и других районов, где обитали кыргызы. В частности топонимы "кызыл" и "улаган", по его мнению, являются результатом проживания на территории Горного Алтая кыргызов [9].

Необходимо отметить, что на территории Горного Алтая известны топонимы, образованные от этнонима "кыргыз", например, р.Кыргыз, правый приток р.Кураган, которые безусловно свидетельствуют о пребывании кыргызов в данном районе. Эти материалы не были использованы К.И.Петровым.

В 1966 г. Н.А.Баскаковым была опубликована руническая надпись из Мендур-Соккона в Горном Алтае, в которой упоминается "знаменитый кыргыз" [10]. В 1969 г. ряд соображений по поводу пребывания кыргызов на Алтае был высказан Л.Р.Кызласовым [11]. По его мнению, в IX в. Горный Алтай был завоеван кыргызами. "В IX-XII вв. в улусе Алтай, кроме немногочисленных, подчинивших себе этот улус древнехакасских феодалов и их войск, продолжали проживать местные племена" [12]. В XII в. на территории Горного Алтая "обособилось" самостоятельное кыргызское княжество, правитель которого в начале XIII в. добровольно подчинился Чингиз-хану [13]. Наличие этого "княжества" Л.Р.Кызласов предполагает на том основании, что в 1207 году покорность Чингиз-хану изъявили три кыргызских "нойона". Один из них правил Тувой, другой – Минусой. "Третьим княжеством, где также правил князь из рода кыргыз по имени Олебек-дигин (т.е. Олебек-тигин, принц Олебек) был, скорее всего, Алтай" [14]. По мнению Л.Р.Кызлаева за 360 лет мирного сожительства в одном государстве часть населения Алтая переселилась в Минусинскую котловину [15]. Каких-либо сведений о памятниках кыргызской культуры в работе Л.Р.Кызлаева не приводится. В 1972 г. Д.Г.Савинов исследовал на могильнике Узунтал XIII в юго-восточном Алтае кыргызский курган с погребением по обряду трупосожжения с разнообразным инвентарем IX-X вв. [16]. В 1979 г. он опубликовал статью, в которой обобщил археологические материалы, относящиеся к культуре енисейских кыргызов в Горном Алтае. К числу памятников IX-X вв. им были отнесены погребения с трупосожжениями в Яконуре и Узунтале, выделены "вещи кыргызского облика" из раскопок и сборов на Алтае в XIX-начале XX вв. [17]. Д.Г.Савиновым был рассмотрен вопрос о возможности переселения кыргызов с Алтая на Тянь-Шань.

В 1969 г. А.М.Кулемзиным было раскопано два кыргызских кургана XI-XII вв. на памятнике Ак-Таш в Горном Алтае. Предметы из этих курганов были опубликованы И.Л.Кызласовым в 1983 г. [19]. Он предложил выделить ряд памятников кыргызской культуры X-XII вв. в Горном Алтае, к числу которых отнес Сростки, Чарыш, Ак-Таш, Яконур[20].

В 1980 г. Ю.С.Худяковым были обнаружены предметы кыргызской культуры XI-XII вв. на поселении Куях-Танар [21].

Гипотеза о переселении предков современных кыргызов на Тянь-Шань с территории Горного Алтая нашла отражение в последнем издании "Истории Киргизской ССР". По мнению авторов именно на Алтае в XII в. находилось "княжество Киргиз", население которого составляли кимако-кыпчаки, ассимилировавшие в своей среде енисейских кыргызов,

но принявшие этноним "кыргызы" [22]. Эта гипотеза получила дальнейшее развитие в работах С.Г.Кляшторного, А.М.Мокеева, В.П.Мокрынина, по мнению которых в X-XII вв. кимако-кипчацкие племена, населявшие Прииртышье и Горный Алтай, ассимилировали проникших туда енисейских кыргызов, но восприняли их этноним, а в середине XV в. переселились на Тянь-Шань [23]. Данная точка зрения, высказанная на тюркологической конференции в 1988 г. и в серии последующих работ вызвала острую дискуссию. В работах, увидевших свет в 1990-х гг. авторы признают важную роль в этногенезе и культурогенезе кыргызского народа енисейских кыргызов, но продолжают настаивать на том, что переселение происходило с территории Алтая, который понимается расширительно, включая Монгольский Алтай.

"Алтайский период" в формировании кыргызского народа и кыргызского языка был выделен на лингвистических материалах Э.Р.Тенишевым [24]. Наличие сходных элементов в языке, культуре, фольклоре, родо-племенном составе у алтайцев и кыргызов отмечали многие исследователи.

Решение дискуссионных вопросов, связанных с изучением кыргызской культуры в Горном Алтае, сдерживается узостью источниковой базы. За последние годы она расширилась незначительно.

К числу памятников кыргызской культуры была отнесена находка палаша из Беш-Озeka [25]. И.Л.Кызласов отнес к числу енисейских большинство рунических надписей Горного Алтая [26]. Что не соответствует ограниченному количеству изученных погребальных комплексов.

Недостаточность источниковой базы ощущается при обобщении материалов кыргызской культуры на территории Горного Алтая [27]. В этой связи важное значение имеют результаты раскопок автора настоящей статьи на памятнике Кок-Эдиган в 1995 г., где был исследован новый памятник кыргызской культуры на территории Горного Алтая.

Памятник Кок-Эдиган находится в Чемальском районе Республики Алтай. Он расположен на высокой террасе правого берега р.Эдиган, правого притока р.Катунь, в 6 км от устья, севернее дороги Чемал-Эдиган, в 2 км от с.Эдиган. Могильник включает две цепочки курганов пазырыкской культуры скифского времени. Кыргызский курган расположен к востоку от восточной цепочки скифских курганов.

Курган №1. Представлял собой пологую, интенсивно задернованную и поросшую кустами караганы кольцевую насыпь из массивных и мелких скальных обломков с пологой западиной в центре. Диаметр насыпи 6 м, высота насыпи 0,1 м (рис.1).

Расчистка насыпи выявила конструкцию неправильно округлой, почти подквадратной формы. Насыпь сложена из массивных скальных обломков с засыпкой из мелких камней. С юго-западной стороны насыпь примыкает к выходу коренных пород. В центре насыпи западина, заполненная мелкими камнями, среди которых найден обломок трубчатой кости лошади (рис.2).

Под насыпью, в центре кургана находилась небольшая ямка овальной формы. Площадь ямки 0,8х0,5 м, глубина 0,1 м. Ямка ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ.

Внутри ямки скопление жженных костей и железные предметы вооружения и сбруи, бывавшие на погребальном костре. В юго-западной части ямки находилось железное стремя; в центральной части среди жженных костей находились железные накладки, бляшки и подвесные наконечники от сбруи, железный кинжал и наконечник стрелы; в северо-восточной части ямки находились железные удила с витыми кольцами и накладками и железный наконечник стрелы (рис.3).

Топография расположения памятника, конструктивные особенности насыпи, могильной ямки, характер погребальной обрядности и облик сопроводительного инвентаря исследованного кургана типичны для кыргызской культуры [28]. Останки погребенного представляют собой мелкие обломки жженных, кальцинированных костей человека. Среди костей находились мелкие древесные угольки – остатки погребального костра. Сопроводительный инвентарь включает предметы сбруи и вооружения. Все вещи очень хорошей сохранности, почти лишены коррозии, покрыты окалиной от пребывания в огне.

Железное стремя "восьмеркообразной формы". Оно имеет кольцевую петлю, округлый проем, узкую пластинчатую подножку. Стремя изготовлено из округлого в сечении прута, склепанного в верхней части петли. Подножка раскована по всей ширине проема.

По оси подножки, снизу оставлено ребро. Аналогичные стремяна типичны для кыргызской культуры VI-X вв. [28] (рис.4).

Железные удила имеют неравные звенья, одно из которых округлое, другое прямоугольное сечение. В кольчатые петли звеньев вставлены большие, витые кольчатые псалии. На псалиях крепится по два округлых витых кольца, по одной пластинчатой накладке, соединенной заклепкой. В кольчатые завершения звеньев помимо псалии продето по одному дополнительному витому кольцу вытянутой формы с вогнутыми длинными сторонами (рис.5).

Удила с большими, свободно вращающимися кольчатыми псалиями, характерны для кыргызской культуры развитого средневековья [30]. Кок-эдиганские удила имеют дополнительные кольца и витое оформление, что придает им своеобразные черты. Подобные большие витые железные кольца, с продетыми в них дополнительными малыми витыми кольцами характерны для этнографической культуры современных кыргызов. Они крепились к железному основанию предмета для привязывания домашнего скота [31].

К числу сбруйных принадлежностей относятся железные бляшки в виде пирамиды с квадратным основанием и пологими сторонами. На поверхности одной из бляшек имеется циркульный орнамент. Вершину пирамидальных бляшек венчает шишечка заклепки, которая крепилась стержнем и заклепкой к сбруйному ремню (рис.6 – 4, 5).

К сбруйным принадлежностям относятся пятиугольные накладки, соединенные пластинчатой петлей с длинными подвесными наконечниками с приостренными концами. Накладки крепились к ремню с помощью заклепок. В составе набора найдено 3 накладки и 4 наконечника (рис.6 – 7, 8, 10, 11).

Видимо и пирамидальные накладки, и пятиугольные накладки с подвесными наконечниками должны относиться к одному набору украшений седельных ремней. Близкие по форме железные накладки были широко распространены в памятниках кыргызской культуры начала II тыс.н.э. [32].

Вероятно, к деталям сбруи должны относиться железный многочастный стержень с пластинчатой обоймой, железное кольцо, обломки железных пластин с отверстиями для крепления и железная прямоугольная пластинчатая накладка с заклепкой (рис.6 – 9, 12-15).

К числу предметов вооружения относится железный кинжал. Он имеет черешок, скошенный в сторону лезвия, пластинчатый упор для ограничения рукояти и однолезвийный клинок, слабо изогнутый в сторону лезвия. Клинок трехгранный в сечении, острие расковано на два лезвия, имеет ромбическое сечение и елмань, выступающую над спинкой клинка. По всей длине широких граней клинка до острия имеются долы (рис.6 – 1).

Клинок уникален. Точных аналогий не имеет. По общей конфигурации клинка, изогнутого в сторону лезвия и рукояти напоминает кинжалы уйбатского типа, которые имели упрощенную конструкцию клинка и напускное перекрестье [33].

В кургане найдены два наконечника стрелы. Оба черешковые. Один из них трехлопастной. Он имеет остроугольное острие, узкое удлинненно-ромбическое трехлопастное перо, покатые плечики и упор (рис.6 – 3).

Второй наконечник четырехгранный. У него остроугольное острие, четырехгранное, удлинненно-треугольное перо, прямые плечики, короткая шейка с упором (рис.6 – 2).

Подобные наконечники типичны для кыргызской культуры начала II тыс.н.э. [34].

Курган должен датироваться XI-XII вв.н.э., в пользу чего свидетельствуют аналогии большей части сопроводительного инвентаря, хотя отдельные предметы имеют более широкую хронологию бытования.

По основным особенностям конструкции надмогильного сооружения, погребальной обрядности, составу и облику инвентаря, он несомненно относится к культуре енисейских кыргызов эпохи сууктэр, XI-XII вв. [35]. Исследование кыргызского кургана, в котором был погребен воин-дружинник, свидетельствует, что в начале II тыс.н.э. енисейские кыргызы продолжали населять Горный Алтай, удерживая под своей властью и долину р.Катунь в ее среднем течении. Памятник Кок-Эдиган, также как и исследованные ранее памятники XI-XII вв. в Горном Алтае, Ак-Таш и Куях-Танар, не имеют ни каких следов "ассимиляции" кыргызов в кимако-кыпчакской среде [36]. По всем основным компонентам памятники кыргызской культуры периода развитого средневековья в Горном Алтае не имеют принципиальных отличий от синхронных кыргызских памятников Минусы и Тувы.

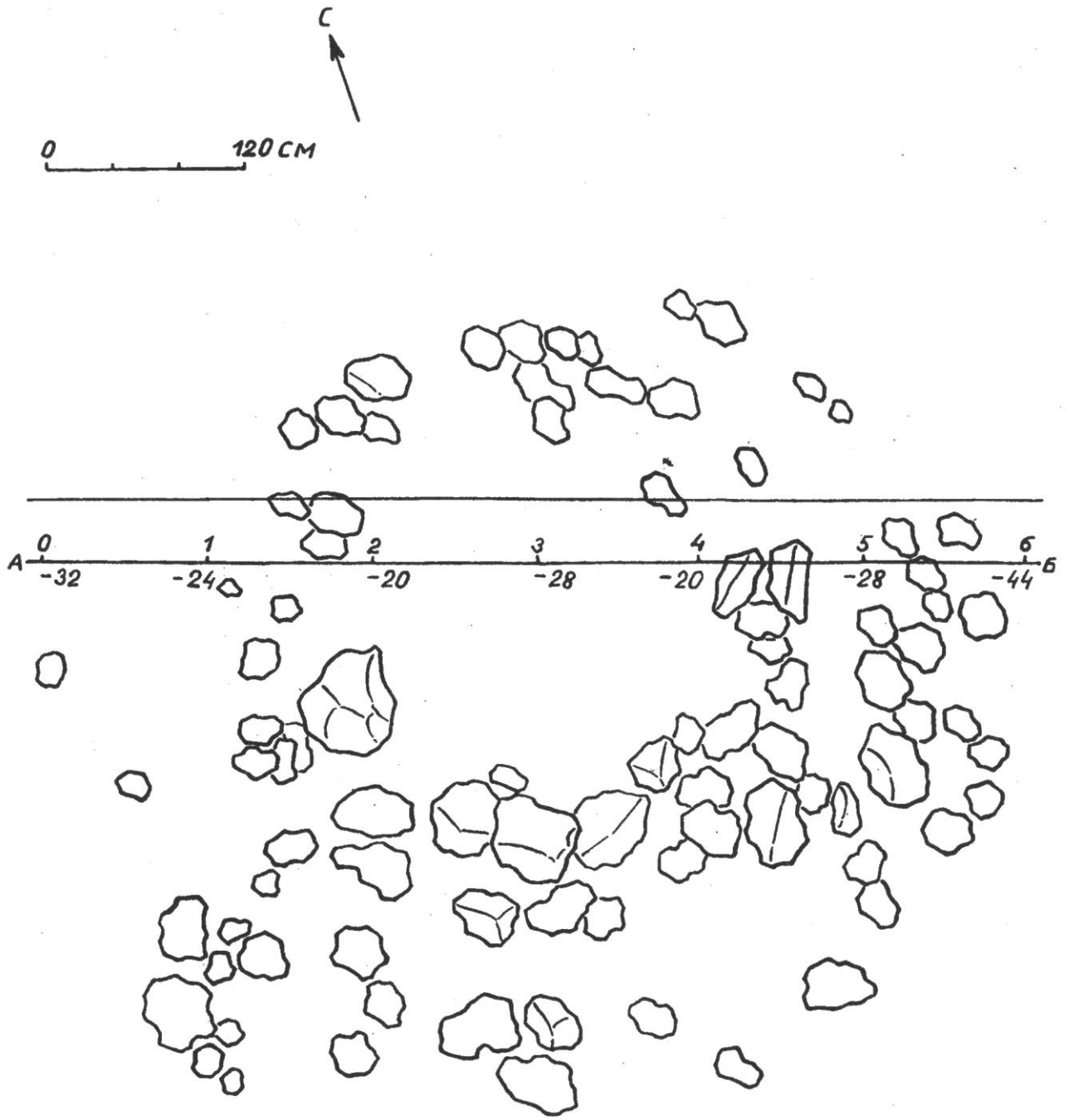

Рис.1

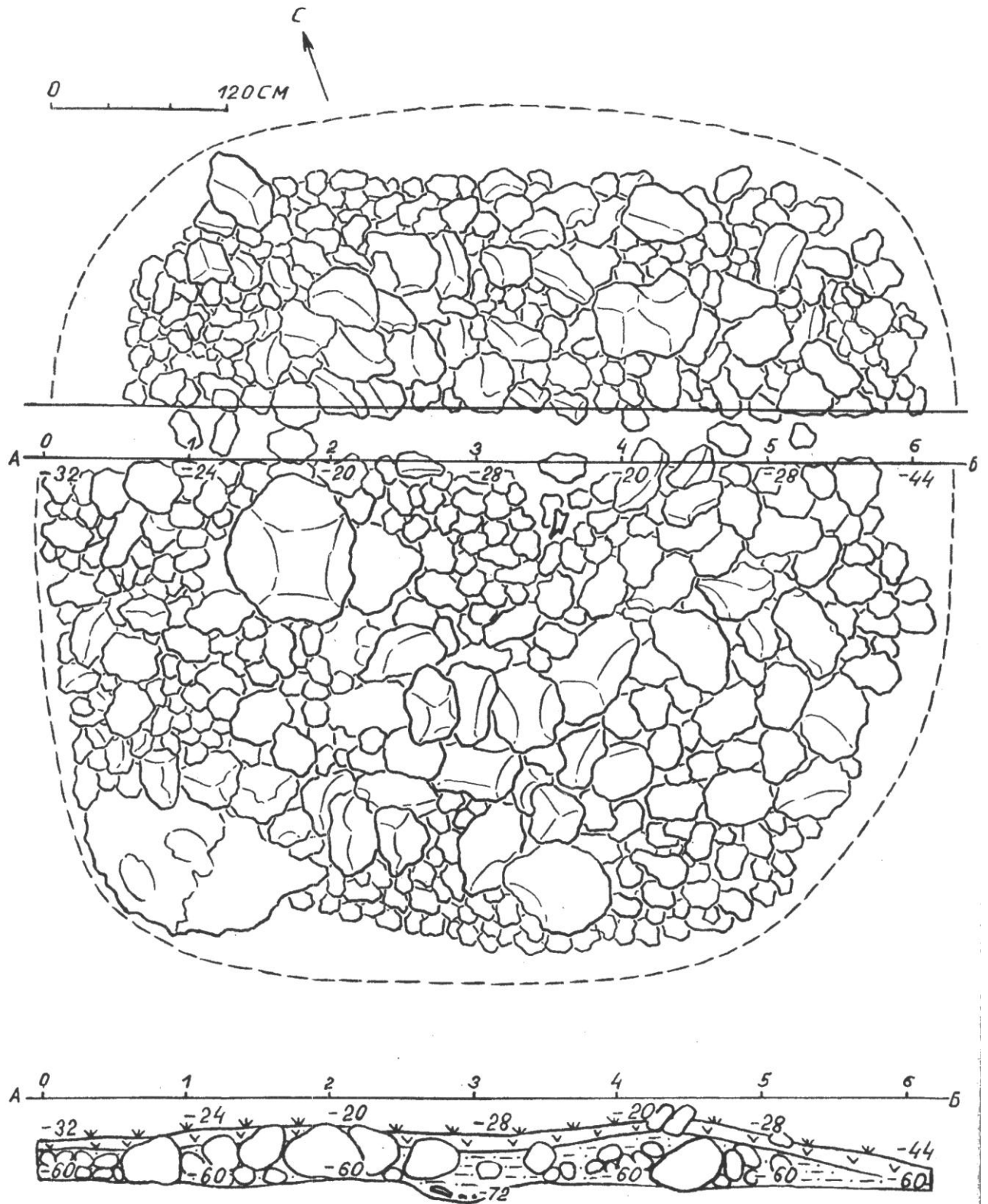

Рис.2

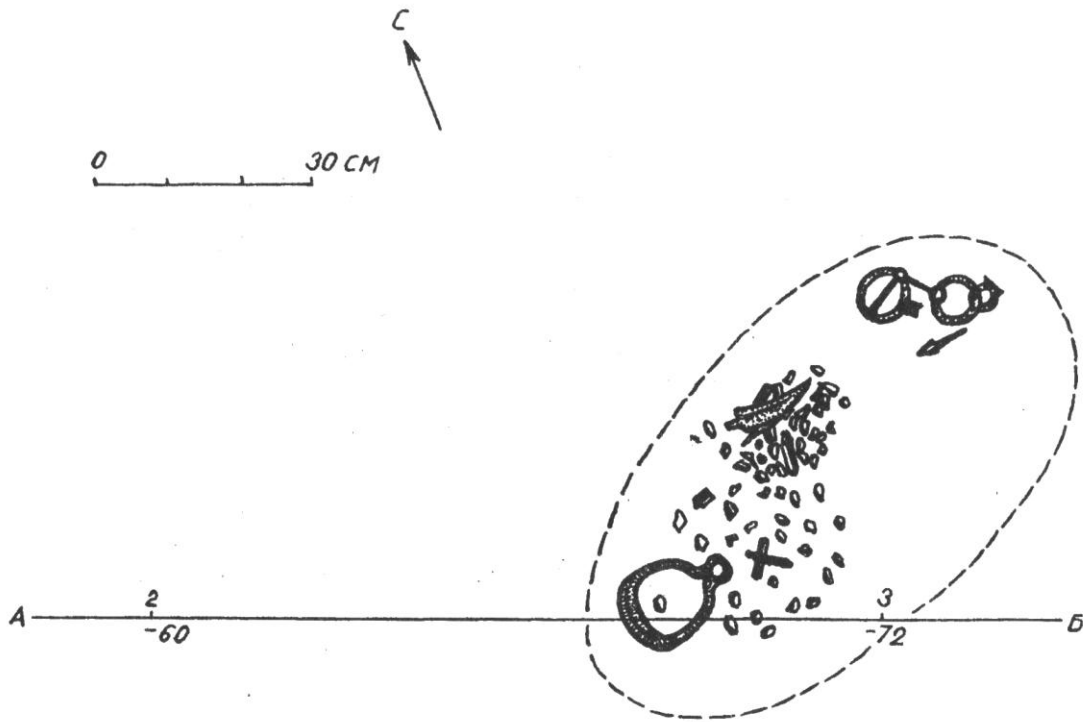

Рис.3

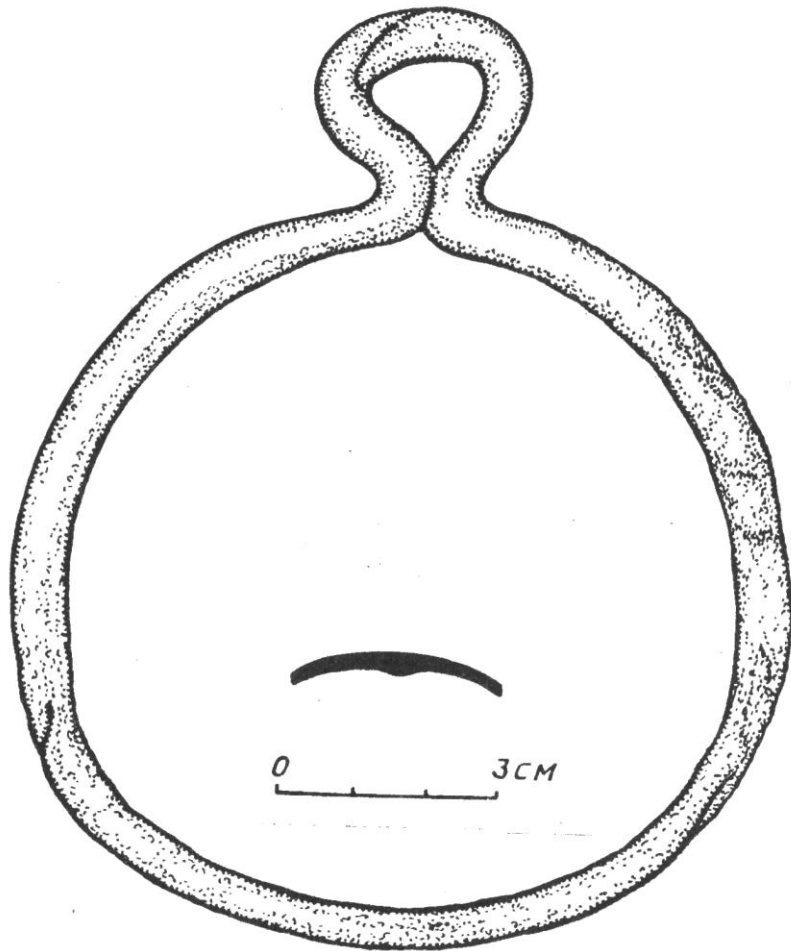

Рис.4

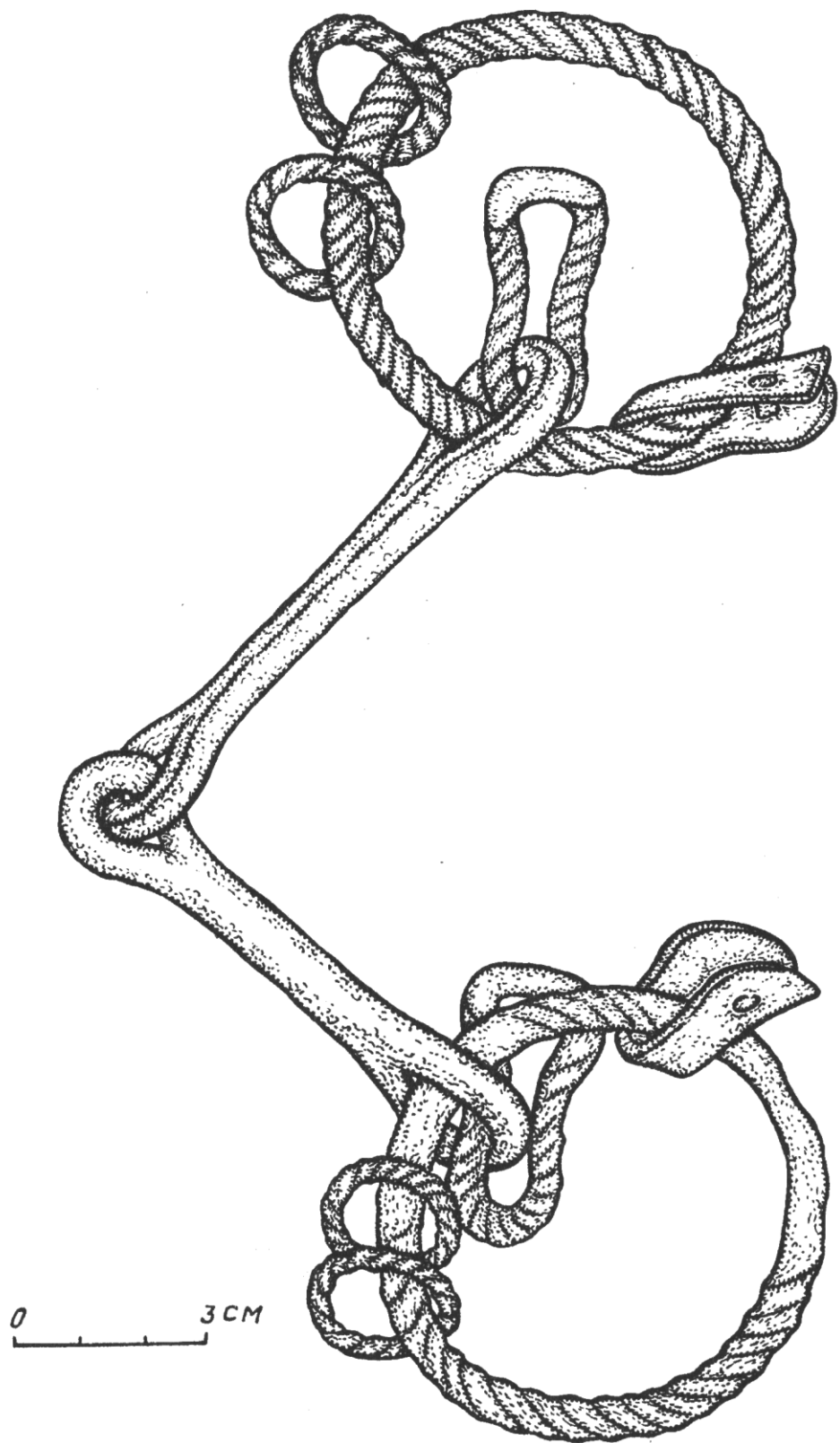

Рис.5

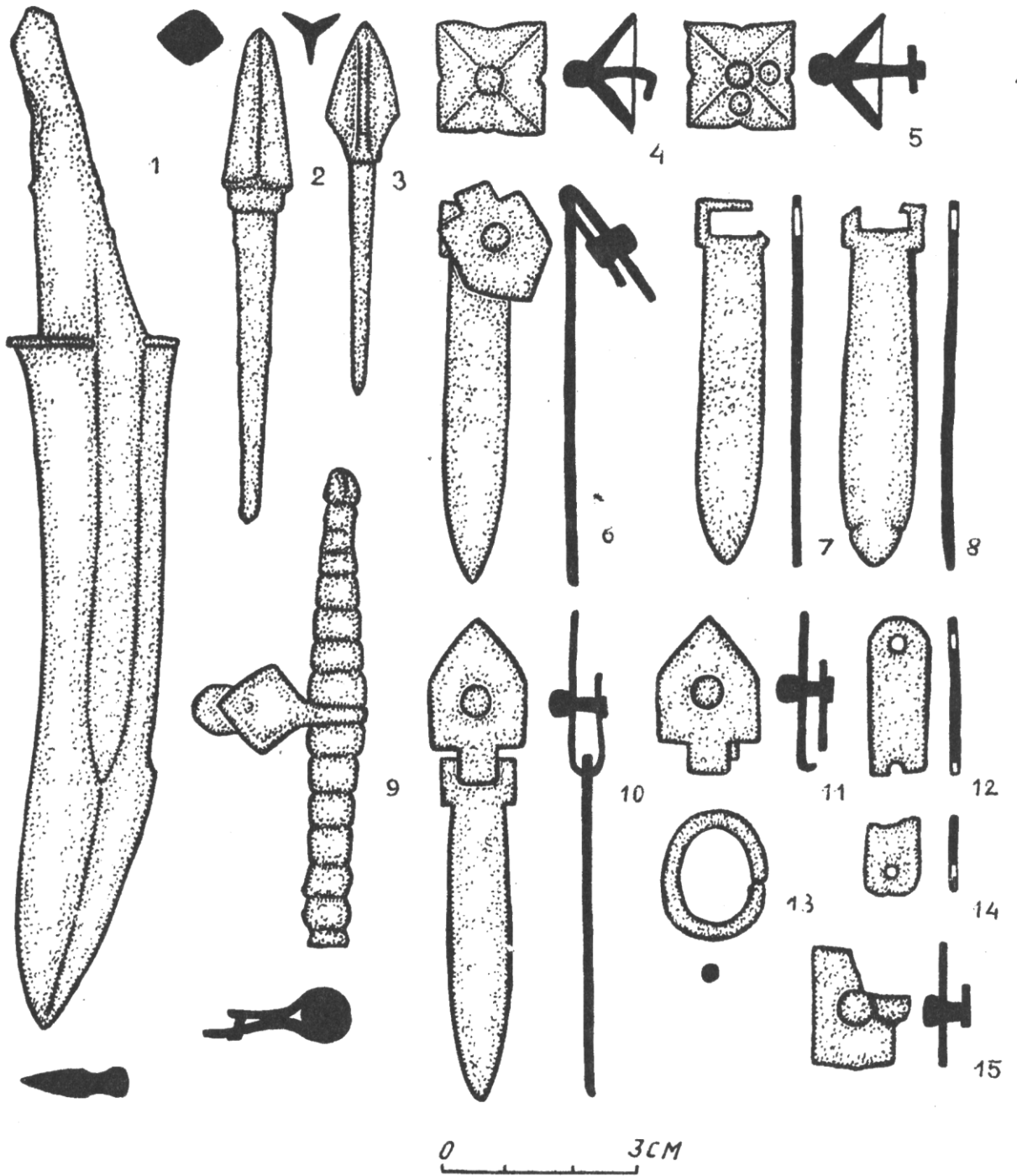

Рис.6

Это означает, что гипотеза о формировании кимако-кыпчакского этноса с этноним "кыргызы" на территории Горного Алтая не находит подтверждения в археологическом материале. На всем протяжении периода IX-XII вв. в Горном Алтае обитали енисейские кыргызы, а его территория входила в состав их государственных образований.

Примечания

1. Неверов С.В. История изучения памятников сросткинской культуры Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С.96-97.
2. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып.1. С.18.
3. Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып.1. С.161-169.
4. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.Л., 1949. №9. С.314.
5. Там же. С.310-311.
6. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953. С.97-99.
7. Кызласов Л.Р. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев // ВИ, 1954. №7. С.151.
8. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами. Фрунзе, 1961; Он же. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963; Он же. К этимологии этнонима "кыргыз" // СЭ. 1964. №2. С.81-91.
9. Петров К.И. К этимологии ... С.90-91.
10. Баскаков Н.А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // СЭ, 1966. №6. С.80.
11. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С.125-133.
12. Там же. С.125.
13. Там же. С.133.
14. Там же. С.133.
15. Там же. С.129.
16. Савинов Д. Г. Раскопки в Горном Алтае // АО 1972 года. М., 1973. С.235-236.
17. Савинов Д. Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып.1. С.161-162.
18. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.162.
19. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ. М., 1983. Вып.ЕЗ-18. С.73. Табл.XXXIII, 1-13.
20. Там же. С.71, 73, 74.
21. Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С.193-194.
22. История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т.1. С.423-431.
23. Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология-88. Фрунзе. 1988. С.42-43.
24. Тенишев Э.Р. К вопросу о происхождении киргизов и их языка // СТ. 1989. №4. С.3-17.
25. Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озека // Охрана и изучение, культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч.II. С.239.
26. Кызласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С.89.
27. Модоров Н., Тадыев П. Из прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1976. С.26-27.
28. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. С.142.
29. Худяков Ю.С. Погребение Хыргыстар // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С.40.
30. Кызласов И.Л. Аскизская культура ... С.58.
31. Экспонируется в Историческом музее Кыргызстана в г.Бишкек.
32. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Рис.87 – 4, 5.
33. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. Рис.30.
34. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск, 1980. С.82, 92.

35. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. С.143.
 36. История Киргизской ССР. С.423-431.

Список иллюстраций к статье Худякова Ю.С.

- Рис.1. Кок-Эдиган. к. №1. Абрис.
 Рис.2. Кок-Эдиган. к. №1. Насыпь.
 Рис.3. Кок-Эдиган. к. №1. Погребение.
 Рис.4. Кок-Эдиган. к. №1. Стремя.
 Рис.5. Кок-Эдиган. к. №1. Удила.
 Рис.6. Кок-Эдиган. к. №1. Инвентарь: 1 – кинжал; 2, 3 – наконечники стрел; 4-15 – детали сбруи.

Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С.
 (г.Горно-Алтайск, г.Новосибирск)

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА МЕЖЕЛИК

В августе 1993 г. Улаганским отрядом Центра археологических исследований Республики Алтай проводились аварийные раскопки на памятнике Межелик в Улаганском районе. Работы велись на площади памятника, подвергающегося угрозе уничтожения в ходе разработки первой очереди песчаного карьера для асфальтирования дороги Улаган – Акташ. В работах принимали участие сотрудники ИАЭ СО РАН и НГУ.

Могильник Межелик расположен на левом берегу р. Башкаус, на плоской вершине одноименного холма, севернее горной гряды Арана, к югу от дороги Улаган – Акташ, в 3,5 км к западу от с. Улаган (рис.1). Памятник включает 26 разновременных объектов. В западной части могильника находится группа больших каменных насыпей, диаметром 10-25 м, высотой 0,5-0,7 м. Вокруг них рассредоточено до 10 насыпей меньших размеров. В центре могильного поля находится несколько каменных и одна земляная насыпь и кольцо из камней. В восточной части памятника расположены овальные каменно-земляные насыпи, на одной из которых сохранился дощатый домик с двускатной крышей. Остатки подобных сооружений имеются на поверхности больших насыпей в западной части могильника. По внешним признакам выделяются объекты раннего железного века и этнографического времени. Насыпи курганов имеют следы грабительских раскопок. На поверхности наиболее крупных курганов следы сбора камней на строительство в 1960-х годах.

В полевом сезоне 1993 г. были раскопаны объекты в западной части могильника, вдоль склона, холма, который отведен под первую очередь строительства карьера.

Объект №1. Пологая, слабо задернованная насыпь округлой формы из массивных и мелких валунов. В центре насыпи выделяется на поверхности несколько крупных валунов. Диаметр насыпи 5 м, высота – 0,1 м (рис.2). После снятия дерна и зачистки выявлены очертания сооружения в виде округлой насыпи из массивных и мелких валунов. В центре насыпи ящик из массивных валунов. Вокруг него крепиды из массивных валунов в 1-2 ряда. Пространство вокруг и внутри крепиды заполнено мелкими валунами. После снятия насыпи и зачистки бровки выявлена конструкция сооружения в виде насыпи с крепидой и каменным ящиком в центре (рис.3). После снятия бровки и зачистки в центре кургана выявлены очертания каменного ящика из массивных валунов, несомкнутого с западной стороны. Находок нет (рис.4). Контрольный перекоп результатов не дал.

Объект №2. Пологая, интенсивно задернованная кольцевая насыпь из массивных валунов с пологой западиной в центре. Диаметр насыпи – 5,5 м, высота – 0,1 м (рис.5). После снятия дерна и зачистки выявлены очертания надмогильного сооружения в виде кольцевой насыпи из массивных валунов в 2-3 ряда с подсыпкой из мелкой гальки. В центре овальная выкладка из мелких валунов и гальки. После снятия насыпи и зачистки бровки выявлена конструкция сооружения в виде кольцевой насыпи с выкладкой в центре

(рис.6). После снятия бровки, разборки выкладки в центре кургана и зачистки, обнаружено скопление крупных неопределимых трубчатых костей на горизонте. Других находок нет (рис.7). Контрольный перекоп результатов не дал.

Объект №3. Пологая, интенсивно задернованная, кольцевая насыпь из массивных валунов с пологой западиной в центре, В юго-восточной части насыпи прослеживается выкид из могильной ямы. Диаметр насыпи – 10 м, высота – 0,1 м (рис.8). После снятия дерна и зачистки выявлены очертания надмогильного сооружения в виде кольцевой насыпи с провалом над могильной ямой в центре (рис.9). После снятия насыпи и зачистки бровки выявлена конструкция сооружения в виде насыпи из массивных валунов с подсыпкой из мелкой гальки (рис.10). После снятия бровки и зачистки в центре кургана выявлены очертания могильной ямы округлой формы, плотно забутованной валунами (рис.11). После разборки заполнения могильной ямы, состоявшего из валунов, гальки и темной мешаной супеси с вкраплением угольков, на дне могилы обнаружено нарушенное погребение взрослого человека. В заполнении, на разных уровнях, встречались тазовые кости и позвонки человека. На дне могилы, в сочленении, находились кости левой руки и ноги, позвоночный столб, частично кости правой руки и ноги. Череп, нижняя челюсть, ребра, позвонки смещены. Некоторые кости отсутствуют. Судя по костям, сохранившим анатомическое положение, скелет погребенного лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. На нижней челюсти полностью сточены лунки коренных зубов с обеих сторон. Находок нет (рис.12). Контрольный перекоп результатов не дал.

Объект №6. Пологая, слабо задернованная, неопределенной формы, насыпь из массивных и мелких валунов. Поверхность насыпи сильно повреждена гусеницами бульдозера. Диаметр насыпи – 4 м, высота 0,1 м (рис.13). После снятия дерна и зачистки выявлены очертания разрушенного сооружения, неправильно округлой формы, сложенного из массивных и мелких валунов в 1 слой. Находок нет (рис.14). Контрольный перекоп результатов не дал.

Объект №7. Пологая, интенсивно задернованная, неправильно кольцевой формы насыпь из массивных валунов с пологой, овальной формы западиной в центре. Диаметр насыпи – 4 м, высота – 0,1 м (рис.15). После снятия дерна и зачистки выявлены очертания надмогильного сооружения в виде кольцевой насыпи из массивных валунов. В северо-восточной части насыпи обнаружены позвонки, ребра, плечевая кость взрослого человека, выброшенные грабителями из могилы (рис.16). После снятия насыпи и зачистки бровки выявлена конструкция сооружения в виде насыпи из валунов в 1-2 слоя с подсыпкой из мелкой гальки (рис.16). После снятия бровки и зачистки выявлены очертания могильной ямы, овальной формы, ориентированной по длине по линии север-юг. В заполнении ямы встречаются отдельные валуны. После выборки заполнения и зачистки на дне могильной ямы обнаружено нарушенное погребение. На дне могилы сохранились остатки долбленой бревенчатой колоды. В северной части могилы торцевая часть колоды, по сторонам две вертикальные стенки. Внутри колоды в полном беспорядке находились кости взрослого человека: позвонки, ребра, фаланги, ключица. У западной стенки колоды найден сильно коррозированный железный нож. За восточной стенкой колоды находилась берцовая кость барана. Других находок нет (рис.17). Контрольный перекоп результатов не дал.

Объект №8. Пологая, интенсивно задернованная, неопределенной формы, насыпь из валунов. На поверхности следы сбора камня на строительство. Диаметр насыпи – 2,5 м, высота – 0,1 м (рис.18). После снятия дерна и зачистки выявлена конструкция сооружения в виде подпрямоугольной выкладки из валунов, ориентированной по длине по линии запад-восток. После снятия насыпи и зачистки бровки выявлена конструкция сооружения в виде насыпи из валунов в 1-2 слоя (рис.19). После снятия бровки и зачистки выявлен слой материкового щебня. Находок нет. Контрольный перекоп результатов не дал.

Судя по топографическим условиям расположения объектов, конструктивным особенностям надмогильных и внутримогильных сооружений, погребальной обрядности и отдельным находкам из раскопанных курганов памятник начал функционировать в качестве кладбища в раннем железном веке. Наиболее ранним объектом в западной части памятника является курган №4, который содержал погребение с конем на горизонте, относящееся к майэмирскому времени (Могильников В.А., 1986, с.41). Вероятно, к этой же относится курган №1 с пологой округлой насыпью и каменным ящиком на горизонте, расположенном в центре насыпи (Могильников В.А., 1986, с.42). Хотя он не содержал погребения

внутри ящика, могло уместиться тело умершего в скорченном положении. Возможно, это кенотаф.

Большая часть каменных курганов вытянута цепочкой с СВ на ЮЗ вдоль северо-западного склона холма Межелик. Цепочка имеет перерыв между курганами №3 и №10. Раскопанный курган №3 в составе этой цепочки содержал нарушенное погребение взрослого человека в грунтовой яме. Судя по расположению костей, сохранивших анатомическое положение, умерший лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Находок при нем не оказалось. Однако на поверхности могильника и насыпей больших курганов встречались фрагменты лепной керамики красноватого цвета, характерной для памятников раннего железного века в Горном Алтае (рис.20 – 2, 3). Подобное расположение курганов в одну линию, цепочкой, также характерно для памятников скифского времени (Кубарев В.Д., 1987, с.10). Приведенные сооружения позволяют отнести раскопанный курган к скифскому времени. Более определенно судить о его культурной принадлежности станет возможным после раскопок других объектов в составе цепочки курганов.

Вокруг крупных курганных насыпей расположено несколько небольших пологих насыпей различной формы. Некоторые из них не содержали никаких находок. Судить о времени их сооружения и назначения сложно.

В кургане №2, на горизонте, обнаружено скопление костей. Среди них крупные трубчатые кости конечностей без эпифизов, ребра, часть нижней челюсти лошади. Вероятнее всего, это остатки поминальной тризны (Кубарев В.Д., 1987, с.12). Данный курган расположен в непосредственной близости от кургана №5, который, судя по конфигурации и размерам насыпи, относится к скифскому времени. На его поверхности сохранились деревянные жерди от надмогильного домика впускного захоронения этнографического времени. К какому из этих двух периодов относится поминальная тризна сказать трудно. В кургане №7, в неглубокой, узкой могильной яме, в долбленной колоде с тонкими бортами обнаружены кости сильно переворошенного скелета взрослого человека. Грабители разрушили южную часть колоды. Кости человека не сохранили анатомического порядка. Отсутствует череп и кости конечностей. На дне могилы найдены только позвонки, обломки ребер, фаланги, ключица и пяточная кость. Обнаружен железный черешковый, однолезвийный нож (рис.20 – 1). На борту колоды найдена берцовая кость овцы. Судя по меридиональной ориентировке колоды, ее конфигурации, находка ножа и кости овцы, данный курган должен относиться к монгольскому времени (Гаврилова А.А., 1965, с.45). Он был основательно разграблен, и крупные кости выброшены из могилы.

Впускные погребения этнографического времени в кургане №4, вероятно, относятся к теленгитам. Подобные памятники в районе Улагана изучали в свое время Е.А. Луценко (Луценко Е.А., 1898, с.33-34) и С.И. Руденко (Дьяконова В.П., 1980, с.102). Находки в погребениях типичны для материальной культуры теленгитов (Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с.68).

Алтайское кладбище в восточной части могильного поля функционировало до 1950-х гг. По данным информаторов из соседнего села Чибиля у них на этом кладбище захоронены родственники.

Таким образом, выделяется три периода существования могильника – ранний железный век, монгольское время и этнографическая современность.

Литература

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.
2. Дьяконова В.П. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.
3. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
4. Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата 1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.
5. Луценко Е.А. Поездка к теленгитам // Землеведение, 1898. №1-2.
6. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986.

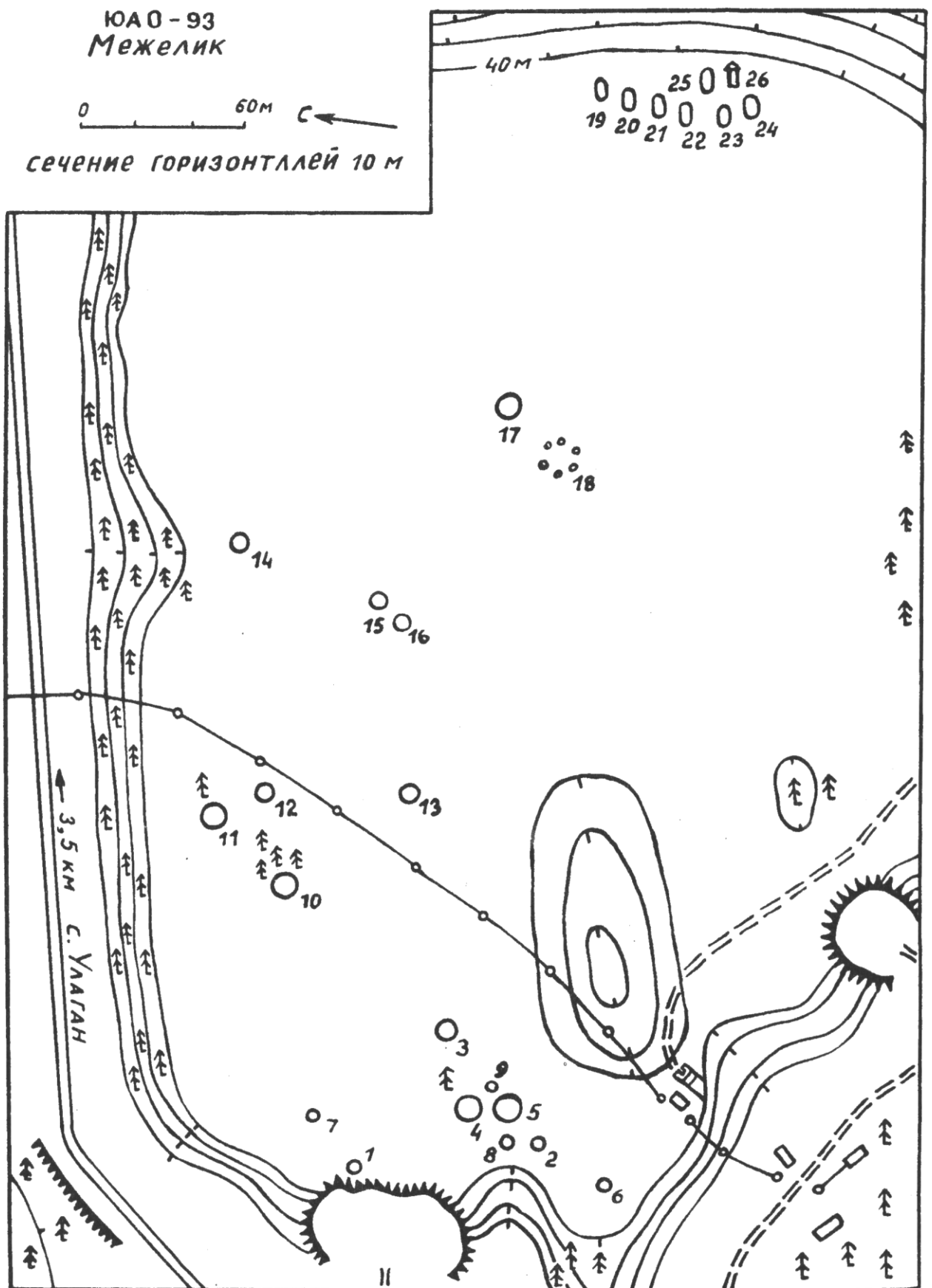

Рис.1

ЮАО-93
Межелик
К. № 1
АБРИС

0 120 см

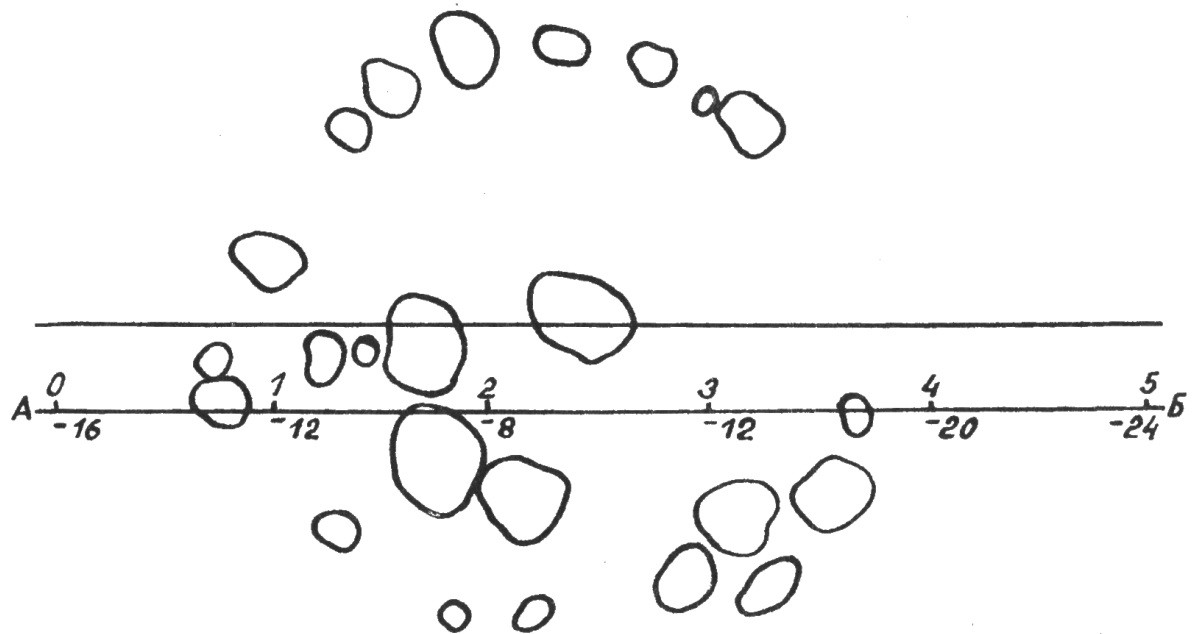

Рис.2

ЮАО-93
 Межелик
 КМ1
 НАСЫПЬ

0 120 см

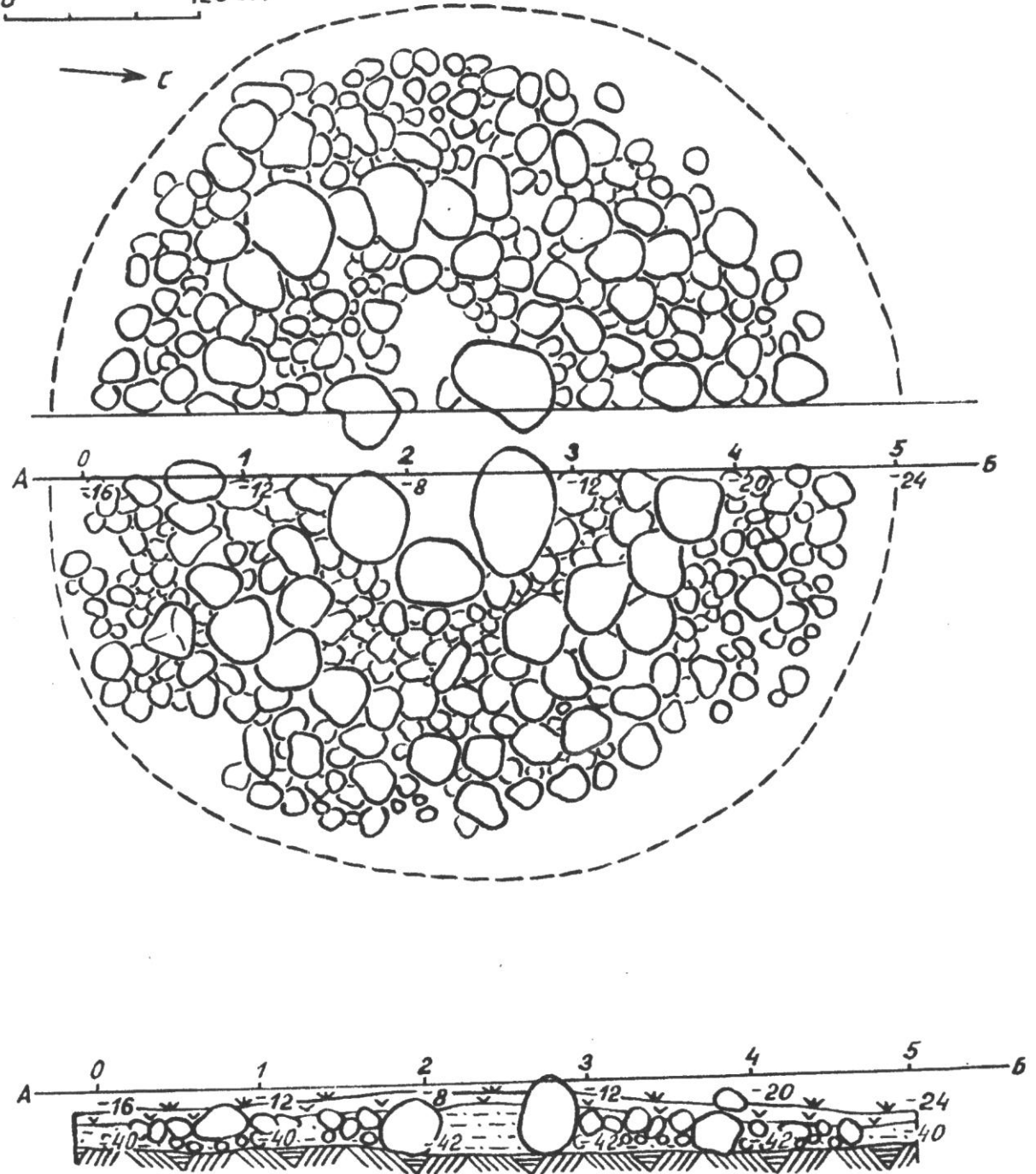

Рис.3

ЮАО - 93
Межелик
КЛ 1
ЯЩИК

0 30 см

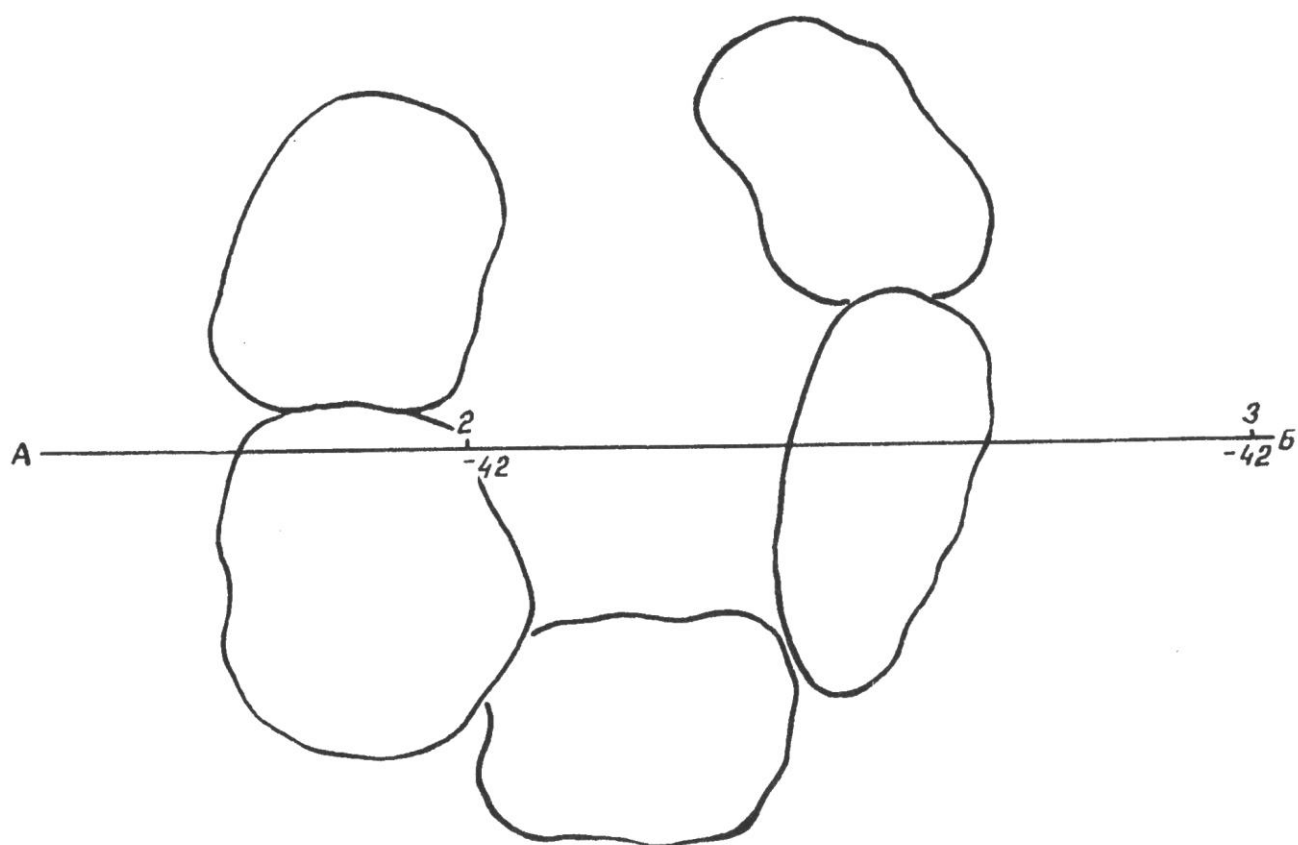

Рис.4

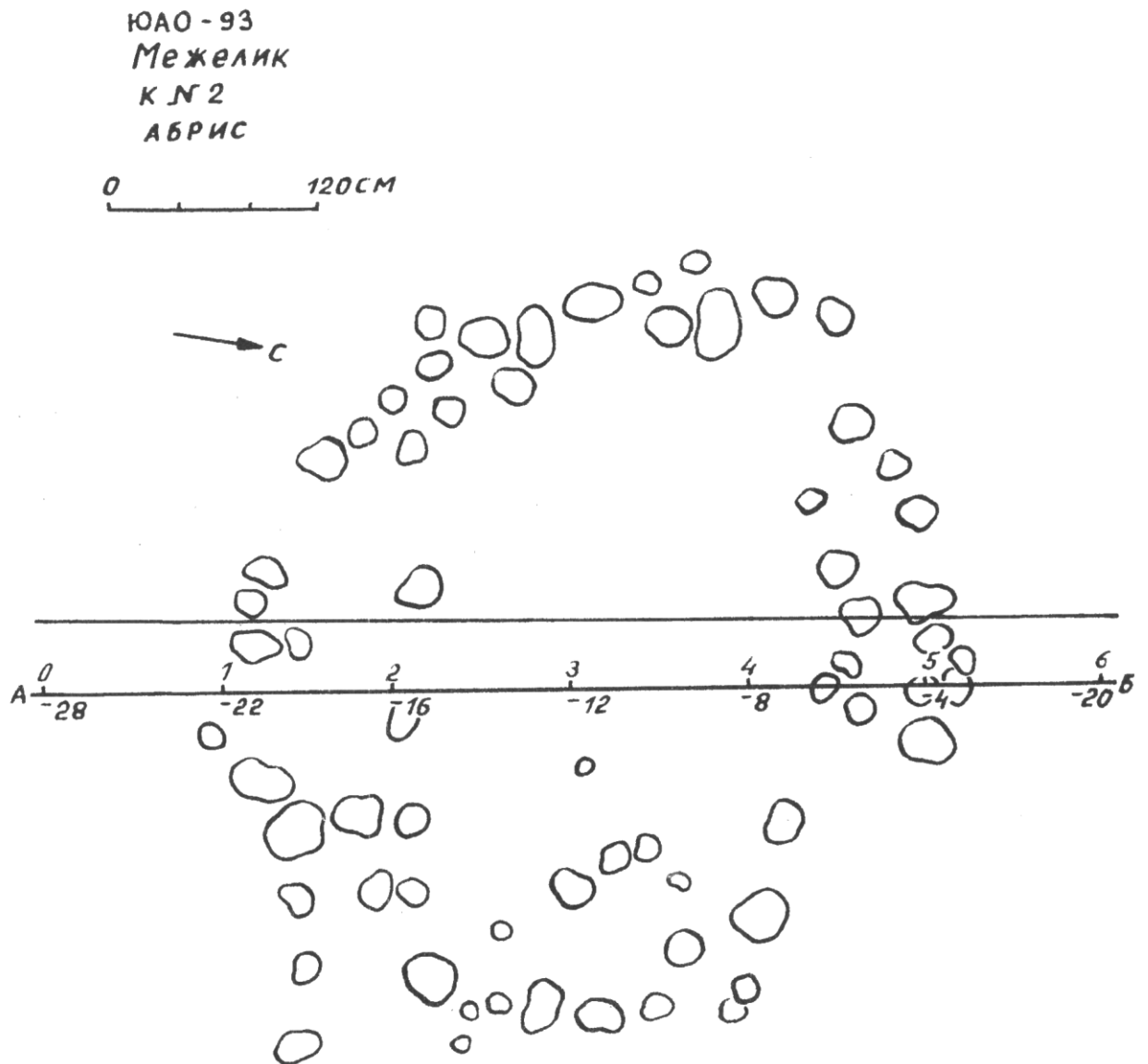

Рис.5

ЮАО-93
 Межелик
 КЛ 2
 НАСЫПЬ

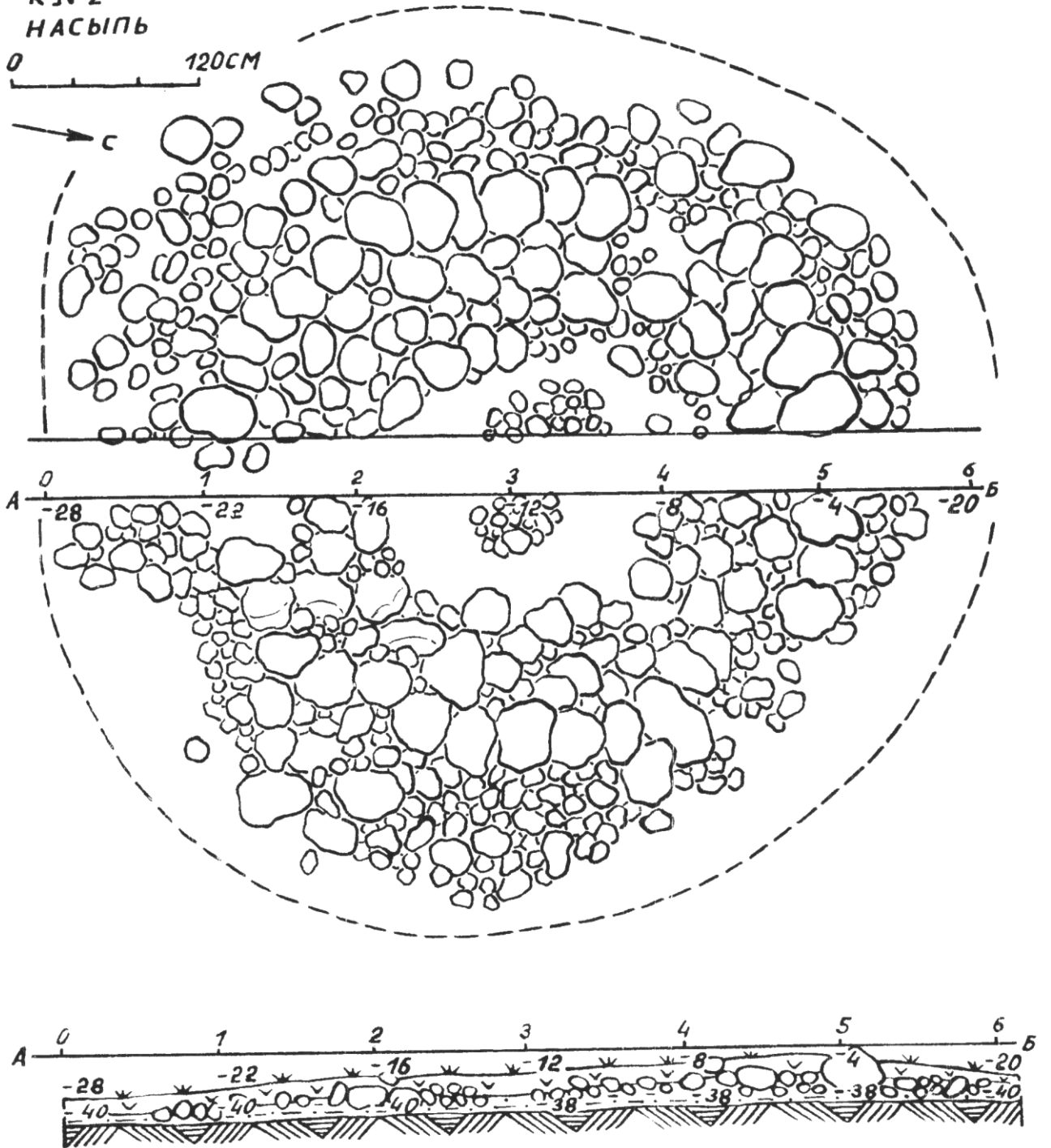

Рис.6

ЮАО-93
Межелик
к. № 2
погребение

0 30 см

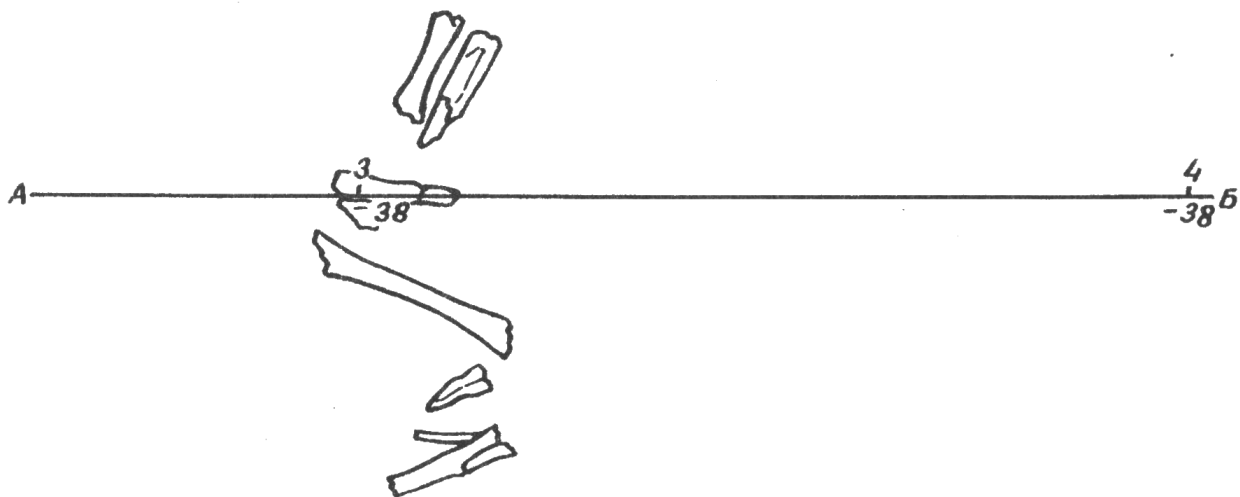

Рис.7

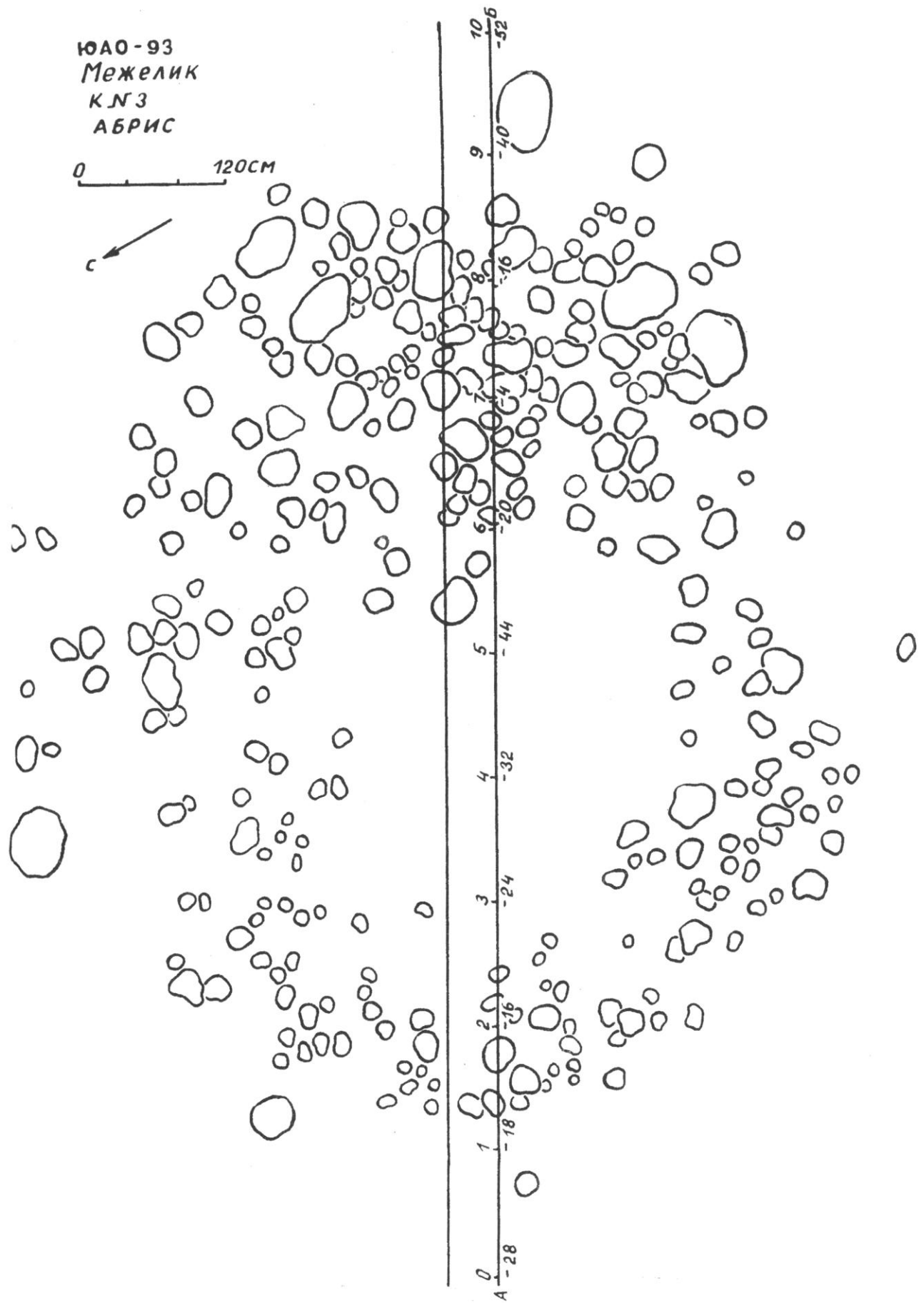

Рис.8

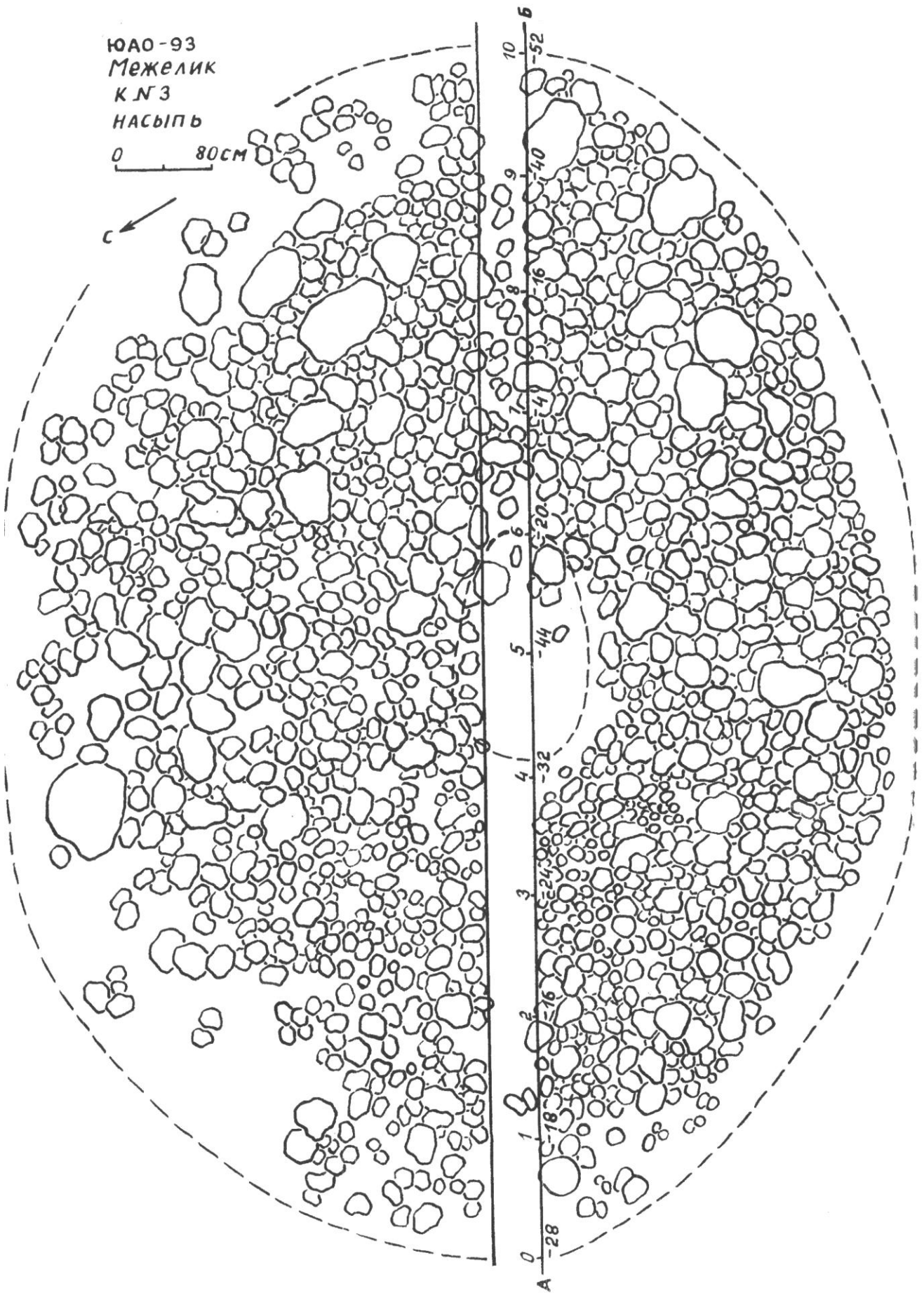

Рис.9

ЮАД - 93
Межелик
К. № 3
РАЗРЕЗ

0 120 CM

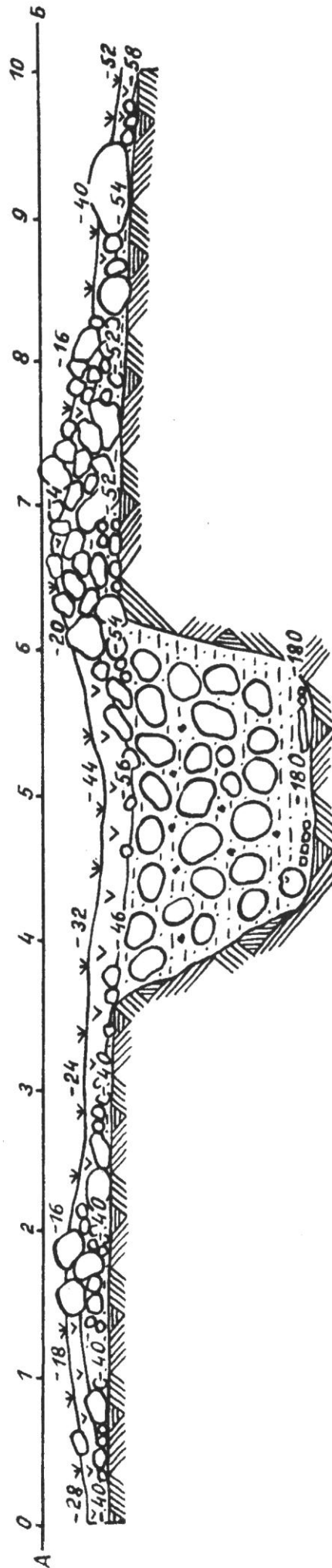

Рис. 10

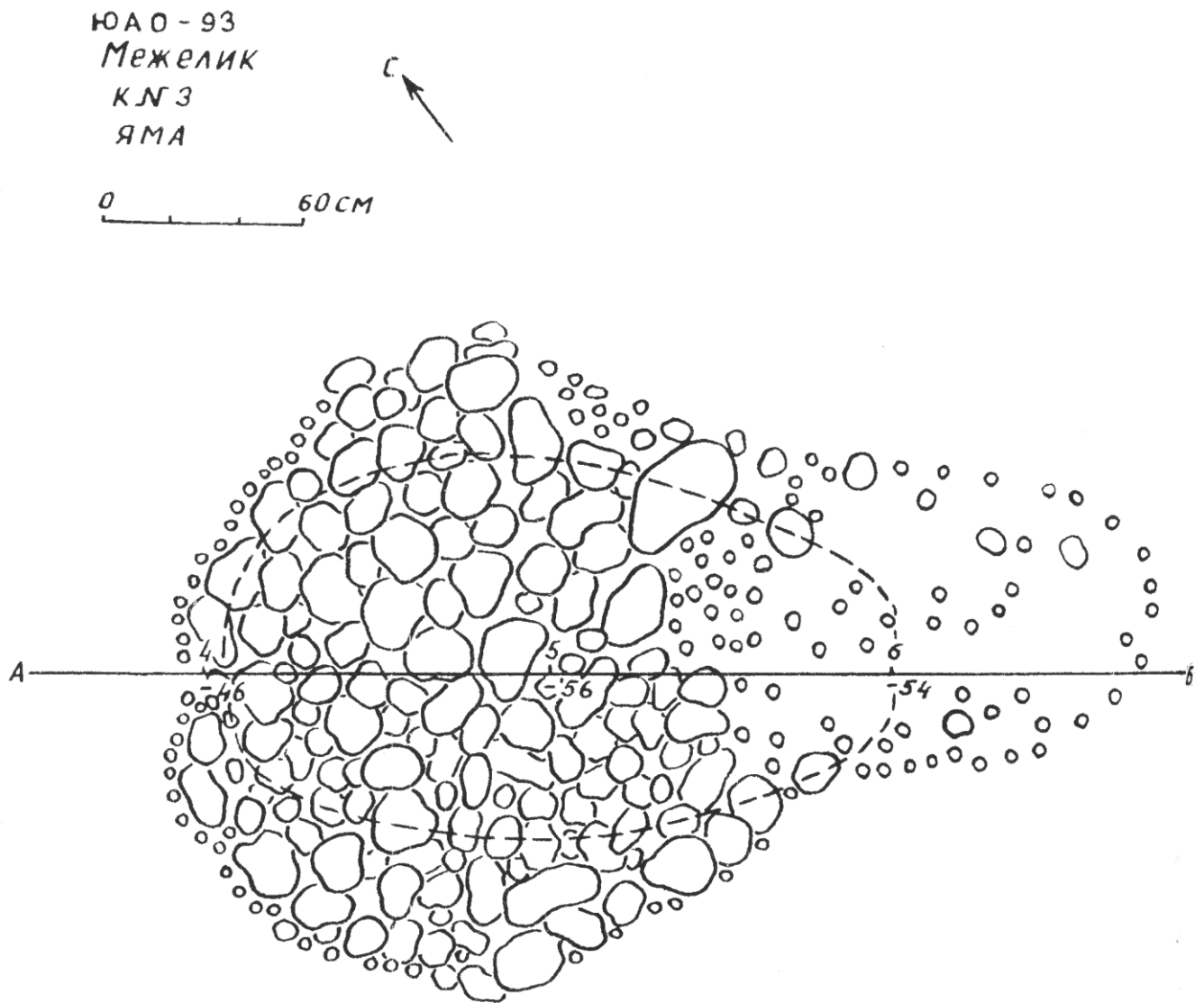

Рис.11

ЮАО-93
Межелик
КМЗ
погребение

0 30 см

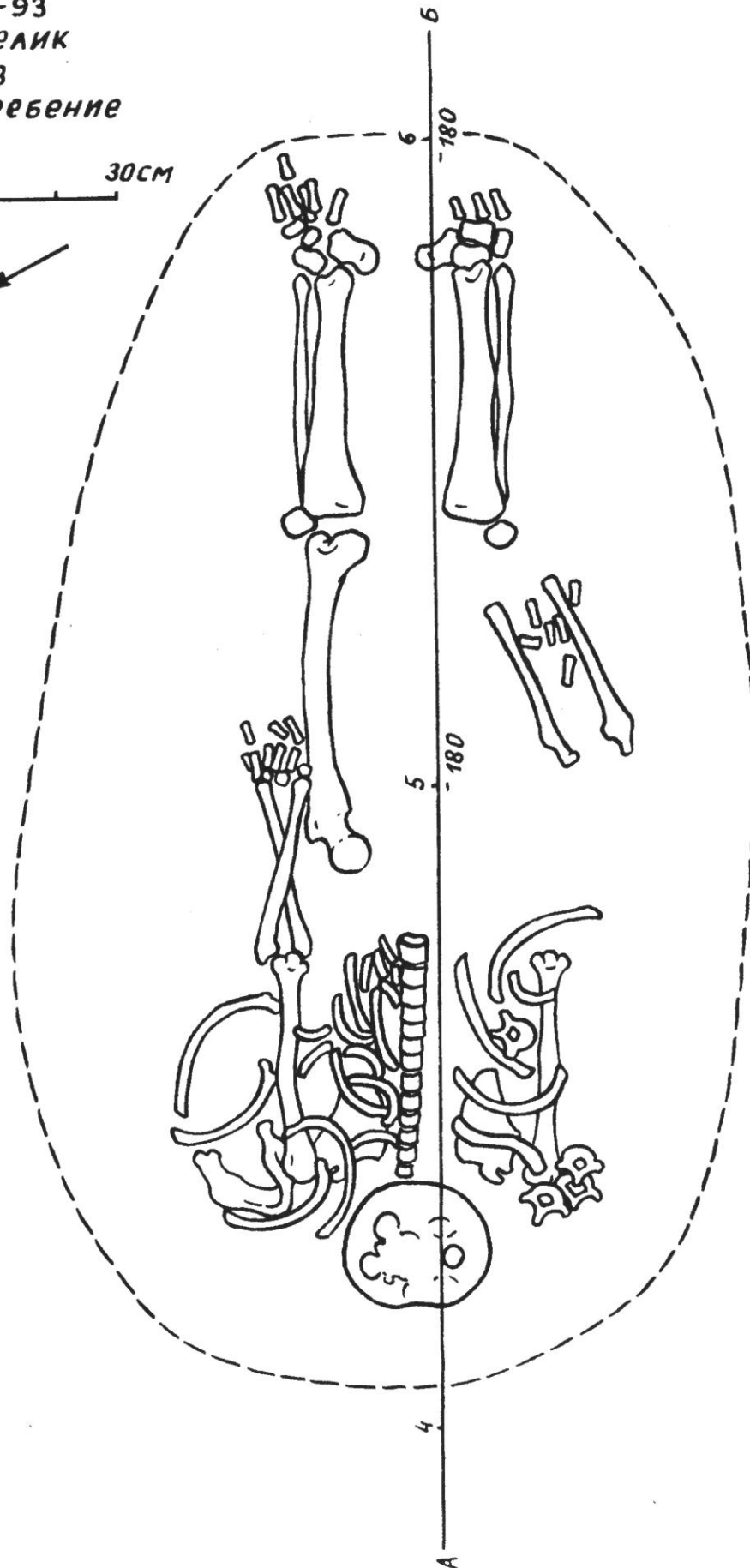

Рис.12

ЮАО-93
Межелик
К № 6
АБРИС

0 120 см

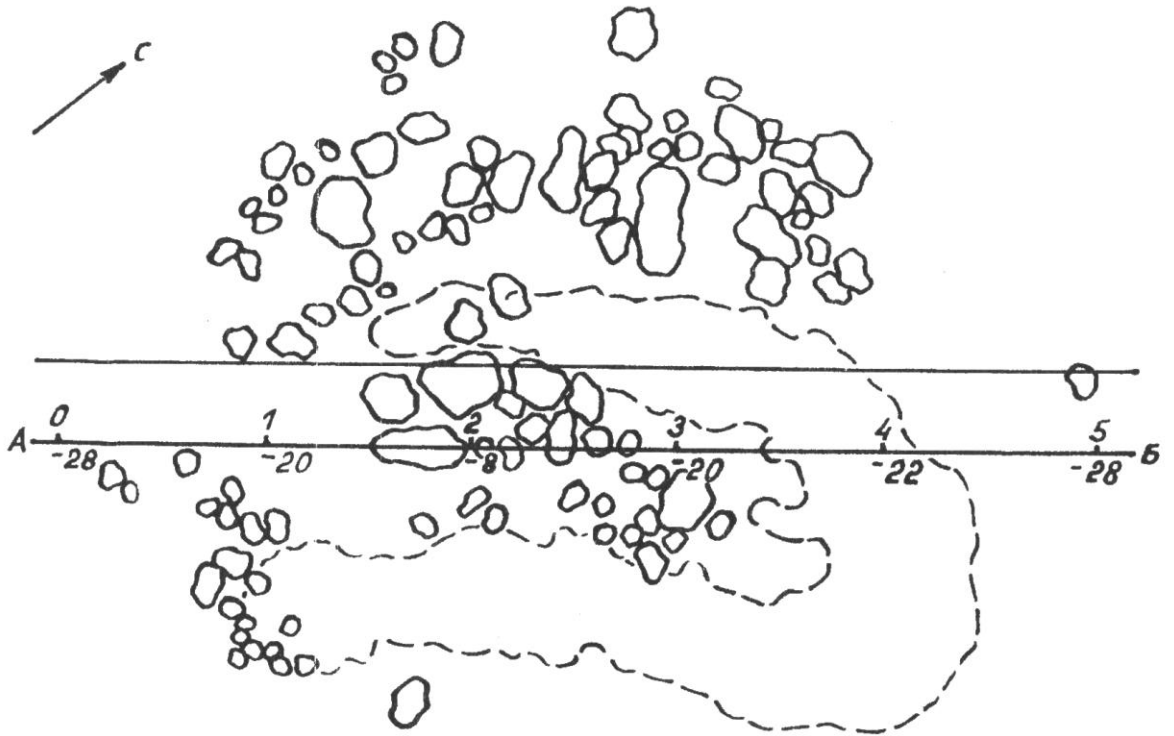

Рис.13

ЮАО-93
 Межелик
 К. № 6
 НАСЫПЬ

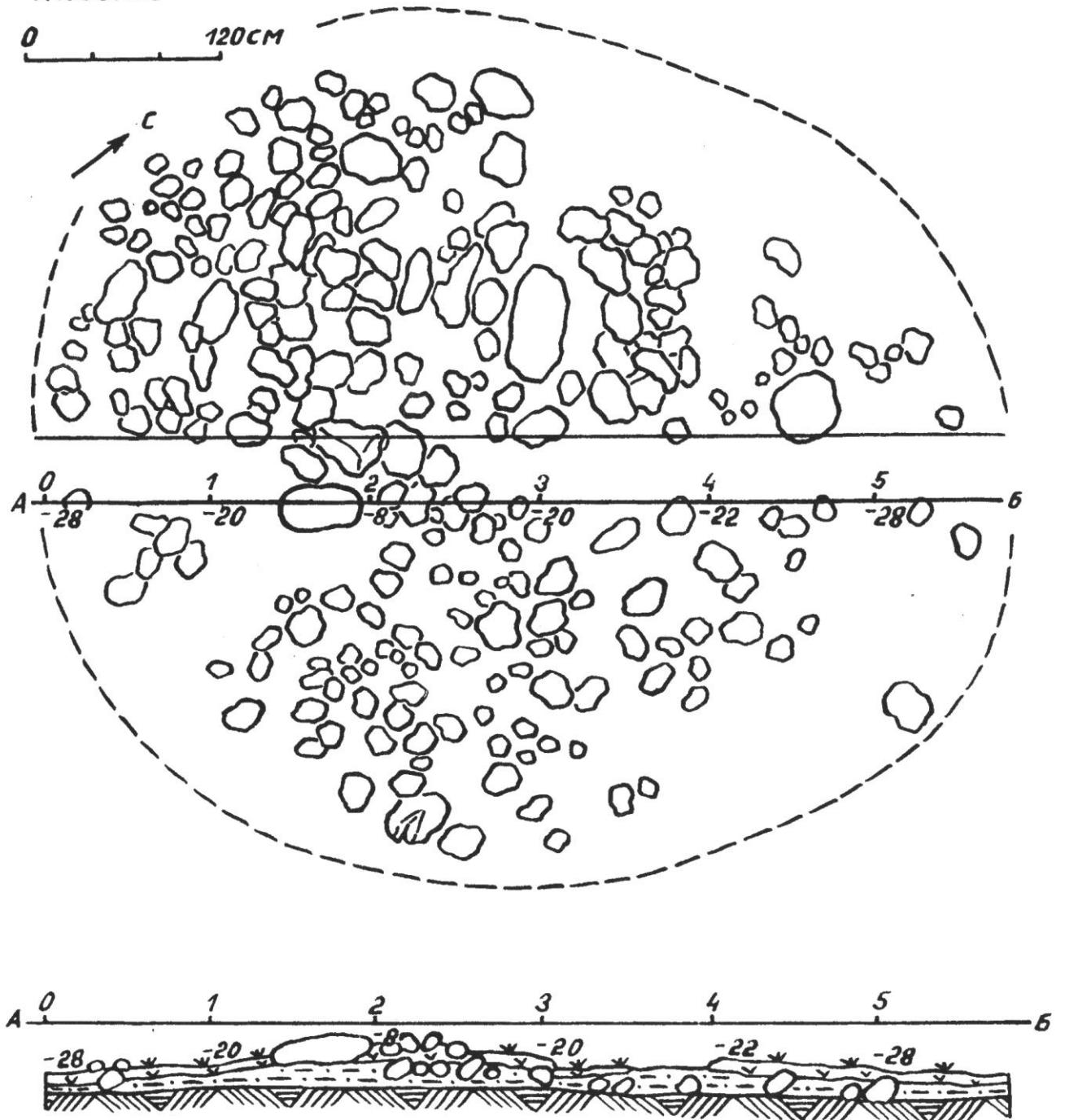

Рис.14

ЮАО - 93
Межелик
К Л 7
АБРИС

0 120 CM

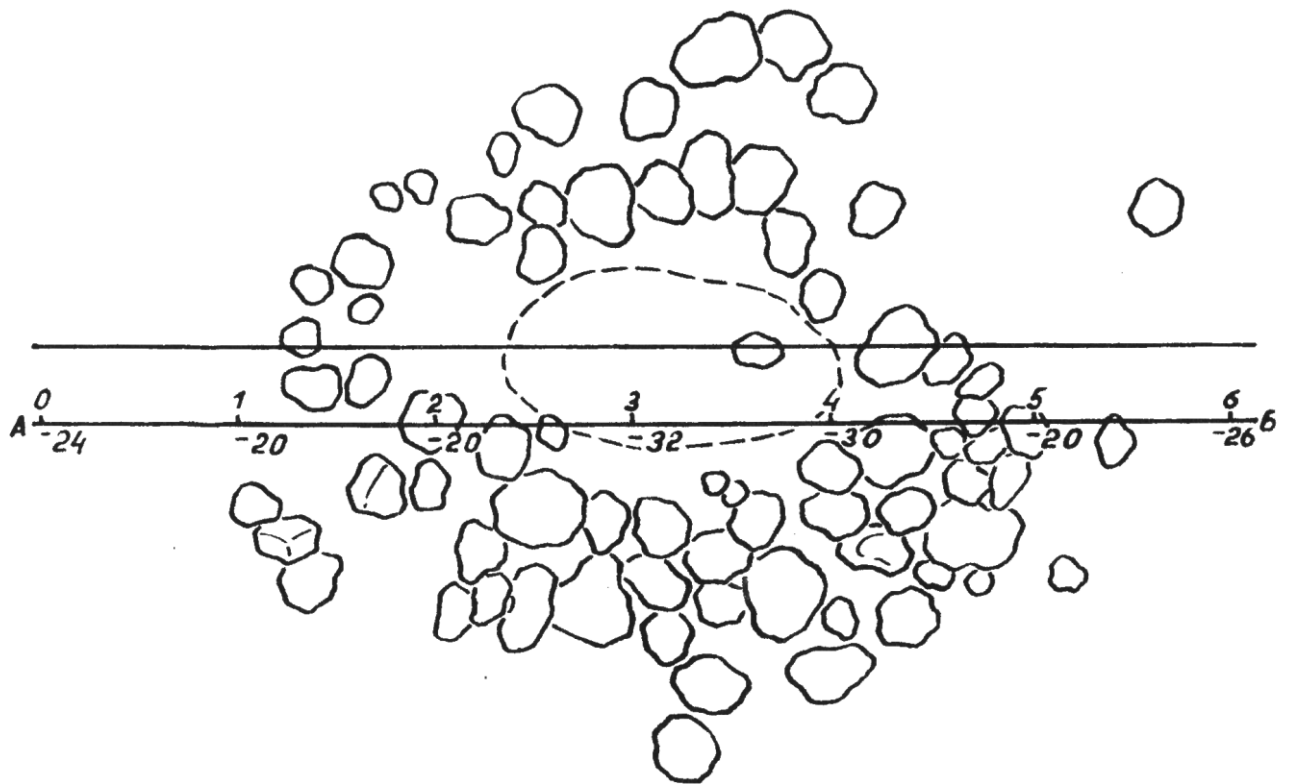

Рис.15

ЮАО - 93
 Межелик
 К. № 7
 НАСЫПЬ

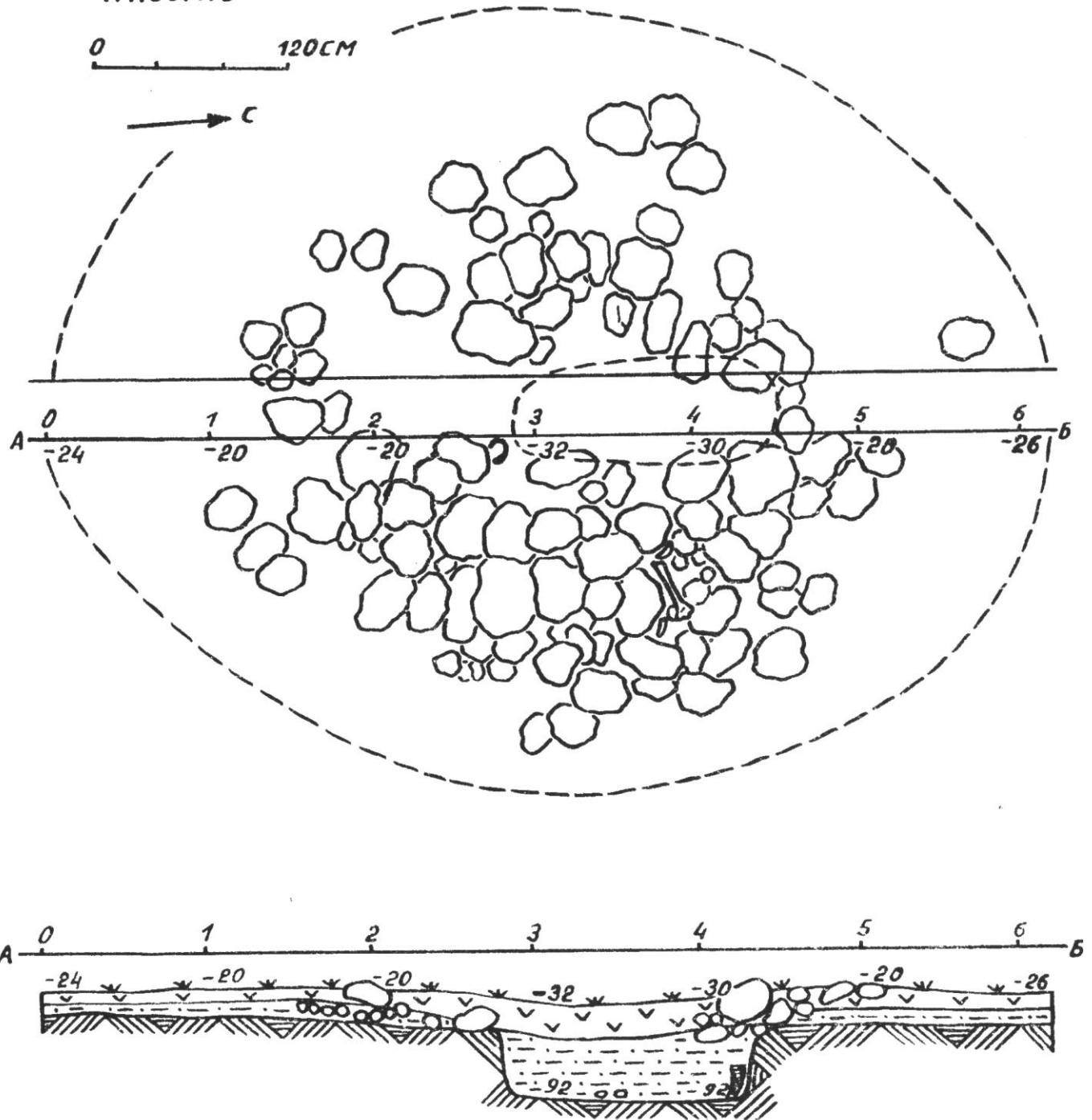

Рис.16

ЮАО - 93
Межелик
к.п. 7
погребение

0 30 см

С

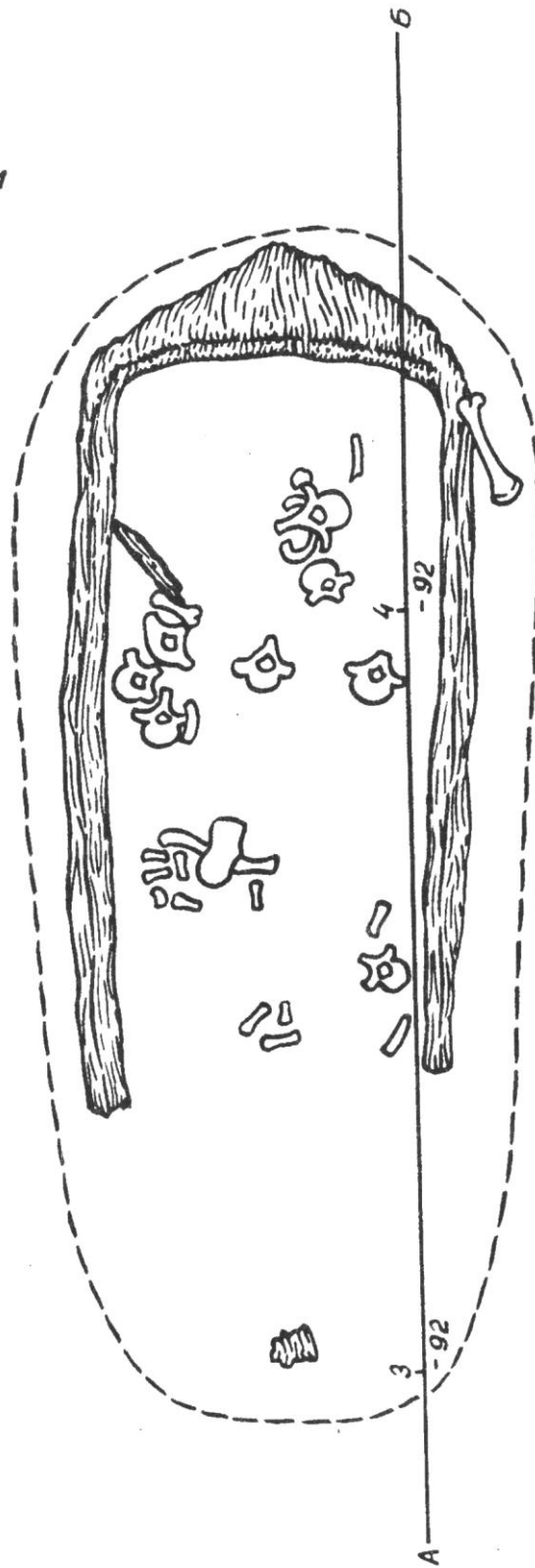

Рис.17

ЮАО-93
Межелик
КЛ8
АБРИС

0 120 см

→ С

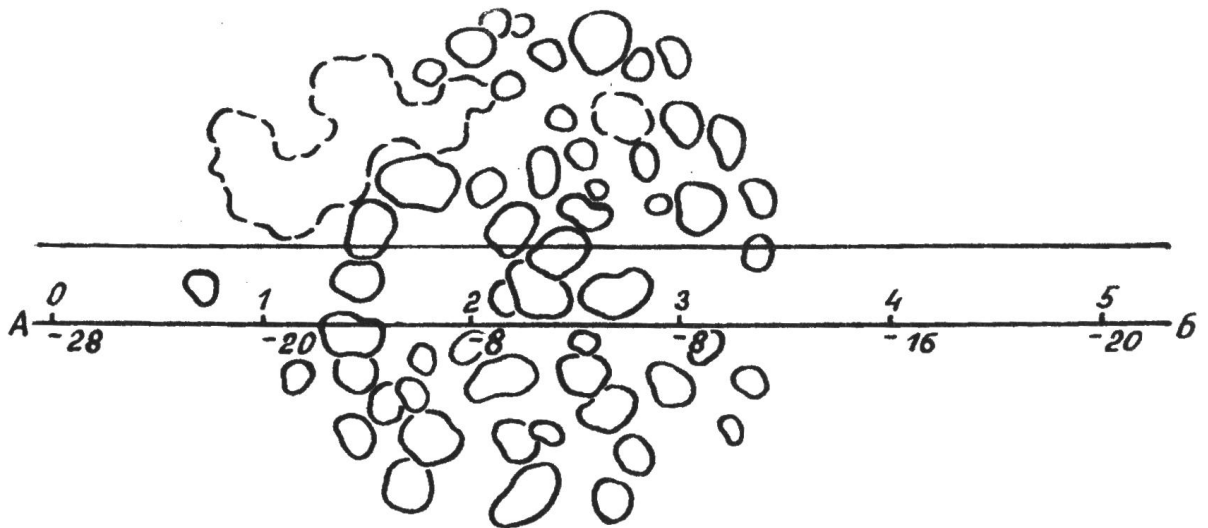

Рис.18

ЮАО - 93
 Межелик
 КЛВ
 НАСЫПЬ

0 120 см

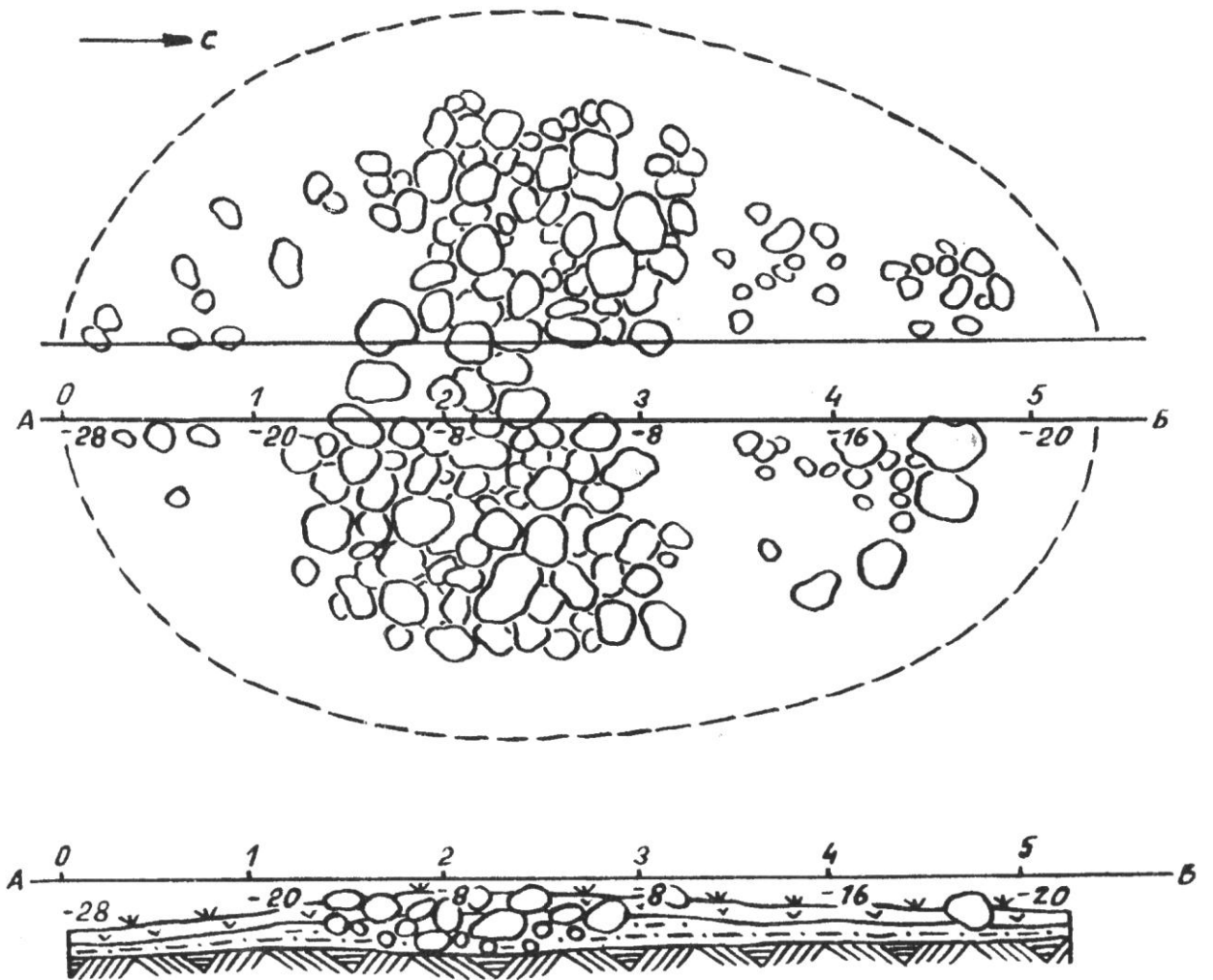

Рис.19

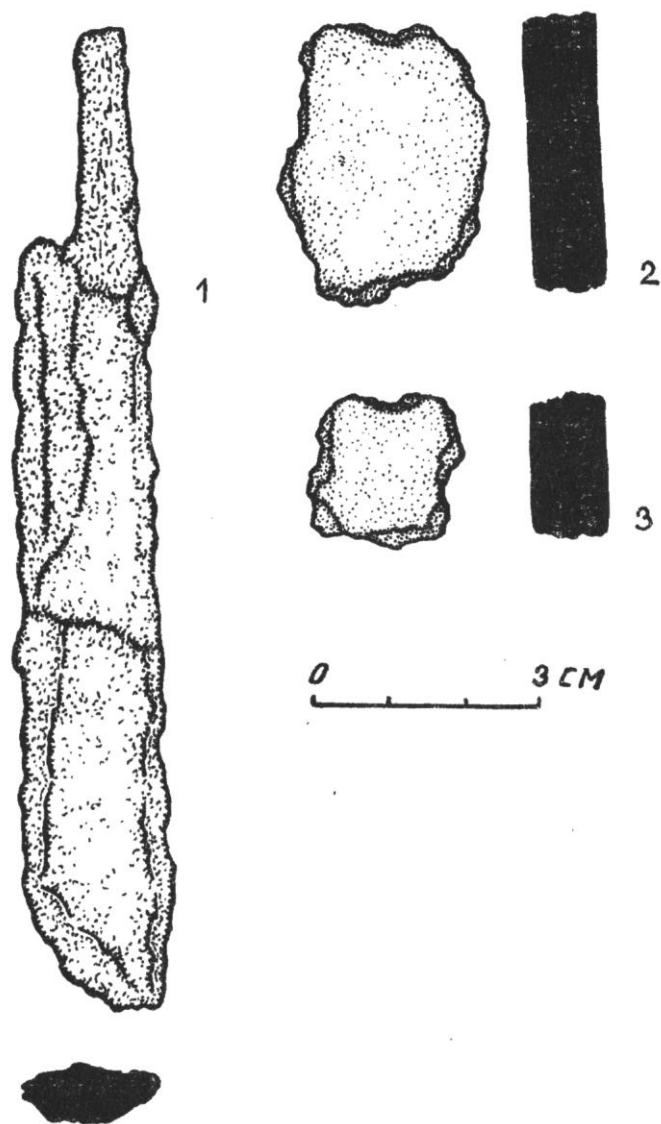

Рис.20

Список иллюстраций к статье Кочеева В.А., Ларина О.В., Худякова Ю.С.

- Рис.1 План могильника Межелик.
 Рис.2 Межелик к.1. Абрис.
 Рис.3 Межелик к.1. насыпь.
 Рис.4 Межелик к.1. Ящик.
 Рис.5 Межелик к.2. Абрис.
 Рис.6 Межелик к.2. насыпь.
 Рис.7 Межелик к.2. Погребение.
 Рис.8 Межелик к.8. Абрис.
 Рис.9 Межелик к.3. насыпь.
 Рис.10 Межелик к.3. Разрез.
 Рис.11 Межелик к.3. Яма.
 Рис.12 Межелик к.3. Погребение.
 Рис.13 Межелик к.6. Абрис.
 Рис.14 Межелик к.6. насыпь.
 Рис.15 Межелик к.7. Абрис.
 Рис.16 Межелик к.7. насыпь.
 Рис.17 Межелик к.7. Погребение.
 Рис.18 Межелик к.8. Абрис.
 Рис.19 Межелик к.8. насыпь.
 Рис.20 Межелик. Находки из курганов – 1 – железный нож к.7 2-3 – фрагменты керамики с поверхности могильника.

Екеев Н.В.

(г.Горно-Алтайск)

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В отечественной этнографии достаточно полно изучены вопросы этнического состава коренных жителей Алтая и их административной системы управления. Это стало возможным благодаря работам В.В.Радлова, Г.Н.Потанина, В.Вербицкого, Н.Ядринцева, Н.Аристова, С.П.Швецова, С.Патканова и других исследователей XIX–начала XX вв. Однако на наличие прямой связи между их административной системой управления и этническим (этнотерриториальным) делением обращалось очень мало внимания. Анализ данного вопроса посвящена настоящая статья.

Прежде всего, следует отметить, что процесс присоединения территории Алтая к России занял длительный период, почти два с половиной века. После основания городов Томска (1604 г.) и Кузнецка (1622 г.) в сферу влияния России попали Верхнее Приобье и Северный Алтай. В первой трети XVII в. в российскую государственную систему были включены (обложены ясаком, несли повинности) алтайские племена, занимавшие территорию бассейна реки Бии. Но они продолжали платить алман (подати) в пользу Джунгарского ханства [Долгих Б., 1960, с.105-117]. Иначе говоря, эти племена длительное время находились в двойной зависимости от России и Джунгарии. О порядке административно-территориального расселения северо-алтайских племен накануне гибели Джунгарского ханства можно судить из рапорта кузнецкого воеводы Шапочникова (от 10 августа 1745 год): “По обоим берегам Бии живут ясашные двоеданцы: 1) Волость *Кумандинская* – 1 сукти от Бийска, 110 человек ясашных, 2) выше по Бие – *Кузенская* волость, от Кумандинской в 20 верстах; ясашных 46 чел. 3) *Камляжская* волость, в 50 верстах, 51 человек, 4) *Кергежская* [Тиргешская] волость от Камляжской в 10 верстах, при самом Телецком озере; ясашных 43 чел. 5) От Кергежской волости два дня ходу лодками до *двоеданцев*, жи-

вущих по ту сторону Телецкого озера вместе с зенгорскими калмыками; численность ясашных не говорят, при сдаче ясака их собирается человек 100 и более. б) От Кумандинской волости 60 верст до *Таутелеутской* волости, которая кочует по берегам Катуня и по Найме. Ясашных татар здесь 51 чел. От них вниз по Катуня в 80 верстах, на той стороне реки, русская пограничная деревня Иконниково. На здешней же [кузнецкой] стороне Бии, по чернолесью, живут двоеданцы: *Шелкальская* волость, 46 человек; *Юсская* волость, 11 человек” [Потанин Г., 1866, с.88-89].

Переломным рубежом стала середина XVIII столетия. В сложной международной обстановке, сложившейся в результате разгрома цинским Китаем Джунгарского ханства, основная масса алтайцев (в то время назывались зенгорскими, т.е. джунгарскими теленгутами и урянхайцами) добровольно вошла в состав Российского государства. В связи с указанными событиями само собой отпал статус двойного подчинения северо-алтайских племен. Значительная часть теленгутско-урянхайского населения (до 3 тыс.чел.), после принятия российского подданства, подверглась принудительному переселению на Волгу к калмыкам. По этому поводу Г.Н.Потанин отмечал, что “ошибочное понятие высшего сибирского начальства о племенном родстве теленгутов с калмыками, имело дурное последствие для теленгутов и увеличило их бедствия” [Потанин Г., Семенов П., 1877, с.368]. В горах Алтая осталась лишь та часть теленгутов и урянхайцев (сойоны и др.), которая уклонилась от переселения на Волгу под видом тау-телеутов (бывших “двоеданцев”), или скрылась в труднодоступных горных местностях. В административном отношении они были распределены на пять алтайских дючин в составе Кузнецкого округа. А с 1804 г., в связи с образованием Томской губернии, алтайские дючины были включены в состав вновь образованного Бийского округа. К концу первой четверти XIX в. число алтайских дючин возросло до семи, за счет образования 6-й (1804 г.) и 7-й (1823 г.) дючин.

В первой трети XIX в. в горном Алтае образуются оседлые управы телеутов-баятов (переселенцев из Кузнецкого округа) и селения русских крестьян.

К востоку от земель алтайских дючин, т.е. по долинам Чуи, Башкауса и Чолушмана находились два теленгутских отока (волости), которые в середине XVIII в. приняли подданство цинского Китая. Однако с XIX в. они стали вносить ясак в российскую казну. Поэтому, их называли *калмыками-двоеданцами* или *чуйскими двоеданцами*. В 1865 г. они полностью перешли в состав Российского государства. Этому событию предшествовали подписание Чугучакского договора (1864 г.) и демаркация алтайского участка российско-китайской границы. На рубеже XIX-XX вв. коренное население Алтая распределялось на семь дючин, девять кочевых волостей и четыре оседлые управы (см. табл.1).

До начала XX в. система самоуправления алтайцев сохраняла некоторые черты, унаследованные от джунгарского времени. Так, во главе дючины (по народной традиции – *отока*) стоял зайсан. Дючина подразделялась на податные единицы примерно в 100 дворов – арманы (по традиции – *дёчины*), которыми ведали демичи. Арман состоял из десятидворок (собственно арбаны) во главе с десятскими-арбанаками. До 1880-х гг. указанные должности были наследственными, т.е. переходили от отца к сыну, а при его отсутствии – к брату или близкому родственнику по отцовской линии.

О реальном существовании в XIX в. дёчинов наглядно свидетельствует структура Нижне-Кумандинской волости. Она состояла в соответствии с общим количеством родов (сёков), из восьми дючин, т.е. *дёчинов* [Швецов С., 1900, с.235]. Примерно такой же порядок существовал в других кочевых волостях и алтайских дючинах. Для иллюстрации приведем факты. В конце XIX в. 1-я алтайская дючина (оток зайсана рода мундус) объединяла людей семи родов, каждый из которых имел демичи. Здесь, следовательно, было семь дёчинов (арманов). Во 2-й дючине (отоке зайсана-кыпчака) было также семь демичи (дёчинов): 4 – кыпчаков, 2 – кёбёков и 1 – алматов. А мелкие сёки отока объединялись в арбаны (10-15 дворов). В 3-й дючине (отоке зайсана рода кара-тодош) имелось четыре дёчина: 2 – тодошей и по одному у мундусов и очы. Остальные сёки объединялись также в арбаны. 7-я алтайская дючина (оток зайсана рода майман) состояла из 4-х дёчинов майманов и 1 дёчина тонгжонов. В Южской волости, согласно числу подразделений сёока юс (саргайчыюс, шаёмак-юс и др.), было 4 дёчина. Подобный же порядок существовал в Кузенской волости [Швецов С., 1900, с.237,245]. В 1-й Чуйской волости (отоке зайсана-тёёлёса) было три дёчина, по одному у родов тёёлёс, оргончы и алмат. Во 2-й Чуйской волости (отоке зайсана рода ак-кёбёк) имелось четыре дёчина: по одному у ак-кёбёков (включал арбан

местных иркитов), саалов, кыпчаков (в т.ч. арбаны мундусов, кергилов, тонгжонов) и моголов (включал арбаны кара-кёбёков и ябаков) [Луценко Е., с.17-18]. Такие же порядки были в 4, 5 и 6-й алтайских дючинах (см. табл.2). Отжившая свой век патриархально-родовая система самоуправления алтайцев была окончательно упразднена в ходе земельной и административной реформ 1911-1913 гг. Вместо неё были образованы 19 волостей (с сельскими обществами) общекрестьянского образца.

Таким образом, на этническое развитие алтайцев, включая формирование их этнической структуры, существенно повлияли, во-первых, длительный процесс присоединения территории Алтая к России, проходивший в три этапа (1620-30-е гг., 1756 и 1865 гг.). А во-вторых, патриархально-родовой принцип самоуправления алтайцев, продолжительное существовавший в системе российской государственности.

На рубеже XIX-XX вв. коренное население Алтая распределялось на шесть этнотерриториальных групп: алтай- или ойрот-улус (алтайские ойроты, теленгеты), чуй-улус (чуйские теленгеты), байат-улус (телеуты-баяты), йыш- или туба-улус (тубалары, ары-телеуты), куманды-улус (кумандинцы) и шалканду-улус (чалканцы). Основу первой этнотерриториальной группы составило население семи алтайских дючин, второй группы – двух чуйских волостей, третьей – трех управ, четвертой – четырех “черневых” волостей, пятой – двух одноименных волостей и шестой группы – Кондомо-Шелкальской волости. Предложенная здесь терминология этнотерриториальных групп отличается от существующей в историко-этнографической литературе, т.е. во второй части сложных этнонимов вместо “кижи” пишется “улус”. Поэтому внесем некоторые пояснения. Согласно нормам алтайского языка, например, одного человека русской национальности называют *орус киж* (русский человек), большую группу русских людей (например, население волости, уезда) – *орус улус*, а весь русский народ – *орус калык*.

Конкретные материалы свидетельствуют о том, что к концу XIX столетия, в связи с заметным ростом численности коренных жителей Алтая (см. табл.1) их традиционная этническая структура фактически была воссоздана [Екеев Н.,1998]. Эта система включала следующие структурные подразделения: этнотерриториальные группы - *улусы*; административно-этнические единицы (дючины, волости) - *отоки*; роды – *сёоки*; подразделения родов – *бёлюки (кезеки)*; кланы (фамилии) – *уйа (оду)*. Следует заметить, что все основные структурные подразделения имели крупные сёоки, которые доминировали в дючинах и кочевых волостях. Их величина колебалась от 500 до 3000 человек [см. табл.2]. Мелкие сёоки (от 50 до 300 человек), например *јети-сары*, *коболу*, *тангды*, не имели подразделений, а состояли только из фамилий (кланов).

В этнической структуре ключевое место занимал род (сёок). Однако следует отметить, что в родах, имевших внутренние подразделения, термин “сёок” мог использоваться в двух значениях. Например, в этнической общности *майман* термин “сёок” мог применяться в отношении всей общности и ее двух подразделений. Иначе говоря, носитель этого этнонима мог сказать: “Я из сёока майман” и (или) “я из сёока кара-майман (кёгёл-майман)”. В целом, за подобным явлением, очевидно, просматривается процесс перерастания подразделений сёоков в сторону приобретения ими статуса сёока, ибо каждый такой сёок занимала значительное место в дючине (волости) во главе которого стоял зайсан – сородич.

Отечественные исследователи [Левин М.; Потапов Л.] обратили внимание на наличие отношений родства (“карындаш”) между отдельными алтайскими родами. Эта традиция складывалась в течение многих столетий и, очевидно, тесно связана с административной системой управления алтайцев джунгарского периода и особенно российского времени. В большинстве случаев отношения – карындаш были тесно связаны с объединением родов в отоки и с правилами соблюдения определенных правил (обычаев). В других случаях это могло стать результатом отпочкования от крупного рода какого-то подразделения и приобретения им статуса самостоятельного рода в рамках отока. Наконец, данная традиция могла иметь древние корни, т.е. была обусловлена существованием общего реального или мифического предка (человека, животного, птицы) у нескольких родов.

Фольклорно-этнографические материалы позволяют сгруппировать алтайские сёоки по степени их родства (“карындаш”). В первое группу (сообщество) сёоков-“карындаш”, входили тодош, чапты и очы. Но через родство с тодошами в неё причисляются также сёоки чагантык, каал, байлагас, а иногда – кёжее и тонгжон. Они, как и доминирующий род тодош, в основном представлены в 3 и 5-й алтайских дючинах. В следующее сообщество, во

Таблица 1

Численность коренного населения горного Алтая (в пределах Бийского округа), тыс. человек, 1763–1912 гг.*

Административные единицы	1763 **	1797 **	1816	1832	1859 **	1880	1897	1912 ***
Алтайские дючины (все), в том числе: 1-я	0,7 0,2	2,3 0,4	4,9 0,7	7,9 1,2	11,5 1,6	14,2 2,3	20,3 3,6	25,4 7,3
2-я	0,1	0,3	0,5	0,9	1,6	1,9	3,3	
3-я	0,1	0,2	0,5	0,8	1,3	1,4	2,1	>10,7
4-я	0,1	0,6	1,3	2,0	3,0	3,4	4,0	
5-я	0,2	0,8	1,6	1,6	2,2	2,7	3,7	
6-я	-	-	0,3	0,5	0,7	1,0	1,2	> 7,4
7-я	-	-	-	0,9	1,1	1,5	2,2	
Чуйские кочевые волости в т. ч. 1-я	с.н.	с.н.	с.н.	с.н.	С.н.	2,2 0,9	5,2 1,7	7,1 1,9
2-я						1,3	3,5	5,2
Черневые кочевые волости в т.ч. Комляжская (Комдош)	1,0 0,4	1,1 0,5	1,2 0,5	2,0 1,0	2,9 1,4	3,2 1,3	4,5 1,8	5,1 2,2
Кергешская (Тиргеш)	0,2	0,3	0,3	0,4	0,7	0,8	1,2	1,5
Кузенская (Кузен)	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4	0,7	0,8	1,0
Южская (Юс)	0,2	0,1	0,1	0,3	0,4	0,4	0,7	0,4
Кондомо-Шелкальская кочевая волость	0,2	0,1	0,2	0,3	0,5	0,7	0,9	1,2
Кумандинские волости в т.ч. Верхне-Кумандинская	0,8 -	0,9 0,2	1,3 0,3	1,3 0,5	2,2 0,6	2, 0,9	3,9 0,9	4,2 1,1
Нижне-Кумандинская	-	0,7	1,0	0,8	1,6	1,1	3,0	3,1
Управы оседлые, в т.ч.: Улалинская (Быстрианская)	- -	- -	- -	0,1 -	1,4 1,0	1,6 1,2	5,7 3,5	2,8 2,3
Кокшинская	-	-	-	0,1	0,1	0,1	1,7	-
Мьютинская (Сарасинская)	-	-	-	-	0,3	0,3	0,5	0,5
Другие	-	-	-	-	-	1,4	0,6	0,2
Итого	2,7	4,4	7,6	11,6	18,5	25,3	41,1	46,0

***Источники:** 1763 г. – Потанин Г., Семенов П., 1877, с.381; 1797 г. – ГААК; 1816 и 1832 гг. – РГИА; Владимиров В.Н., 1984, с.115-126; 1859 г. – Зверинский В., 1868, с.63-65,72; 1880 г. – Ядринцев Н.М., 1891, с.289-307; 1897 г. – Патканов С., 1911, с.197-223,282-283; 1912 г. – ГАТО; Памятная книжка Томской губернии на 1913 год, с.129-130.

**На 1763, 1797 и 1859 годы имеются сведения только о податном (мужском) населении. Следовательно, общая численность населения исчислена с учетом полового состава населения за другие годы.

*** В источниках на 1912 г. статистические данные объединены по 2-4 и 5-7 дючинам.

главе с родом тёлёс (включая оргончы и јети-тас), входили сёоки кёбёк, сагал, алмат, могол, јабак и тёрбёт. Они составили население 6-й алтайской дючины и двух чуйские волостей. Третье, более аморфное сообщество состояло из сёоков кыпчак, мундус и кергил. Однако согласно легендам мундусы и тёлёсы произошли от одной прапаматери [НТП, с.183-184]. Через традицию родства «карындаш» отчетливо просматривается этногенетическая связь между тремя улусами алтайцев. Их этническую основу составляли указанные крупные сёоки, вокруг которых объединялись другие родственные сёоки. Согласно материалам переписи 1897 г. удельный вес трех рассмотренных сообществ (групп) родов составил две трети населения семи алтайских дючин и двух чуйских волостей вместе взятых. Доля некоторых указанных сёоков (мундус, тодош, очы) была значительной и в байат-улусе. В четвертую группу входили роды иркит, мюркют и меркит. К иркитам непосредственно примыкали сёоки сойонг, коболу (иначе, сары-сойонг) и тангды. А с родом тангды в родстве (карындаш) состояли сёоки ара, тумат и богускан. Указанные роды входили, в основном в 4-ю дючину, где ведущую роль играл род иркит. Пятое сообщество образовали сёоки майман и ябыр. Наконец, шестую группу составили сёоки модор и юлюп (ёлюк). Последние три сообщества (группы) относятся к традициям алтай-улуса. В јыш (туба)-улусе выделялись четыре группы: тиргеш (входили сёоки тогус, чагат и тибер), комдош

(комдош, ярлык и јаланг), кюзен (кюзен и часть шалканду) и юс (юс и шор). В административном отношении эти группы составляли четыре “черневые” кочевые волости (см. табл.2).

Как видим, традиционная многоступенчатая этническая структура (и самосознание) алтайцев, формировалась на протяжении многих столетий. До середины XVIII в. на неё существенное влияние оказала административно-территориальная система управления Джунгарии, а в дальнейшем Российского государства.

Таблица 2

Численность населения по сёокам (1–7 дючины, 1–2 чуйские волости, 1897 г.)*

Сёоки	1-я дюч.	2-я дюч.	3-я дюч.	4-я дюч.	5-я дюч.	6-я дюч.	7-я дюч.	1-я чуй.	2-я чуй.	Черн. вол.	Др. вол.	Всего
1. Тодош (Юс-)	416	7	1020	13	1504	4	33	-	-	-	4	3001
2. Чапты	158	-	-	-	400	-	-	-	-	-	-	558
3. Очы	83	-	445	-	-	-	-	-	-	-	-	528
4. Байлагас	-	-	2	396	-	-	-	-	-	5	-	403
5. Јетисары	-	-	-	-	295	-	-	-	-	-	3	298
6. Чагантык	-	89	-	-	-	-	-	-	-	-	29	118
7. Каал	-	-	-	-	118	-	-	-	-	-	-	118
8. Кёжёё	-	-	-	-	139	-	-	-	-	-	-	139
9.Тонгжош	639	-	105	-	4	-	226	-	128	-	4	1106
10. Тёёлёс (Оргочы-, Јетитас-)	2	138	-	10	-	1180	3	450	-	-	16	1799
	-	-	-	-	-	-	-	256	-	-	-	256
	-	-	-	-	-	-	-	253	-	-	-	253
11. Алмат	2	95	7	-	1	-	-	542	9	-	4	660
12. Тёрбёт	-	-	-	56	-	-	-	-	-	-	-	56
13. Кёбёк	-	561	3	-	-	-	-	5	1034	-	-	1603
14. Јабак	-	-	-	-	-	-	-	6	240	-	-	246
15. Могол	-	-	-	3	-	-	-	-	205	-	-	208
16. Сагал	-	-	15	-	-	-	-	7	912	-	-	934
17. Кыпчак	-	1674	4	3	-	-	-	2	434	-	-	2117
18. Кергил	444	-	-	3	588	-	-	4	50	5	6	1100
19. Мундус	876	-	397	-	5	-	64	-	75	12	12	1429
20. Майман (Јабыр-)	2	6	-	21	270	4	1637	-	-	-	-	1940
21. Иркит	1	42	4	1865	-	6	10	4	69	-	14	2015
22. Соёнг	-	-	7	604	44	21	8	-	-	5	39	728
23. Коболу	-	-	-	348	-	-	-	-	-	-	7	355
24. Меркит Мюркут	-	-	-	22	144	-	-	-	5	-	-	171
25. Ара	-	-	-	245	-	-	-	-	-	-	-	245
26. Тангды	-	-	-	229	-	-	-	-	-	46	-	275
27. Юлюп (Ёлюк)	231	-	-	44	-	-	-	-	-	-	-	275
	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	7
28. Модор	-	-	-	72	-	-	-	-	-	-	-	72
29. Тумат	-	-	72	-	-	-	-	-	-	-	9	81
30. Богускан	19	-	30	-	-	-	-	-	-	-	-	49
31. Бурут	-	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
32. Мерет	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Неизвестно	525	5	6	29	56	5	63	76	44			
Итого	3398	2626	2118	3973	3569	1220	2044	1640	3209			

Таблица 2 (окончание)

Численность населения по сёокам (4 черневые волости, 1897 г.)*

Сёоки	Комлжская	Кергешская	Кузенская	Южская	Другие	Всего
1. Комдош		1037	1	-	-	1038
2. Ярлык		413	-	-	11	424
3. Кюзен (Тентерек-, Педёбыш-)		-	-	716	-	716
4. Юс (Самай-)		-	18	8	613	639
5. Тогус		-	497	-	33	530
6. Чагат		158	356	-	28	514

7. Тибер	-	228	-	-	-	228
8. Шор	-	-	-	51	8	59
9. Жаланг	96	-	-	-	-	96
10. Жууты	-	-	31	-	14	45
11. Тёрт-тас	-	-	19	-	7	38
Другие	15	7	52	6		
Неизвестно	138	4	18	44		
Итого	2044	1112	844	725		

Источник: Швецов С.П., 1900, приложения

Источники

ГААК – Государственный архив Алтайского края, ф.169, оп.1 (доп.), д.48, л.218-221

ГАТО – Государственный архив Томской области, ф.3, оп.71, д.3, л.1-2; ф.234, оп.1, д.439, л.2-5

РГИА – Российский государственный исторический архив, ф.468, оп.9, д.1042, л.439-440

Литература

1. Владимиров В.Н. Численность и расселение южных алтайцев в XVII-XIX веках // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1984. – С.115-126
2. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960
3. Екеев Н.В. Этнодемографическая характеристика населения Алтая XIX-начала XX вв. //Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая. – Горно-Алтайск, 1998. – Вып.2. – С.49-56
4. Зверинский В. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1868
5. Левин М.Г. Роды «карындаш» у алтайцев // СЭ, 1947. – Вып.6-7
6. Луценко Е.И. Поездка к алтайским теленгетам // Землеведение. – М., 1898. – Кн.1-2. – С.1-37
7. НТП – Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Отделение 1. Образцы народной литературы / составитель В.Радлов. – СПб., 1866
8. Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. – Томск, 1913
9. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев. Т.2 // Записки ИРГО по отделению статистики. – СПб., 1911. – Т.ХI. – Вып.2
10. [Потанин Г.Н.] Материалы для истории Сибири / Сост. Г.Н.Потанин // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1866. – Кн.4
11. Потанин Г.Н., Семенов П.П. Дополнения // Риттер К. Землеведение Азии. – СПб., 1877. – Т.4
12. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969
13. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. – Барнаул, 1900. – Т.1. – Вып.1
14. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891

Самаев Г.П.

(г.Горно-Алтайск)

ВОПРОСЫ РОДОСЛОВНОЙ ЗАЙСАНА КУТУКА

В фондах Центрального государственного архива хранится очень интересный документ о родословной зайсана Кыпчакского отока (зайсанства) Кутука Кутайгулина, составленный в 1757 г. после принятия им российского подданства [1] (см. рис.1). При изучении документа возникают вопросы, на которые пока нет возможности дать окончательные ответы. Так, в родословной говорится, что звание зайсана пожаловано Кутуку “не по линии”, т.е. отец его зайсаном не был, хотя, вероятно, был человеком знатного происхождения. Отсюда возникают вопросы: составляли ли кыпчаки указанного отока самостоятельное зайсанство до назначения Кутука? кто ими управлял? где они жили?

„Родословная зенгорского зайсанга Хутука,
которой оставляется в двоюродные“

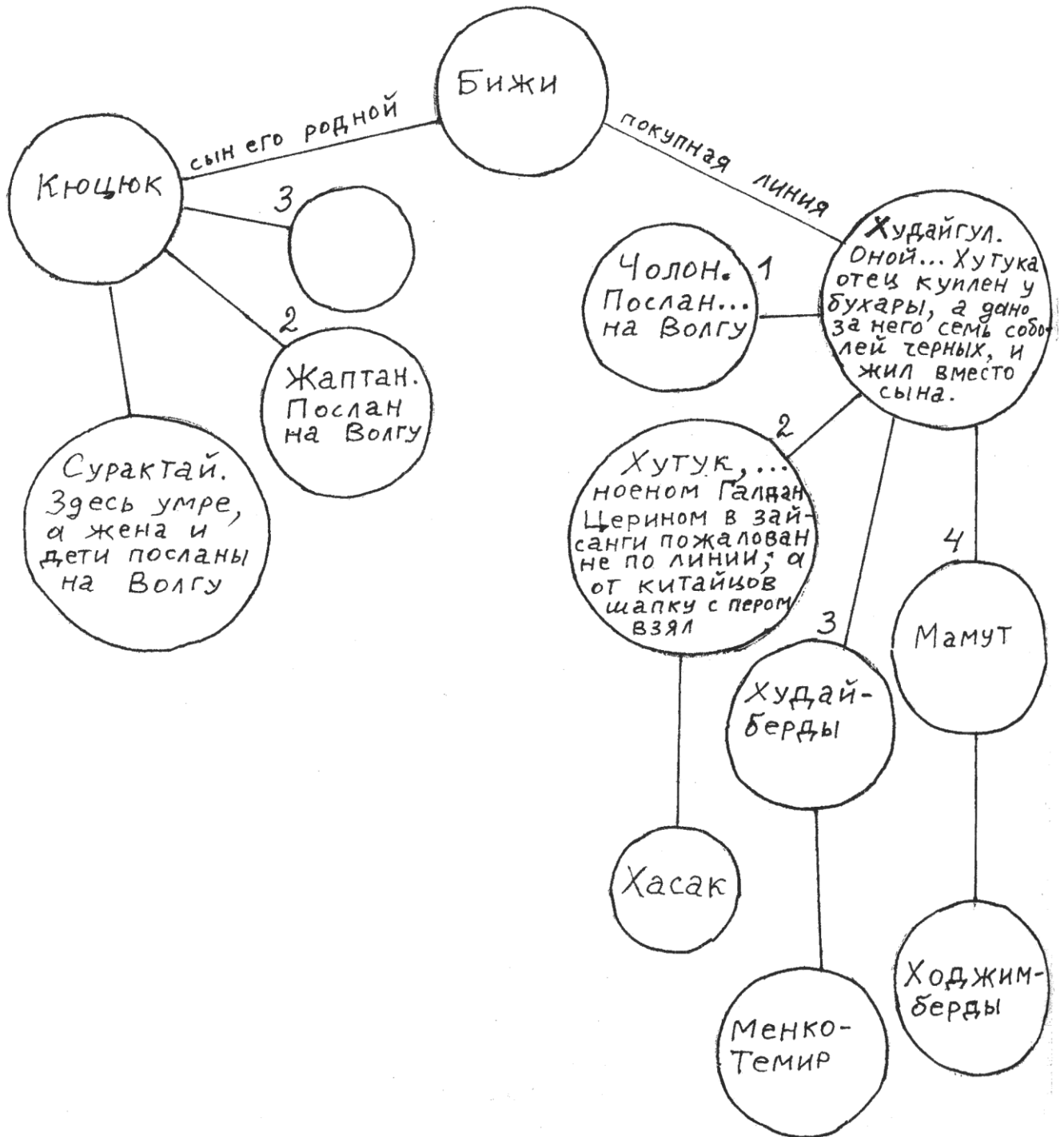

Рис.1

Большая часть имен, приведенных в родословной, т.е. Худайгул, Мамут, Худайберды и Ходжимберды, характерна для тюрков, исповедующих ислам. Первое имя означает: “Божий Раб”. Второе происходит от имени “Махмут”, являющегося стяженной формой пророка Мухаммеда. Третье имя переводится как “Данный богом”. Последнее означает: “Данный Моим Наставником”. Видимо, эти имена имеют связь с тем фактом, что отец Кутука, Худайгул (по полевым материалам автора данной статьи “Кудайкулы”), был “куплен у бухары”. “Бухарой”, или бухарцами, в русских документах XVIII в. называют жителей Восточного Туркестана и Средней Азии [2]. Таким образом, происхождение Кутука как-то связано с Восточным Туркестаном или Средней Азией. В данном случае под бухарцами в документе подразумеваются, конечно, представители Восточного Туркестана, т.к. и указанный регион, и Алтай входили в первой половине XVIII в. в состав Джунгарии.

В связи с этим обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Потомки кыпчаков Кыпчакского отока и прямые потомки самого Кутука называют себя “котон-кыпчаками” [3]. С учетом закона гармонии гласных в алтайском языке, термин “котон” идентичен известному топониму Хотан (Котан), представляющему собой название реки и оазиса в Восточном Туркестане. Алтайские котон-кыпчаки называют себя также “кортон-кыпчаками” [4]. Объяснение последнему варианту находим опять же в Восточном Туркестане. Очевидна его связь с тюркским наименованием Хотана, имевшем звучание “Кордан” [5].

Письменные памятники XVII-XVIII вв. на ойратском языке также связывают термин “котон” с Восточным Туркестаном. Данный термин неоднократно встречается, например, в указе джунгарского хана Галдан-Бошокту от 1678 г. для обозначения мусульманского населения всего Восточного Туркестана [6].

Уйгурский историк Зайн ад-Дин Мухаммад-Амин Садр Кашгари в своем сочинении “Тайны завоеваний”, написанном в 1790 г., указывает, что “мусульман ойраты называют “котаны”” [7].

В свете приведенных фактов представляется весьма вероятным переселение группы котон-кыпчак на Алтай из Восточного Туркестана или временное пребывание указанной группы в Восточном Туркестане и возвращение обратно на Алтай.

Примечания

1. ЦГВИА, ф.20, оп. 1/47, д.596, л.161.
2. Международные отношения в Центральной Азии. XVII – XVIII вв. Кн.2. М., 1989. С.272.
3. Полевые материалы автора.
4. Полевые материалы автора.
5. Кляшторный С.Г. Новые эпиграфические работы в Монголии (1969-1976 гг.) // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С.122.
6. Их цааз. “Великое уложение”. М., 1981. С.31-32, 53-54.
7. Международные отношения... С.259.

Тюхтенева С.П.
(г.Горно-Алтайск)

ОБ ОДНОМ ОРНАМЕНТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЙЦЕВ

Алтайцы называют Тибет *Төбөт-Танат*. С этой страной связана история нескольких лиц, рассказываемых в жанре генеалогических легенд, повествующие об обучавшихся в Тибете и известных современным потомкам как «*нама/лама/мама*» (лама). Это Боор из рода (сеока) кара майман, проживавший в селе Кулада Онгудайского района в середине 17 века, его потомок Барнул, называемый в народе *Ада (Отец)*, живший там же в начале 20 века; Кокул (Кёкул) из рода когол майман, живший в этом же селе и умерший примерно в 1915-1916 гг., и другие.

Село Кулада расположено в начале Каракольской долины в центральном Алтае, в Онгудайском районе Республики Алтай. Этот район является одним из районов республики с преобладающим алтайским населением. Там проживает около 10 тысяч алтайцев, которые, как принято считать, в большей степени, чем алтайцы других (в частности, Усть-Коксинского или Турачакского) районов Горного Алтая, сохранили традиции материальной и духовной культуры. Село Кулада – одно из наиболее известных в Республике Алтай населенных пунктов тем, что его жители первыми в новейший период истории алтайцев. с середины 80-х годов 20 века. ввели в практику решением сельского схода т.н. «безалкогольные» «комсомольские свадьбы», а с начала 90-х гг. таким же образом запретили продавать на территории местного сельского совета спирт и иные спиртные напитки, сумев, в результате, противостоять все и вся разрушающему воздействию социально-экономического кризиса. В сентябре 2000 г. именно в этом селе было проведено коллективное осеннее моление «Сары бұр» с участием большого количества людей. Выбор этого села для проведения знакового для современных алтайцев события, вероятно, был связан с тем, что здесь хорошо сохранились бурханистские традиции.

Бурханизм, определяемый исследователями как национально-освободительное движение алтайцев в религиозной форме, зародился и активно проповедовался в 1904-1906 гг. (1) В основе его религиозного концепта историки усматривают ламаистские (буддийские) элементы (2).

С распространением бурханизма у алтайцев и телеутов связывает изготовление ими деревянных и бумажных календарей двенадцатилетнего животного цикла, например, исследователь культуры народов Сибири С.В. Иванов. Он считает, что эти календари являются копиями китайских бронзовых амулетов и зеркал с изображением животных календаря 12-летнего цикла, изготовленными местными мастерами. Необходимость в создании копий появилась, по мнению исследователя, в связи с тем, что в начале XX века прекратились прямые связи южно-сибирских народов с Монголией, через которую проникали в Сибирь изделия китайцев. Все описываемые им календари, изображенные на бумаге и дереве были приобретены либо зафиксированы разными исследователями у алтайцев-бурханистов (3).

Все эти сведения я привожу здесь для того, чтобы перейти к описанию одного орнаментального мотива, а именно свастики, зафиксированного нами, вместе с моей коллегой этнографом В.Я Кыдыевой, в 1989 г. Свастики были вырезаны на лицевой части деревянных сундуков, называемых *аптра* или *баш кайырчак*, предназначенных для хранения различных вещей: зерновых и мучных продуктов, сахара, чая, а также ценных предметов, в том числе сакральных – *јада таш* (4), семейных оберегов *эрјине*, жертвенных ленточек и пр. Сундуки принадлежат семьям Чаадаевых Юрия и Каспан, Бакчабаева Чорбона, они имеются также у жителей других сел Алтая (5).

Вполне вероятным будет предположить, что этот орнамент был воспринят алтайцами современного Онгудайского района благодаря непосредственным контактам с представителями северного буддизма – ламаизма. В распространении бурханизма на Алтае немаловажную роль сыграли представители ламаистского духовенства (6). Наиболее последовательные поклонники бурханизма проживали (и проживают сейчас) по долинам рек Каракол и Урсул на территории вышеуказанного района. Села, расположенные в этих речных системах, связаны между собой горными перевалами. Жители этих селений издревле, используя горные тропы, мигрировали, вступали в брачные связи и находились в кровном родстве друг с другом. Таким образом, можно объяснить факт использования в народном прикладном искусстве свастики именно в этих селениях, как наиболее близко знакомых с предметами буддийского культа. Вполне возможно также предположить, что этот орнаментальный мотив применялся мастерами данного села в качестве знака благоденствия и вечности жизни во всех трех мирах и четырех частях вселенной, и, кроме того, как символ сопричастности его жителей к буддийскому мировоззрению.

Этот орнамент вырезан на лицевой стороне деревянного сундука и представляет собой свастику, удлиненные концы которой образуют другую свастику. В целом весь орнамент из 1, 4-х и более свастик связан Т-образными и меандрообразными непрерывными линиями, образуя замкнутый прямоугольник, квадрат или круг (рис. 1, 2).

Резные деревянные сундуки алтайцев, наряду с другими предметами их традиционной материальной культуры, были обследованы членами научной экспедиции Научно-

исследовательского института художественной промышленности в 1952-57 годах (7). Исследователь Н.И. Каплан отмечает, что сундуки, «занимавшие в недавнем прошлом большое место в алтайском быту, обычно украшены контурной резьбой, причем только передняя, видная стенка» (8). Описывая композиционное решение сундуков, автор отмечает, что оно, как правило, заключалось в том, что в удлиненный прямоугольник передней стенки вписывались два симметричных квадрата или прямоугольника, в которые помещались другие квадраты, круги или ромбы, расчлененные на несколько геометрически орнаментированных внутренних плоскостей. Как значительно более сложный орнамент на сундуке М. Балкиной (вернее – Баркиной – С.Т.) из села Ело Онгудайского аймака описан ею следующим образом: «орнамент заключен в два симметричных квадрата, вписанных в прямоугольник... Углы квадрата срезаны геометрически прямолинейными уступчатыми фигурами, в которых можно узнать часть китайско-монгольского орнамента, часто встречающегося в узорах китайских ковров, тканей и других декоративных изделий. Этот орнамент состоит из прямых линий, расположенных по диагоналям по отношению к раме, окаймляющей всю орнаментируемую площадь. Идя уступами, диагонали образуют в местах пересечений фигуры в виде креста с загнутыми под прямым углом концами, а в целом весь узор имеет характер как бы лабиринта... Взаимосвязь между китайско-монгольским и алтайским народным искусством можно видеть и в других мотивах контурной резьбы по дереву: в фигурах ленточного орнамента, в мотиве так называемого "бесконечного узла", и, наконец, в меандровых обрамленьях, столь типичных для китайских тканей и ковров» (9). Здесь следует также привести сноску из цитируемой работы по поводу последнего орнаментального мотива: ««Меандром» еще в античной греческой орнаментике принято называть геометрический узор, часто встречающийся на греческих вазах и тканях, в виде правильных, бесконечно повторяющихся уступов – зигзагов в форме прямоугольного крючка или буквы Г. От греческого «меандра» отличается китайский «меандр», гораздо более растянутый в ширину, имеющий Т-образную форму» (10).

Этот орнамент называется у алтайцев *туйук жук* «замкнутый шов» и используется, кроме резных деревянных изделий, на одежде, а именно: им вышиваются обшлага рукавов и проймы верхней одежды. Этот узор считается *байлу*, т.е. табуированным, и не рекомендуется к частому применению. Свастика и меандр, судя по способу и месту их использования, выполняли функцию оберегов. По словам «знающего человека» (11) из Кош-Агачского района, орнамент меандр на ее тонком женском летнем пальто *каптал* символизирует трудности, могущие быть на жизненном пути женщины-матери, и их преодоление. Она называет его «чаазын чийу» – «бумажная линия/орнамент». На мой вопрос о значении свастики, которую я ей показала, она ответила следующим образом: «Это, наверное, знак (досл. *Темдек* – идеограмма или буква) «квадратного письма» монголов». Действительно, этот орнамент напоминает по внешней форме знак «квадратного письма», или, как его еще называют, «письмо Пакба-ламы» (12).

В фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина хранится комплект предметов буддийского культа, найденный в конце 80-х годов в одной из пещер пограничного с Казахстаном, Китаем и Монголией Кош-Агачского района Республики Алтай. В числе прочих вещей в нем имеется деревянная стрела длиной 96 см, к которой привязана белая шелковая лента. На ней краской изображены 5 свастик – одна в центре, четыре по краям (Фонд Национального музея Республики Алтай, ЭТ №9473). Этот комплект, по словам осмотревшего его ширетуй-ламы Самаева, настоятеля Окинского дацана (с. Орлик Окинского района Республики Бурятия), использовался в ритуальных целях при проведении различных буддийских культовых обрядов. Входящие в комплект вещи, а именно: шкатулка с миниатюрными моделями утвари алтайцев, в т.ч. лук со стрелой, издревле использовались южносибирскими тюрками при поклонении духу-хозяйке огня, очага, верхним божествам, божеству-творцу *Дьабыйк'у*, а также божеству *Май-Эне* (Умай), культ которой зафиксирован еще у древних тюрков. Описавшие найденный в 1989 г. комплект исследователи В. Кубарев и И. Октябрьская видят в нем артефакт культурно-религиозного взаимодействия алтайцев-теленгитов, тувинцев, западных монголов и казахов. Лук и стрела, ленты, шерстяные нити, привязь для молодняка и пр. – эти вещи входили в состав культовых предметов как шаманского, так и ламаистского культов (13).

По мнению Н.В. Кочешкова, исследовавшего декоративное искусство монголоязычных народов XIX - середины XX вв., орнаментальная роспись сундуков имеет древнее проис-

хождение (14). Узорами, символизировавшими солярные божества, украшались шаманские сундуки *шэрээ*. «... Декоративные приемы и композиционное решение и росписи западных бурят роднит это искусство с искусством алтайцев. – пишет автор. – Такое поразительное сходство в росписи позволяет предполагать существование теснейших культурных связей западных бурят с алтайцами, а может быть, является свидетельством их генетического родства в далеком прошлом... Буддизм принес и в Монголию, и в Забайкалье мотивы, широко распространенные в Тибете, Индии, Непале, отчасти в Китае: всевозможные символы, знаки, плетенки... » (15).

Исследователи народного творчества тюрко-монгольских народов Сибири считают этот орнаментальный мотив заимствованием из тибетско-китайского искусства посредством монголов. Так, в работе Р.Д. Бадмаевой, посвященной бурятской народной одежде, на фото 7 изображена женщина в верхней одежде, относимой исследовательницей к концу XIX - началу XX вв. (16). Это, как сказано в паспорту фото, традиционный наряд замужней женщины из числа закаменских бурят Забайкалья. Лиф и верхняя часть рукава этого наряда вышиты свастикой с удлиненными концами, переходящими в следующую свастику. В этой же монографии приведена фотография традиционной башмаковидной обуви *гутал* из Предбайкалья, на голенище которой вышита сдвоенная свастика (см. илл., рис. 3,4).

Свастика, меандр и улзий (символ бесконечности), действительно широко распространенные по всей Центральной Азии, и, в частности, в Тибете, скорее всего, восприняты и переосмыслены буддизмом из более ранних пластов культур населявших этот регион народов. Использование их в орнаментальных композициях на плоскости, в металлопластике, на одежде из кожи и ткани, вероятно, нельзя сводить только к недавнему заимствованию из буддийского религиозного искусства.

В орнаментике алтайцев широко использовались и применяются сейчас различные свастико- и крестообразные узоры, называемые *кас* – «гусь» и *саракай* – узор, подобный изображению масти «трефы» на игральных картах. Это и тавро для клеймения скота в виде свастики, и узоры на потнике конской упряжи, и плетеные из кожаного шнура узоры на конской узде, и узоры на посудных шкафах, и кожаных сосудах для вина *тажуур*.

Свастика – древнеиндийский знак благоденствия, процветания, символизирующий в этой философии вечное круговращение Вселенной. В буддизме это символ закона Будды, которому подвластно все сущее, в сочетании с другими символами изображается на воротах храмов, на тканях, в которые заворачивают священные тексты, на погребальных покровах, на бытовых предметах (17).

Искусствовед С. Жарникова, анализируя орнамент сакрального характера русского Севера (Архангельск, Вологда), сравнивает его с орнаментами индо- и ираноязычных народов, обитавших в Евразии в различные эпохи. В результате она приходит к следующим выводам: геометрические узоры меандр, свастика, сложнопрорисованный крест, «гуськи» (трансформированный меандр) прослеживаются на предметах материальной культуры от палеолита до наших дней у всех народов, относящихся к индоиранской (индоевропейской) языковой семье, обитателей Евразии: «сходные орнаменты могут вне взаимной связи возникать у разных народов, но трудно поверить в то, что у народов, разделенных тысячекilометровыми расстояниями и тысячелетиями, – если только эти народы не связаны этногенетически – могут совершенно независимо друг от друга появляться столь сложные орнаментальные композиции, повторяющиеся даже в мельчайших деталях, да еще выполняющие одни и те же функции: оберегов и знаков принадлежности к семье или роду» (18).

Описываемые узоры широко применяются современными тибетцами в оформлении различных плоскостей: росписи потолков, стен, обеденных столов; свастика и меандр украшают деревянные внутрикомнатные перегородки, тумбочки и шкафы; свастики изображены на бортах грузовых автомобилей наряду с другими солярными знаками; меандр вырезан даже на брелке для ключей гостиницы «Къечу» г. Лхаса. (см. в илл. фотографии, сделанные во время экспедиции по Тибету в сентябре-октябре 2001 г. Рис.5, 6, 7).

Везде, безусловно, эти узоры выполняют совершенно определенную функцию – носителя и хранителя благодати.

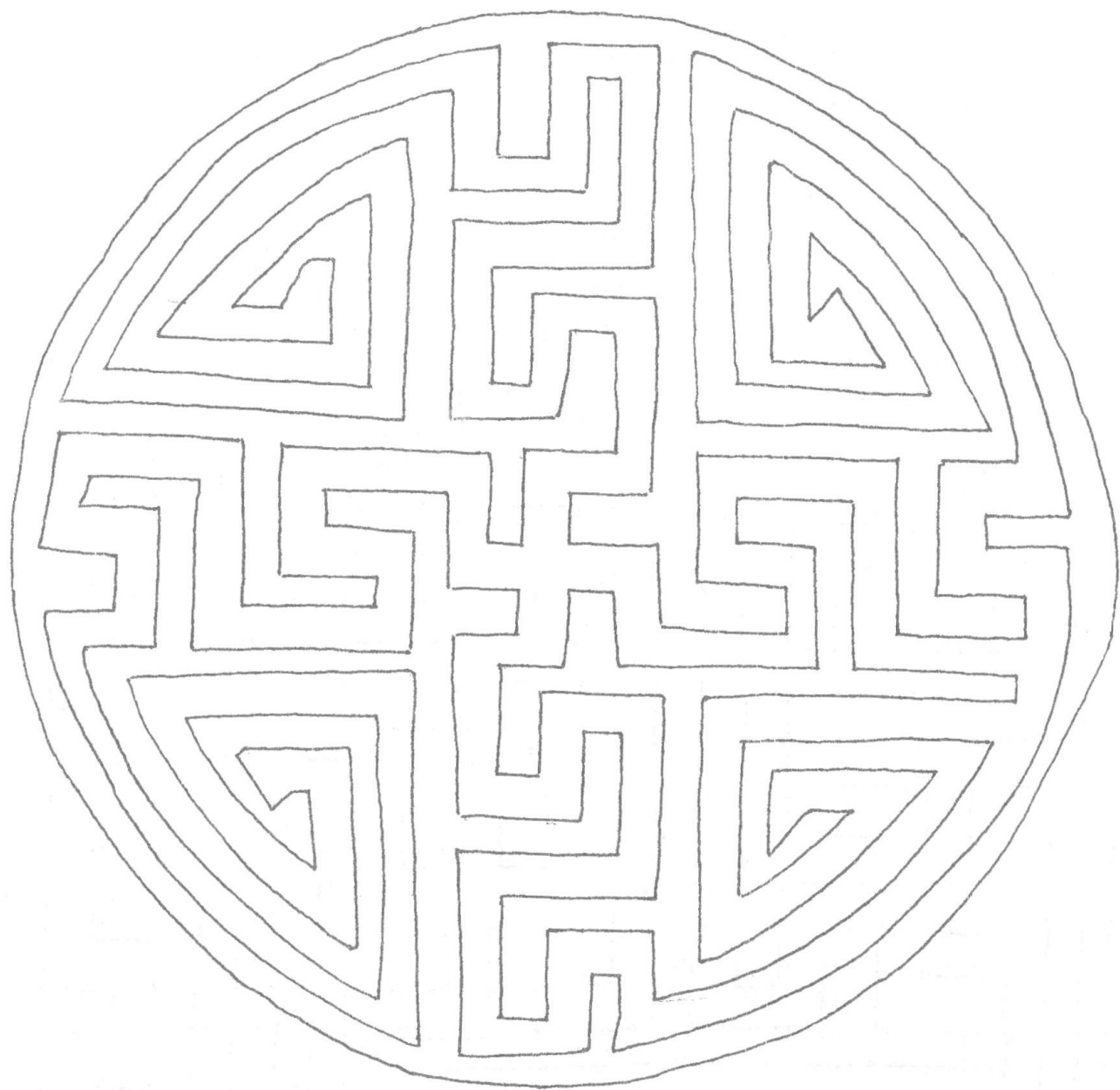

Рис.2

Рис.3

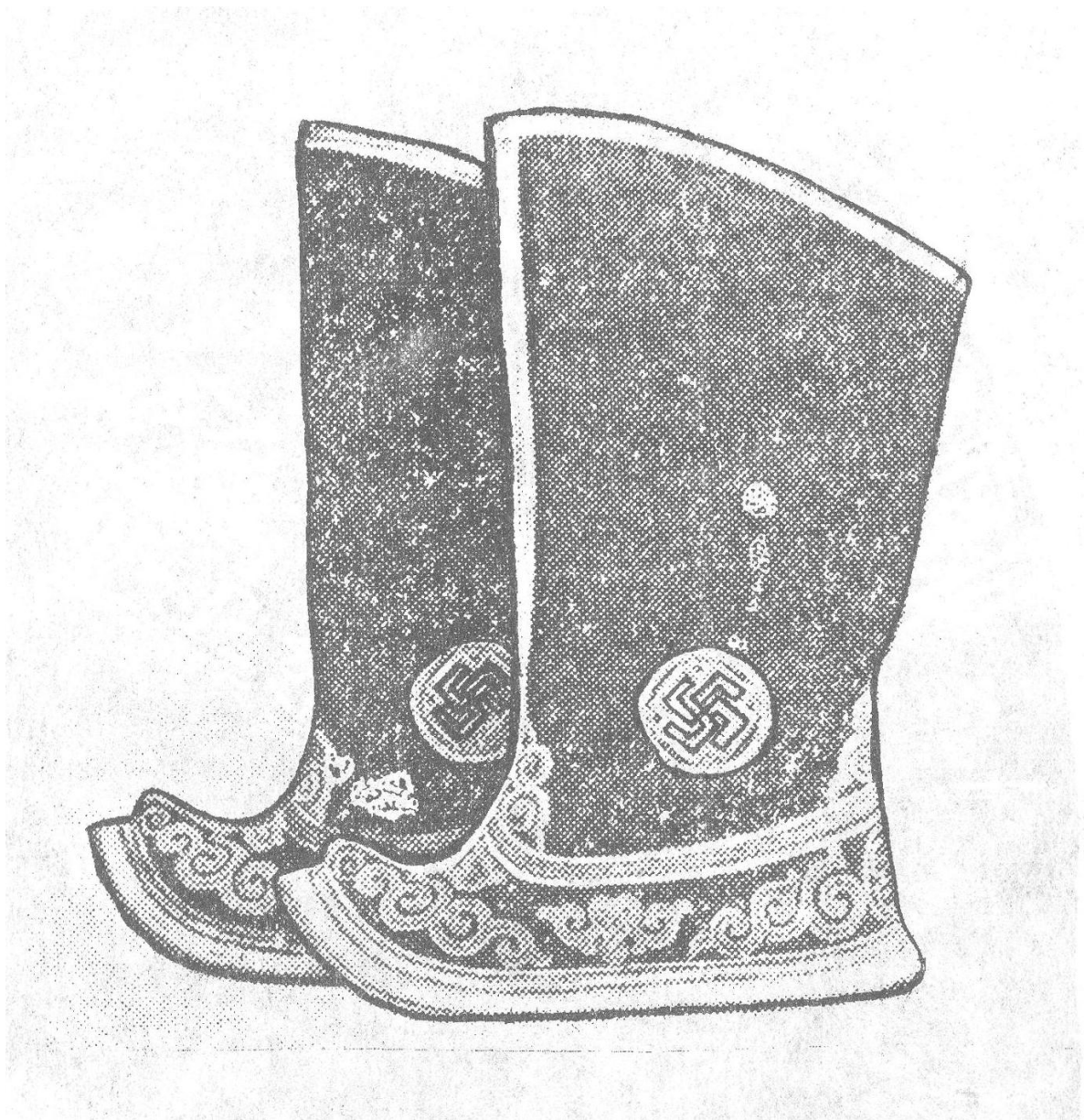

Рис.4

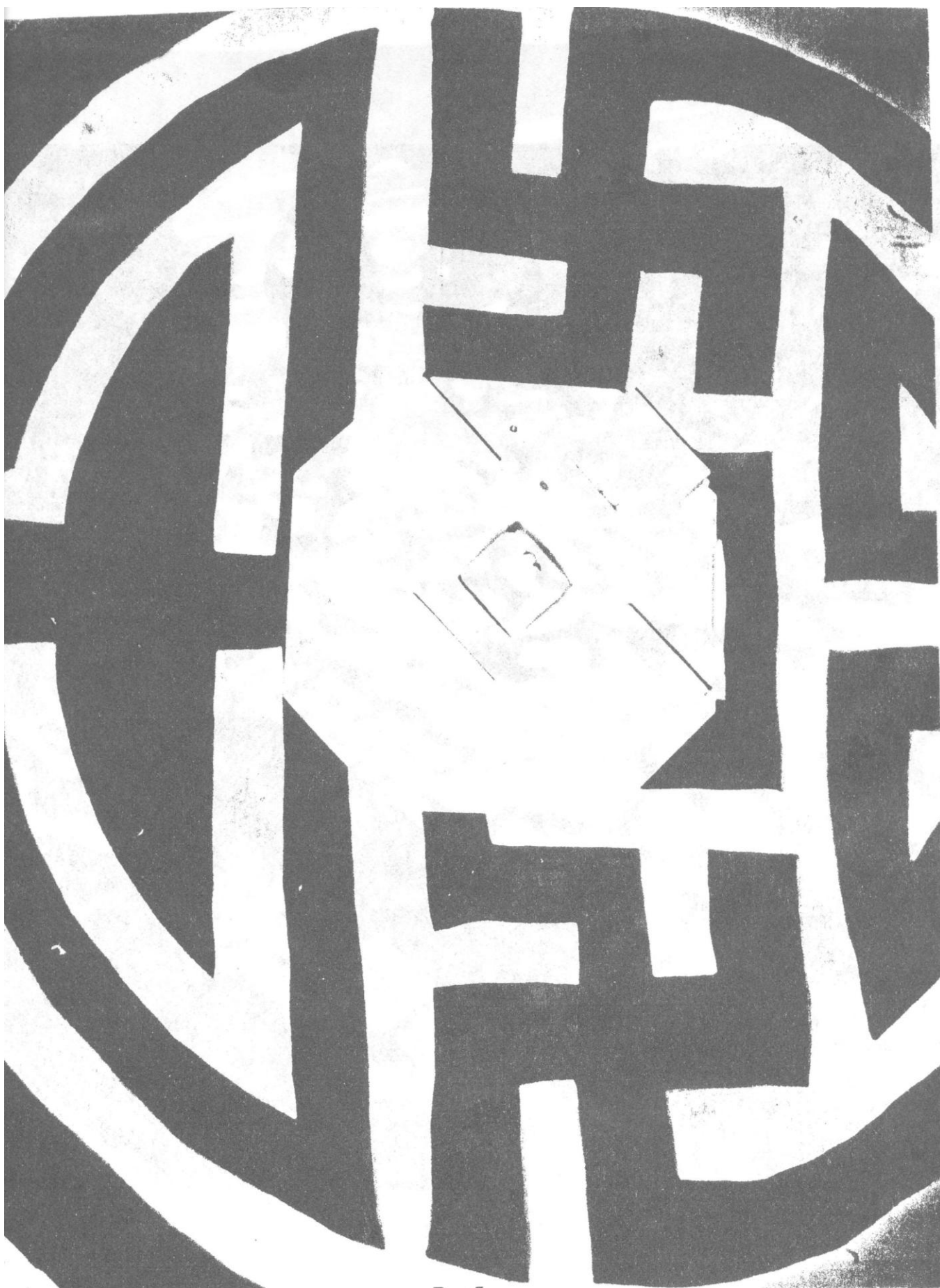

Рис.5

Рис.6

Рис.7

Предки современных алтайцев, как и другие народы Центральной Азии, проживая на обширнейших территориях, находящихся между горными системами Алтая, Трансгималаев, Каракорума и пустыней Гоби, издревле контактировали с различными народами, культурами, религиями. Благодаря этому «плавильному котлу» в прикладном искусстве алтайцев могли сохраниться такие древние солярные знаки, как свастика, крест, меандр, позднее адаптированные для использования в иных религиозно-философских системах.

Резные деревянные сундуки используются алтайцами по сей день. Сундук входит в число обязательных предметов приданого невесты. Украшение свастикой преследовало, очевидно, определенные цели: в этом орнаменте можно видеть пожелание благополучия для семьи, он призван оберегать обитателей жилища, духовные и материальные ценности их этнической культуры.

Примечания

1. В последующие десятилетия, а также в советский период, вплоть до начала 90-х гг. XX в. бурханизм бытовал в пассивной форме. С начала 90-х гг. он, наряду с шаманистскими религиозно-культурными обрядами, активизировался вновь.
2. Данилин А.Г. Бурханизм – из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск, 1993; Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. – М., 1930; Муйтуева В.А. Эволюция религиозности и становление свободомыслия у алтайцев. Диссертация ...к.ф.н. – СПб., 1991; Муйтуева В.А. О некоторых духах бурханизма // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1992; Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX - нач. XX вв. (история формирования этноконфессиональной общности). Автореферат ...к.и.н. – Л., 1985; Шерстова Л. И. Тайна долины Теренг. – Горно-Алтайск. 1995 и др.
3. Иванов С.Б. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.-Л. 1954. С. 620, 621 и далее.
4. Об этом предмете, называемом в литературе «яда таш», см. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М., Л. 1952. С. 31-32; Его же. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Алтая // СЭ. 1947. №1; Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб. Т.4. Изд. С.189-190; Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л. 1991. С. 131 и др.
5. В Бийском краеведческом музее им. В. Бианки в постоянной экспозиции, посвященной материальной культуре алтайцев, находится крышка деревянного сундука, принадлежавшего Кокулеву Дьарык, изготовленного в 1910 г., жившему в современном с. Кырлык Усть-Канского района.
6. Данилин А.Г. Бурханизм...; Мамет Л.П. Ойротия...; Муйтуева Н.А. Эволюция религиозности и...; Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX ...; Шерстова Л. И. Тайна... и др.
7. Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая. – М. 1961.
8. Ук. Соч. С. 78.
9. Ук. Соч. С. 78-79. Из этого описания очевидно, что речь идет об орнаменте на сундуке, аналогичном «куладинским» свастикам. Село Ело входит в Онгудайский район и относится как раз в тем селениям, соединенным между собой горными перевалами, о которых я писала выше.
10. Там же, с. 75, сноска под номером 2.
11. Так алтайцы называют неошаманов (современных служителей шаманского культа) или служителя бурханистского культа жарлыкчы, букв. «неме билер кижы».
12. См. стр.28 работы Д.Кара «Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности)». – М. 1972, парагр. «Государственный алфавит» – квадратная письменность». С. 27-32.
13. Кубарев Д., Октябрьская И. Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 84-92.
14. Кочетков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX-середины XX вв. – М. 1979.

15. Ук. соч. С. 120-121.
16. Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ. 1987.
17. Буддизм. Словарь. – М., С. 225. Автор статьи – Жуковская Н.Л.
18. Жарникова С. Древние тайны русского севера // Древность: Арьи. Славяне. Изд. 2. – М. 1996. С. 119.

Список иллюстраций к статье Тюхтеновой С.П.

- Рис.1 Орнамент со свастиками на крышке деревянного резного сундука из села Кулада Онгудайского района. Карандашная прорисовка.
- Рис.2 Вторая разновидность орнамента на сундуке.
- Рис.3 Наряд замужней женщины, закаменской бурятки из Забайкалья конца XIX-начала XX вв. со свастиками на рукавах и лифе.
- Рис.4 Сдвоенная свастика, вышитая на голенище традиционной обуви бурят Предбайкалья.
- Рис.5 Орнамент со свастиками на натяжном тканевой потолке гостиницы в г.Лхаса (Тибетский автономный район, Китай). Фотографии сделаны автором осенью 2001 году.
- Рис.6 Орнамент с округлыми свастиками на обеденном столе ресторана г.Гьяцу (Тибетский автономный район, Китай).
- Рис.7 Вытянутый меандр на натяжном тканевом потолке в ресторане г.Лхаса (Тибетский автономный район, Китай).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Кунгурова Н.Ю. (г.Барнаул) ПОСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЕ-I – ПАМЯТНИК ИРБИНСКОГО ТИПА	3
2. Чевалков Л.М. (г.Горно-Алтайск) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ДОЛИНЕ РЕКИ КАРАКОЛ	9
3. Дашковский П.К. (г.Барнаул) ЛОШАДЬ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НОМАДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ VI–II ВВ. ДО Н.Э	16
4. Могильников В.А., Суразаков А.С. (г.Москва, г.Горно-Алтайск) РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ ЯБОГАН III	26
5. Мамадаков Ю.Т. (г.Барнаул) ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА КАЙНДУ	63
6. Худяков Ю.С. (г.Новосибирск) РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА КОЧЕВНИКОВ ХУННСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОГО АЛТАЯ	78
7. Соёнов В.И., Глебова Н.И. (г.Горно-Алтайск) ФРАГМЕНТЫ ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА КУРАЙКА	88
8. Ямаева Е.Е. (г.Горно-Алтайск) ИЗВАЯНИЕ ИЗ УРОЧИЩА СОГОДЁК	90
9. Суразаков А.С. (г.Горно-Алтайск) ОТЧЕТ ПО ЭКСПЕДИЦИИ НА ЧУЛЫШМАН В АВГУСТЕ 2000 г.	90
10. Худяков Ю.С. (г.Новосибирск) КОК-ЭДИГАН – НОВЫЙ ПАМЯТНИК КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ	99
11. Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. (г.Горно-Алтайск, г.Новосибирск) РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА МЕЖЕЛИК	109
12. Екеев Н.В. (г.Горно-Алтайск) АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.....	132
13. Самаев Г.П. (г.Горно-Алтайск) ВОПРОСЫ РОДОСЛОВНОЙ ЗАЙСАНА КУТУКА	137
14. Тюхтенева С.П. (г.Горно-Алтайск) ОБ ОДНОМ ОРНАМЕНТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЙЦЕВ	139

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ АЛТАЯ. Выпуск 1

Сборник научных трудов

Статьи публикуются в авторской редакции

Ответственный редактор – к.и.н., доцент **В.И.Соёнов**

Набор – **В.А.Кочеев, С.Ю.Чевалков, В.И.Соёнов**

Составление, оформление, компьютерная верстка, корректура, макет – **В.И.Соёнов**

Подписано в печать 21.04.2003. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.

Гарнитура – «Ариал». Усл.печ.л. – 18. Заказ №32.

Тираж – 550 экз.

Типография Горно-Алтайского государственного университета.
Республика Алтай, 649000, г.Горно-Алтайск, ул.А.Ленкина,1